Борьба за троглодитов

Борис Федорович Поршнев

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

История поисков "снежного человека" в СССР, рассказанная выдающимся советским ученым Б.Ф.Поршневым. В книге обосновывается на большом фактическом материале реальность существования этого вида живых существ как потомков вымерших ископаемых гоминид.

Опубликовано в журнале "Простор", 1968 г., №№ 4-7.

- Б.Ф.Поршнев
-
- 1. ОТВРАТИТЕЛЬНЫЙ И СМЕХОТВОРНЫЙ
- 2. НЕГАДАННЫЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ
- 3. "ЗАПИСКА, НЕ ИМЕЮЩАЯ НАУЧНОГО ЗНАЧЕНИЯ"
- 4. ВНЕ ИДЕЙ
- 5. ВЗМАХ И ПЕРЕЛОМ КРЫЛА.
- 6. БУДНИ, ПОЗНАНИЕ.
- 7. СКВОЗЬ НЕПРОЗРАЧНОСТЬ ПРОШЕДШИХ ВЕКОВ.
- 8. С КАРАНДАШОМ ПО КАРТЕ.
- 9. ПОДЗАЩИТНЫЙ ПРАВОВЕРНЫХ.
- 10. РУКОЙ ПОДАТЬ.
- 11. КАБАРДИНСКОЕ ОПЫТНОЕ ПОЛЕ.
- 12. ДЕКАРТОВА ЗАГАДКА.
- 13. ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО.
- СОДЕРЖАНИЕ

Б.Ф.Поршнев
Борьба за троглодитов
Журнал "Простор", 1968, №№ 4-7.

Борис Федорович Поршнев (родился в 1905 году) крупный советский историк, ученый широкого диапазона, доктор исторических и доктор философских наук. Его капитальная работа "Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623-1648)", опубликованная в конце сороковых годов, была удостоена Государственной премии, переведена на иностранные языки и вошла в мировую историческую науку по общему признанию не только историков-марксистов, но и представителей буржуазной историографии.

Б.Ф.Поршнев автор книги о Жане Мелье - утопическом провозвестнике революционного коммунизма. Он возглавляет специальную группу по истории социалистических идей в Институте истории Академии наук СССР.

Многие годы Б.Ф.Поршнев успешно работает в смежных с исторической наукой областях социальной психологии, этнографии, антропологии, биологии.

Б.Ф.Поршнев является членом Международного социологического института и достойно представляет советскую науку на различных международных конгрессах и конференциях.

> "Надо мной смеялись, не хотели даже взглянуть на вещи, боясь сделаться еретиками в науке. Но когда факты оказались столь очевидными, что невозможно было в них усомниться, мне все-таки пришлось испытать нечто худшее, чем возражения, чем критику, чем сатиру, чем преследования - я встретил молчание. Не отрицали фактов, не оспаривали их, - обрекли забвению; или же искали объяснений еще более неожиданных, чем сами факты... Я же очень заботился об этих возражениях; для меня вдесятеро были чувствительнее упорные отказы исследовать факты и слова "это невозможно", произносимые с полным нежеланием вникнуть в дело".
> Буше де Перт,

пионер изучения древнего каменного века.

1. ОТВРАТИТЕЛЬНЫЙ И СМЕХОТВОРНЫЙ

Снежный человек... Нечто эдакое, требующее улыбки.

Один умный журналист назвал очерк, в котором пытался схватить положение дел со снежным человеком: "Клеймо улыбки". Эта находка хорошо описывает гражданскую казнь тех, кто знает, что улыбаться нечему. Статья появилась под другим, тщетным заглавием "Как важно быть серьезным" ("Литературная газета", 1966, 25 июня).

Снежный человек. Что-то об этом слышали поголовно все. Нередко собеседник бессмысленно добавляет: "Я все об этом прочитал". Ситуация во всяком случае такова: если есть научный вопрос, о котором каждый вправе судить, то это вопрос о снежном человеке. "А вы верите?"

Так получилось ходом предшествующих событий. В газетах и популярных журналах миллионы прочитали информацию не о симпозиумах и монографиях, а прямо о некоторых случаях наблюдения этого "чего-то" в природе. Читатели приглашены были занять вакантное почему-то место ученых. И приняли приглашение. Снежный человек стал достоянием "всех и каждого".

Очевидно, в этом виноваты ученые. Ведь, может быть, все-таки мудрее всех страус? В том случае, если он эксперт. Нелегко дать экспертизу, свидетельствующую, что наука тебя обошла, а монопольно не смотреть - легче. Пусть себе неученая публика балуется чем хочет.

Но ведь если добросовестно задуматься, нетрудно представить себе всю лавину научной революции, вероятность которой в большой степени зависит от такой, по распространеному мнению, "забавы взрослых шалунов", как поиски снежного человека.

В самом деле: дарвинизм совершил свою революцию, когда ископаемые предки современного человека были еще почти неизвестны. Строго удалось доказать только то, что в далеком прошлом человек через ряд звеньев произошел от какого-нибудь вида обезьян, более или менее сходного с современными человекообразными обезьянами (антропоидами). Почти все промежуточные и побочные родственники вымерли. От ветвистого общего родословного дерева до наших дней, до сегодняшней поверхности, дожили только: с одной стороны,

четыре рода человекообразных обезьян, весьма отклонившихся вбок от предковой формы - гиббоны, орангутаны, гориллы и шимпанзе, с другой, единственный вид живущих на земле людей - Homo sapiens ("человек разумный"). Психологам осталось сопоставлять этих неблизких живых родственников. Нечего удивляться, что обнаружилась пропасть. Что касается вымерших, ископаемых, - их костей и следов их жизнедеятельности, - то за сто лет после Дарвина накоплены монбланы вещественных данных, однако разве может быть полная уверенность, что косвенные умозаключения антропологов и археологов об их психике безупречны и непоколебимы? И вот, как молния, возникла вероятность, что сто лет мы ошибались: что не вымер, дожил до нас еще один вид, причем далекий и от человекообразных обезъян, и от "человека разумного" - что-то вроде гряды между двумя долинами. Сколько правдоподобных догадок рассыплется, сколько истин приоткроется!

Если этот вид телом схож с неандертальцами, но не имеет того специфического, что отличает человеческую речь от сигнализации у животных, значит мы вплотную придвинемся к загадке речи. В комплексе наук о человеке речь остается главным иксом, как недавно в физике была проблема атомного ядра. Природа человеческой речи ныне - штурмуемое ядро. И вот мы обретаем превосходную позицию для штурма со стороны биологической эволюции: если этот предковый вид нем, он самой немотой своей выскажется в пользу важных гипотез о специфике человеческой речевой деятельности. Мы сможем наблюдать на нем и ее физиологические предпосылки, каких нет у обезьян. Одним словом, это так же значительно, как в физике экспериментальные наблюдения для общей теории. Далее, если окажется, что неандертальцы вообще еще не могли обладать речью, их отныне никак нельзя будет называть людьми и, следовательно, история людей радикально укоротится: придется считать историей только время существования "человека разумного", значит, не два миллиона лет, а всего примерно 35 тысяч лет. Да и из них огромная доля отойдет на темные водовороты "предисловия". На собственно историю останутся последние тысячи лет. Она выступит тем самым как стремительный процесс, нет, как процесс стремительно ускорявшийся.

Вот какую серьезную лавину может толкнуть снежный человек. Между тем даже слово "поиск" несет неуместную занимательность. Выигрыша пари не предстоит: впереди много работы, но не первооткрытие, не находка, так как это - позади.

Драма и состоит в том, что никто не расположен опровергать

этого. Взамен - клеймо улыбки!

Пожалуй, самая пылающая сторона этого странного дела о снежном человеке - моральная сторона. Есть проблемы науки, но есть и проблемы отношений и обязанностей людей в науке.

С первых месяцев, что я стал отдавать время загадке снежного человека, я следовал одному правилу: для себя и для других собрать и выложить, как открытые карты на стол, все относящиеся к делу данные. Я не сортировал: вот это внушает мне доверие, вот это нет. Но соединял все вместе, понимая, что если есть ядро истины, то при обилии материалов оно станет видно. Исходить не из доверия, как бы ни был безупречен свидетель, исходить из суммирования всего, что есть: записей, наблюдений, костных останков, изображений. И тогда смотреть, что получится.

Так сложился и продолжает складываться нижний этаж всего исследования. На сегодняшний день это - семь сборников (восьмой в работе). Назовите это сводом, корпусом, кодексом, индексом. Мы называем: "Информационные материалы". Сколько же пожрали они черной работы! Гора корреспонденции. Немало заботы, чтобы не подсказать невольно информаторам того, что ждешь от них услышать, тем более - чтобы они не вдохновляли друг друга. Впрочем, последнее было бы невозможно: сотни и тысячи сведений из разных стран и областей, а также и из разных эпох. Аккуратно переписанные и пронумерованные идут друг за другом сообщения самых разных людей. В этих книгах они расклассифицированы только географически: сведения из Непала и Сиккима, сведения из Индо-Китая, из Китая, из Мончголии, из Северо-Восточной Азии, из Северо-Западной Америки, сведения из областей СССР - из Прибайкалья и Саян, из Казахстана и среднеазиатских республик, из Якутии и с Кавказа. В общем же материал лежит почти первозданный, необработанный и в этом - первичная честность всего нашего исследования.

Так дно работы было с самого начала устлано исследовательской правдой. Посмотрите все, что удалось запечатлеть в этом дневнике, вернее ежегоднике, и вы увидите, что остается один единственный ход: есть, были такие существа и обладают они такими-то и такими-то свойствами; все тысячи свидетельств монтируются в одно биологическое целое.

А на противоположной стороне "диспута" - игра не по правилам. Ни один из ведущих антропологов не прочел подряд этих семи сборников, ни толстенной монографии, на их основе написанной "неантропологом". Клеймо улыбки заодно легло на зоологов и анатомов, вместе с которыми мы обмывали каждую крупицу в семи водах биологического осмысления.

Говорят, что не стоит, не стоит читать: сплошной обман! Но с американской коммерческой деловитостью зоолог Айвен Сендерсон подсчитал, во сколько миллионов долларов обошелся бы тайному концерну подкуп всех этих людей в масштабах планеты. Ради чего? Чтобы надуть нескольких ученых?

Ну, тогда сплошной фольклор! Это кольцо уж намертво сварено: кто прочел бы, увидел бы, что никакой это не фольклор, но не читает, ибо проще поверить, что там "неантропологами" навален и принят за чистую монету фольклор.

А в действительности там приведены доказательства, вполне достаточные с точки зрения общей логики доказательств. Исследование уже махнуло далеко от начального вопроса: сущестует "что-то такое" или не существует? Знаем, что это такое (так Паули открыл нейтрино за 30 лет до того, как удалось его поймать). Поняли, почему ни XIX веку, ни первой половине XX задача не была посильна: требуются самые новые зоологические и антропологические представления, самые современные технические и самые организованные общественные, государственные средства.

Пока же идет борьба другого рода. Надо во что бы то ни стало привлечь внимание и поддержку общественности. Вот я поднимаю занавес. Нижеследующее - апология. Попытка описать тропу исследования - загадки и разгадки, людей и думы. Я должен только изложить суть дела как можно яснее и языком как сумею лучшим, чтобы заставить дочитать себя. Придется отобрать минимум нужнейших фактов. Тогда "все и каждый" будут толковать, располагая начальной информацией. Я апеллирую ко всеобщему здравому разуму. Этому еще на рассвете учили Галилей и Декарт.

2. НЕГАДАННЫЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ

Иногда новая мысль в науке возникает при случайном соприкосновении раздельных проводов - как короткое замыкание. И сама истина подчас лежит в точке пересечения двух независимых линий.

Я не придавал значения тому немногому, что прочел о снежном человеке. Нельзя было вообразить для описываемого существа ни растительной, ни мясной пищевой базы.

А впервые придал значение в тот памятный час, когда проскочила искорка сопоставления - как позже выяснилось, несущественного и спорного - между одной деталью информации о снежном человеке и одной деталью моих прошлых исследований об отношениях доисторических людей с природной средой. Киик, горный козел! С него все и пошло.

Гидролог А.Г.Пронин в конце 1957 года сообщил в прессе, что он видел издалека снежного человека на Памире, в долине Балянд-Киик. Это название значит "долина тысячи кииков". За два года до того я закончил исследование об источниках питания ископаемых неандертальцев, обитавших на обнаруженной советскими археологами стоянке Тешик-Таш в горах Средней Азии. Там было огромное количество костей горного козла - киика. Обстоятельно изучив биологию этих копытных и их место в сопряженной фауне, я пришел к эпатирующему археологов выводу, что неандертальцы не располагали возможностью убивать этих акробатов скальных ущелий, ни испугать их до самоубийства в родной стихии, как нельзя заставить орла поскользнуться со страху в небе. Гибельный прыжок киику запрещает вся его наследственная физиология. Выяснилось другое: виртуозный убийца кииков леопард забивает их больше, чем съедает. В его охотничьем районе несколько видов пернатых и наземных плотоядных званы на пир. Неандерталец справлялся с задачей обогнать и отогнать их. Туши, части туш притаскивались в пещеру: на месте находки ни зубы, ни ногти, подобные нашим, еще не могли сделать труп козла пищей - лишь особо обитые острые камни позволяли резать и скоблить шкуру, кости, связки. Когда недоставало мяса, обшаривали окрестные ягодные кустарники, ковыряли корни на склонах. Эта реконструкция кормовой среды ташик-тащцев была лишь частицей и звеном цикла других моих исследований. Подобным образом было показано, что неандертальцы не убивали пещерных медведей, но так тесно знали их, что присваивали всю биомассу, которую

периодически откладывала смерть этих животных в данном районе. Для более древних эпох удалось показать, как многоводные ледниковые реки приносили к отмелям, перекатам и устьям огромную биомассу трупов копытных, доставававшуюся здесь высокоспециализированным обезьянолюдям. Весь этот цикл исследований впаян в более общий синтез: наши ископаемые предки до "человека разумного" были не людьми, а животными, существами, с нашей точки зрения, отталкивающими, до жути антипатичными, но изумительно приспособившимися к лихорадочному кризису земной природы в ледниковую эпоху.

Из всего этого лишь случайная микроскопическая точка вспыхнула на экране сознания, когда мимо прошла нищенская информация о снежном человеке. Тешик-ташцы жили в долине, кишевшей кииками. Пусть в памирской "долине тысячи кииков" сейчас их почти не осталось, но имя собственное еще помнит их. Не забрело ли сюда мохнатое двуногое существо по зову предков или по темным следам собственных, отдаленных многими десятками лет, припоминаний? Моя археологическая ассоциация была оживлена скользнувшим в печати описанием долины Балянд-Киик: кустарники с разными ягодами, норы сурков.

Никакой научной силы такая ассоциативная вспышка не имеет. Но внутри меня она подожгла давно копившееся сомнение: вымерли ли быстро неандертальцы или длительно деградировали со времени появления на Земле вида "человек разумный"? А что если...

С этого времени я стал заниматься снежным человеком.

Все, что удалось узнать из литературы о гималайском "йе-ти" - сообщения непальских шерпов и лам из буддийских монастырей об этом животном, данные о его следах, "скальпах", остатках пищи и помете, информация о его расселении и на прилегающих к Гималаям хребтах, - еще нуждалось в какой-то другой контрольной серии. Все это, даже вместе с сообщением Пронина, было, несмотря на невообразимую огромность пространств, все-таки, локально, тянуло к одному горному комплексу. Лишь позже я понял, с каким нетерпением ждал чего-нибудь нового, скрещения совершенно независимых рядов, какого-либо никем не чаянного сопоставления.

Однажды мальчик сказал мне: "А вот эти алмасы из книги Розенфельда "Ущелье алмасов" не имеют отношения к снежному человеку?" Мальчику и принадлежит вся честь. Я заглянул в несуразную фантастическую повесть. Там, между прочим, выведена фигура монгольского ученого Жамцарано - исследователя загадки алмасов. Вымышленный ученый? Выяснилось, что несколько ранее, в 1930 г., тот же автор,

М.К.Розенфельд, опубликовал сборник подлинных корреспонденций "На автомобиле по Монголии". Тут нашлось то же имя - профессор Жамцарано. Приведены записи его слов о необыкновенных существах - диких людях, алмасах, обитающих в Монголии согласно обильным данным, собранным этим ученым у населения, и согласно сообщению петербургского профессора-бурята Барадийна о личном наблюдении.

Будучи далек от монголоведения, я еще сомневался в реальности Жамцарано и Барадийна, но специалисты скоро рассеяли мое невежество: это широко известные ученые. Профессор Жамцарано - монголовед с мировым именем, основатель национальной научной школы.

Как найти его данные полнее, чем в литературном пересказе М.К.Розенфельда? Усилия вдовы последнего разыскать соответсвующую путевую книжку в надежде, что там есть что-нибудь еще, не дали успеха. Сам Жамцарано, как выяснилось, уже скончался, архив его пропал. Ученики? Самым близким назвали профессора Ринчена. И вот, наконец, ответ от него из Улан-Батора. Да, писал доктор лингвистических наук Ринчен, вы не ошиблись, я действительно единственный оставшийся в живых человек, который знает во всех подробностях оборвавшиеся исследования высокочтимого профессора Жамцарано о монгольских алмасах. Я знаю и все подробности наблюдения профессора Барадийна, которое никогда не было опубликовано, - последняя беседа с ним об этом была в Ленинграде в 1936 году.

Все, что удалось свести воедино об открытии путешественника Б.Б.Барадийна, видного представителя нашего востоковедения, я впоследствии опубликовал в таких словах: "Это произошло в апреле 1906 года в пустыне Алашань, в урочище Бадын-Джаран. Однажды вечером, незадолго до захода солнца, когда каравану пора было уже остановиться на ночлег, каравановожатый вдруг испуганно закричал. Караван остановился, и все увидели на песчаном бугре фигуру волосатого человека, похожего на обезьяну. Согнувшись и опустив длинные руки, он стоял на гребне песков, освещенный лучами заходящего солнца. С минуту он смотрел на людей, затем повернулся и скрылся в холмах. Барадийн просил проводников догнать его. Никто не решился, кроме сопровождавшего караван ургинского ламы Шираба Сиплого, отличавшегося атлетической силой. Он попробовал пуститься в погоню за алмасом, как называли это существо монголы, рассчитывая вступить с ним в единоборство и побороть его. Но в своих тяжелых монгольских сапогах Шираб не смог поспеть за алмасом, который быстро исчез за гребнем бархана. Это неоценимое наблюдение Б.Б.Барадийна вызвало

оживленный интерес в русских образованных кругах. Однако обсуждение было только устным: в опубликованном в 1908 году отчете о своем путешествии Барадийн принужден был опустить это происшествие по настоянию главы императорского Географического общества и непременного секретая императорской Академии наук С.Ф.Ольденбурга - "во избежание конфуза". Консервативная официальная наука тем самым надолго похоронила замечательное открытие".

Кстати, по случайности именно в том же году точно такое же открытие сделал в Тибете английский натуралист Генри Элуис. Он тоже видел живой экземпляр. И тождественна судьба открытия. Рукопись Элуиса, где описывается эта встреча и сообщались подробные сведения о внешнем виде этого человекоподобного существа, так же, как об оставленых им следах и местах его обитания, в последний раз держали в руках некоторые английские ученые, а также родственники Элуиса перед первой мировой войной. Потом она была затеряна.

Вывод:

В начале XX века человечество было готово к революции в физике, но еще не к революции в антропологии. Сигнальные лампочки вспыхивали ни для кого. Но и то важно, что начали вспыхивать, - что люди, как Барадийн и Элуис, в то время уже могли это невозможное увидеть взглядом естествоиспы- тателя. Мы убедимся ниже, что Пржевальский в 80-х годах еще не мог.

Все-таки семя не пропало. Б.Б.Барадийн рассказал о случае своему другу Ц.Ж.Жамцарано, как и о том, что его спутники-монголы встречу с алмасом приравнивали по редкости встрече с дикой лошадью или диким яком. Годы и годы готовился Жамцарано к экспедиции. Где и что? По словам академика Ринчена, Жамцарано опросил множество монголов. Каждое показание о встрече с аламасом с конца XIX века по 1928 год отмечалось на особой карте. "Причем, - пишет Ринчен, - мы помечали на полях имена информаторов - большей частью караванщиков и бродячих монахов, проходивших эти места и слышавших или видевших эти странные существа или их следы". Отмечалась дата наблюдения. Жамцарано придумал и такую методику: каждый свидетель описывал внешность алмаса, а присутсвовавший при опросе сотрудник Комитета наук МНР художник Соелтай набрасывал в красках изображение. Получилась большая стопка, своего рода сводный портрет. Увы, ни рисунки, ни карта не дошли до нас. Соучастник исследования, монгольский академик Дорджи Мейрен так резюминировал главный итог изучения ареала: "Еще в начале четырнадцатого шестидесятилетия (по монгольскому календарю 1807-1867 гг.)

алмасы обитали в южных пределах Халхи в Голбин Гоби, Дзах суджин Гоби, а во Внутренней Монголии их было много в кочевьях среднеуратского хожуна Уланчабского сейма, в Грбан Бугтин Гоби, в Шардзын Гоби Алашаньского хожуна, в Бадын джаране и других местах". Затем, говорит Дорджи Мейрен, число их уменьшилось, и указывает немногие места, где они еще имелись к концу пятнадцатого шестидесятилетия (1867-1927 гг.); в начале шестнадцатого шестидесятилетия (1927 г.) их было уже очень мало; встречи происходят лишь в пустыне Гоби и в области Кобдо. Монгольские исследователи сделали заключение: ареал алмасов быстро сокращается - они вымирают.

В свою очередь академик Ринчен так резюминировал опросы о внешности алмасов, или хун-гуресу. "Алмасы очень похожи на людей, но тело их покрыто рыжевато-черными волосами, совсем не густыми - кожа просвечивает между волосами, чего никогда не бывает у диких животных в степи. Рост такой же, как у монголов, но алмасы сутуловаты и ходят с полусогнутыми коленями. Могучие челюсти и низкий лоб. Надбровные дуги выступают по сравнению с монголами. У женщин длиные груди, так что, сидя на земле, она может перебросить грудь на плечо и кормить стоящего за спиной алмасенка (значит, и кормить на ходу, неся его на спине. - Б.П.)". К этим чертам далее добавляется еще указание на косолапость, на быстрый бег, на неумение разводить огонь, описание некоторых характерных повадок. Сходное резюме дает и Дорджи Мейрен. Он добавляет, что в некоторых монастырях Монголии хранились шкуры алмасов, одну из них он видел. "Волосы на коже были рыжеваты, курчавы и длиннее, чем могут быть у человека. Кожа алмаса была снята посредством разреза на спине, так что грудь и лицо сохранились. Лицо было безволосым и имело брови и длинные всколоченные волосы на коже головы. На пальцах рук и ног сохранились ногти, которые били похожи на человеческие".

Скудные строки, за ними долгий, утомительный труд рождавшейся, еще не расчлененной на отрасли школы научного монголоведения.

Кроме перечисленных, в исследовании участвовал еще один - Андрей Дмитриевич Симуков. Сотрудник последних экспедиций прославленного исследователя Азии П.К.Козлова, затем сам - выдающийся исследователь Монголии. Именно он и Ринчен, как молодые, были намечены профессором Жамцарано для экспедиции за алмасами в монгольские пустыни, которая планировалась на 1929 год. Комитет наук отменил эту экспедицию. А.Д.Симуков, конечно, знал всю толщу подготовительных данных не хуже, чем другие. Позже, во время

самостоятельных путешествий, он продолжал сбор материала, в частности о следах алмасов. И снова все летит в пропасть. А.Д.Симуков погиб, его научные бумаги утилизированы без упоминания имени для докторской диссертации другим географом, однако впоследствие громко предающем анафеме тему об алмасах.

В 1937 г. затухли последние язычки этого преждевременного маленького костра в Монголии. Действующие лица один за другим исчезли.

Впрочем, мое письмо разбудило воспоминания и великую энергию Ринчена. Покинув хронологию, вознесу ему тут же хвалу. С 1958 года по сегодня этот старый красивый человек, с огромными висящими монгольскими усами и в национальном халате, впитавший и западную, и русскую, и монгольскую культуру, ориенталист первого ранга, в своих обширных занятиях находит для алмаса особые часы и силы. Взрыв повсеместного интереса к снежному человеку вывел монгольскую диковину из изоляции. "Монгольский родич снежного человека", - написал Ринчен в журнале "Современная Монголия". С другой стороны, мысль заработала в биогеогра- фическом духе; ареал алмаса в Монголии явно совпадал прежде с ареалом вымирающих видов: лошади Пржевальского, дикого верблюда, дикого яка.

За последние годы академиком Ринченом и его сотрудниками положено много усилий на сбор новых показаний населения о встречах с алмасами. В Гоби видели многократно детенышей, "алмасенков", с матерями или отдельно. Это для биогеографа важно: район размножения. Один волосатый подросток оказался в капкане и был отпущен. Охотники неместного происхождения начали было стрелять по уходящему алмасу, который внимательно взглядывал на места падения пуль, но были остановлены спутниками-монголами. Есть и самцы, и самки, есть и местность, называемая "Холмы Алмасов" с их заброшенными норами. Серия записей о встречах, собранная краеведами Цоодолом и Дамдином и самим Ринченом, могла бы составить книгу. Скотоводы, охотники, служащие, школьники, люди, нередко образованные и занимающие ответственные посты, сообщили, описали. Сущность сходится, детали бесконечно многообразны, жизненны, хоть и удивительны. Вот слова из письма ко мне президента Монгольской Академии наук академика Б.Ширендыба: "...Хотел бы информировать Вас, что Академия наук МНР, придавая проблеме "алмасов" важное значение, уже третий год собирает самые различные сведения, фотоснимки и другие материалы, выделив для этого необходимые средства".

Большой биолог-дарвинист, давно занимающий место на пьедестале почета среди советских зоологов, профессор Г.П.Дементьев совместно с монгольским зоологом профессором Д.Цэвэнгмидом дают следующее предположительное описание морфологии "снежного человека": "Это - сильные животные с широкими плечами и длинными руками; на пальцах рук и ног они имеют не когти, вопреки тому, что говорит Пржевальский, а скорее ногти. Вот почему, по словам монголов, следы алмасов весьма отличаются от медвежьих: нет отпечатков когтей, а расположение и пропорции пальцев такие же, как у антропоидов, - что вполне соответствует данным английских исследователей в Гималаях. Волосяной покров коричневый или серый (вопреки тому, что говорит об этом Пржевальский), довольно разреженный, особенно редкий на животе; волосы на голове животного - обильные, более темной окраски, чем на остальной части тела. Самки обладают чрезвычайно длинными грудными железами. Общие размеры этих животных трудно уточнить, - приблизительно такие же, как у человека. Локомоция преимущественно двуногая, хотя подчас также и четвероногая. Образ жизни ночной (что напоминает Homo nocturnus Линнея). Пугливый, подозрительный, не агрессивный, алмас представляется малообщительным. Его пища одновременно и мясная, состоящая преимущественно из мелких млекопитающих, и растительная. Алмас не имеет речи, он не мог бы артикулировать ни одного слова; не способен ни к какому производству (употреблению огня или каких-либо орудий). Взятые вместе, все эти черты нам представляются весьма интересными, хотя и подразумевающими еще необходимость проверки".

Да, тут есть что проверить, есть что оспорить, уточнить, пополнить. Но я убежал вперед. Рассказ-то шел лишь о том, как в 1958 году в мое поле зрения попала вторая линия, независимая от гималайского снежного человека и безусловно параллельная.

Только тогда возникла твердая уверенность, что нечто такое действительно существует вне нас, само по себе. Еще не приходило в голотву, что снежный человек и алмас - это не такие же существа, а те же самые, т.е., имеющие сплошной центральноазиатский ареал и, может быть, мигрирующие от края до края. Но и параллельности было достаточно, чтобы научная догадка стала научным убеждением.

Об этой нечаянно вскрытой независимой монгольской линии, кладущей основу научному обобщению, я поспешил сделать доклад в Комиссии по проблеме снежного человека при президиуме Академии наук СССР и напечатал 11 июля 1958 г.

статью в "Комсомольской правде".

Описания алмасов удивительно подкрепляли мою догадку о живых ископаемых неандертальцах. Я подчеркнул в докладе и статье однозначность диагноза, который должен быть дан морфологической сводке доктора Ринчена. "Антропологией, - писал я, - давно установлено по ископаемым костям, что именно неандертальцы обладали сутулостью и висящими ниже, по сравнению с современным человеком, руками, выступающими над глазами надбровными дугами, низким, убегающим назад лбом, мощными челюстями. Скелет неандертальцев говорит, что они передвигались на несколько согнутых в коленях ногах. Разумеется, ни один антрополог не подсказывал этого профессорам Жамцарано и Ринчену или их информаторам, просто анатомические факты точнейшим отбразом совпали". Но антропологи, в свою очередь, не могли знать о неандерталь- цах того, что истлело в земле. Волосатая кожа, но без подшерстка, - признак, действительно отличающий отряд приматов от других волосатых животных. При этом прямохождение или у особей женского пола развитые грудные железы резко отличают алмасов, как и людей, от всех существующих видов обезьян. Получился треугольник: йе-ти - алмас - неандерталец. Опровергнут эпитет "снежный", ибо алмас наблюдался в пустынях и зарослях саксаула. Понятие неандерталец отчленилось от археологического понятия мустьерской культуры, ибо алмасы и йе-ти, хоть швыряют и таскают камни, по свидетельствам, не имеют каменных орудий.

Сверкнуло и еще одно негаданное сопоставление: между современностью и средневековьем. Баварский солдат Иоганн Шильтбергер в конце XIV века попал в плен к туркам, его переправили к Тимуру, оттуда - в подарок главе Золотой Орды хану Едигею, находившемуся в Монголии. Все-таки Шильтбергер вернулся домой в 1427 г. и написал "Книгу путешествий". На горном хребте Арбусс (восточная оконечность Тянь-Шаня), записал Шильтбергер , "живут дикие люди, не имеющие потстоянных жилищ, тело же у них, за исключением рук и лица, покрыто волосами; они скитаются в горах наподобие других животных, питаются листьями, травой и всем, чем придется. Владетель упомянутой страны подарил хану Едигею двух диких людей - мужчину и женщину, которых поймали в горах, а также трех диких лошадей, живущих у этих гор, величиною с осла". Лошадь Пржевальского! Алмас-неандерта- лец! Шильтбергер подчеркивает, что все это видел своими глазами.

Контрольная вертикальная скважина в пятивековое прошлое. Неандертальцы жили и тогда. Подозрению примоститься негде.

Вот еще и противоположный ее конец, тот, что выходит в наше время. Начальник цеха московского завода Г.Н.Колпашников сомневался сперва, сгодится ли на что ученым его странное воспоминание. Посоветовался в своей парторгани- зации. Вот я у него дома, записываю его строго отбираемые слова. Во времена боев против японской агрессии в 1937 г. в восточной части Монголии, у реки Халхин-Гол, Г.Н.Колпашни- ков был начальником особого отдела советского подразделе- ния. Ночью его вызвали в соседнюю часть: часовые заметили два силуэта, спускающиеся по гребню горы, и, полагая что это вражеские разведчики, после оклика наповал застрелили обоих, а оказалось, что убили что-то вроде обезьян. Прибыв на рассвете на броневике к месту происшествия и рассмотрев два валявшихся на земле скорченных трупа, Г.Н.Колпашников, по его словам, "почувствовал какую-то неловкость, что убиты не враги, а два животных странного вида". Он знал, что в МНР нет человекообразных обезьян. Кто же они? Подозванный монгольским переводчиком старик-монгол ответил: такие дикие люди здесь в горах водятся. Подойти близко к трупам старик боялся. Вот что запомнил Г.Н.Колпашников: убитые были примерно человеческого роста; тело их было равномерно покрыто рыже-бурой шерстью - местами гуще, местами проступала кожа. Запомнились густые спадавшие волосы на лбу и на бровях. Лицо, говорит Колпашников, "было похоже на очень грубое человеческое лицо". Что могло привести этих животных в район боев? Над ним держался трупный запах - стояла жара в 40-45 градусов, убитых не успевали вывозить...

Как выяснилось, позже и другие офицеры смотрели останки этих двух существ. Но в разгар боев было не до естество- знания, да и отправить их на исследование просто не было возможности.

3. "ЗАПИСКА, НЕ ИМЕЮЩАЯ НАУЧНОГО ЗНАЧЕНИЯ"

Однажды, после сессии Комиссии по изучению четвертичного периода, разгорелись прения о снежном человеке. Мимоходом кто-то упомянул, что ведь еще Хахлов этим занимался. Одна из сотни возникших и частенько обрывавшихся нитей. Кто Хахлов? "Был такой зоолог". Расспросы, справки. Это профессор, доктор биологических наук, автор оригинальных трудов по орнитологии и экспериментальной анатомии. Жив-здоров, на пенсии, вот и его московский адрес. Моя бесценная помощница Е.А.Телешева навещает его на окраине Москвы. Да-да, сообщает она, это важная нить.

Вот я у Виталия Андреевича Хахлова. Он сидит передо мной, удалившийся на отдых заслуженный ученый, убеленный сединой, взволнованный. Полвека, как он еще студентом, поистине открыл Америку, а понес необъяснимое поражение. Сорок пять лет старался забыть, не прикасался к ране. Не я напомнил ему о былом - с первыми газетными известиями о снежном человеке профессор Хахлов загорелся: пришел час подтверждения! Он спешно написал в журнал "Природа" статью о своих давних исследованиях. Ее холодно вернули. Голова снова поникла.

Я слушаю профессора Хахлова, пораженный, делаю короткие записи. Торопясь, он извлекает из глубокой памяти клочки полузасыпанного сокровища. Увы, основные полевые дневники тех лет пропали. Но кое-что в личном архиве можно будет разыскать.

Студент-зоолог Хахлов в 1907 году находился в Зайсане - вблизи границ России и Китайского Синьцзяна. Во время поездки на ледники Музтау он тогда впервые услышал от проводника-казаха о существовании в Джунгарии "дикого человека". Что-то сделало юношу пленником этого факта. В.А.Хахлов с возраставшей пытливостью собирал среди казахского населения сведения. Они были вполне натуралистичны, зоолог придумал хитроумные контрольные вопросы. О предварительных итогах он написал своим университетским руководителям М.А.Мензбиру и П.П.Сушкину. Первый ответил замораживающим скепсисом, второй - горячей поддержкой и настоятельной рекомендацией продолжать сбор материала. П.П.Сушкин написал и затем повторял ему, что путешественники по Центральной Азии, и в их числе П.К.Козлов, уже слышали о таком существе и делились с

ним сведениями. И вот с 1911 года, забросив на время даже занятия в университете, посвятив всего себя великой теме, юный исследователь в течении двух-трех лет объезжал прилегающие к Зайсану и Тарбагатаю районы Джунгарии, тщательно выспрашивая и записывая все, что так или иначе касалось дикого человека. Говорили, что этот ксы-гыик водится в общем южнее - там же, где ат-гыик (дикая лошадь) и тье-гыик (дикий верблюд). Когда многое прояснилось, В.А.Хахлов подготовил экспедицию в составе двух казахов в Синьцзян для доставки к нему, в Россию, в кожаных мешках, в формалине головы и конечностей ксы-гыик. Но в пограничных делах нужны были официальные бумаги, и вот в 1914 году, согласовав с П.П.Сушкиным, В.А.Хахлов шлет предварительное сообщение и просьбу о помощи в Петербург - в Академию наук. Прошли месяцы мучительного ожидания, и, частным путем зоолог узнал, что его письмо решено "оставить без последствий", так как его представления свидетельствуют о полном невежестве в антропологии. Попробовали с П.П.Сушкиным переадресовать просьбу в Географическое общество, но в это время уже началась мировая война, о заграничной экспедиции нечего было и думать, да и В.А.Хахлову пришлось вернуться в Москву - в университет. И никогда уже не довелось больше заняться безумием юности.

В этих автобиографических сведениях (подтвержденных кое в чем, как увидим, архивным розыском) особенно важно поощрение со с стороны П.П.Сушкина. От каких таких путешественников уже слышал он о "диком человеке" в Центральной Азии? А ведь несомненно с его слов В.А.Хахлов начал свое упомянутое заявление "К вопросу о диком человеке" так: "Сам по себе этот вопрос не нов: мы уже встречаем указания об этих людях у некоторых путешественников по Центральной Азии..." Нет, почти ничего не встречаем - если говорить о печати. П.П.Сушкин мог лишь прочесть кое-что у английского путешественника В.В.Рокхила или слышать о его данных от переводчика на русский - путешественника Г.Е.Грумм-Гржимайло. А того навещал Жамцарано. Мог П.П.Сушкин к тому времени слышать и о наблюдении Барадийна. О других остается лишь гадать, за исключением Козлова, которого Сушкин прямо называет Хахлову. Козлов же действительно нечто важное знал. Его любимый ученик Симуков, упомянутый выше, просто не стал бы готовиться к специальной экспедиции без ведома и влияния учителя. Археолог Г.В.Парфенов поведал о признании П.К.Козлова в 1929г. в личной беседе: во время одной из экспедиций в Центральную Азию казак Егоров, преследуя раненого дикого яка на склонах Тянь-Шаня, встретил диких людей, покрытых волосами и издававших какие-

то звуки; Пржевальский в отчете промолчал об этом.

Это звено тянет цепь еще глубже в прошлое. Учитель самого Козлова, Н.М.Пржевальский, два-три раза был на пороге несостоявшегося неслыханного открытия. Во время первого центральноазиатского путешествия 1872 года он собрал в горах сведения о хан-гуресу (человеко-звере), назначил премию охотникам, но был обманут показанным ему чучелом медведя. Пржевальский не знал тех изображений хан-гуресу, которые позже были открыты в тибетско-монгольских учебниках медицины, и не мог сравнить с ними совсем не похожего медведя-пищухоеда. К третьему путешествию 1879 года относится упомянутый эпизод с казаком Егоровым. В четвертом путешествии, в 1883 году, Пржевальский узнал многое о "диких людях" в тростниках Лобнора и болотах Нижнего Тарима, но на этот раз дал успокоить себя версией, что это - одичавшие потомки бежавших сюда в XIV веке буддистов.

В чем же состояла та Америка, которую открыл Хахлов? Он сам ответил в том же коротком мемуаре 1914 года: хоть вопрос не нов, но прежние путешественники по Центральной Азии лишь ссылались на рассказы туземцев, он же достиг анатомического и биологического описания этих существ. Хахлов с помощью особой методики перевел показания казахов на язык сравнительной анатомии. Впрочем, они и сами на его распросы о частях тела или повадках нередко одолевали трудности посредством сопоставления с тем или иным животным и с людьми. Зоолог воспроизводил рисунком-контуром описан- ные ему подробности строения головы, тела, конечностей и не успокаивался, пока не достигал согласия рассказчиков. Он предъявлял им из книг изображения то человекообразных обезьян, то доисторическоо человека: они выбирали последнего, хоть с оговорками. При этом два основных наблюдателя, в жизни не видевших друг друга в глаза, опрашивались порознь. Словно рябая вода стала гладкой и проступило дно.

Один из них за год до опроса пас ночью лошадей вместе с местными табунщиками в южных отрогах Восточного Тянь-Шаня. Подкравшийся к табуну голый волосатый человек был выловлен в камышах, связан и избит, но лишь кричал как заяц. Бывалый старик-казах объяснил, что это "дикий человек", говорить не может, ущерба людям не причиняет. Его хорошо рассмотрели, прежде чем отпустили на волю. Другой имел в предгорьях более длительное наблюдение: с месяц он ежедневно рассмат- ривал выловленную и прикованную на цепь у мельницы особь женского пола - молодую, тоже волосатую и бессловесную, издававшую визг и скалившую зубы при приближении людей. Днем она спала

в позе, иногда наблюдаемой у маленьких де- тей: как верблюд, по выражению рассказчика, а именно на ко- ленях и локтях, положив лоб на землю, а кисти на затылок. Соответственно кожа на ее локтях, коленях и лбу была грубая, "как подошва у верблюда". Мясо ела только сырое, брала также овощи, зерно, мучные лепешки, ела подползавших насекомых. Пила либо припав к воде ("как лошадь"), либо макая руку и слизывая стекающую воду. Потом ее решили отпустить, и она, болтая на бегу длинными руками, косолапо, но быстро метнулась в камыши.

Вот самое отжатое анатомическое резюме. Лба почти не видно. Вместо него - массивные надбровные дуги, за которыми немного мозолистой кожи, а дальше уже растут волосы. Голова как бы заострена на затылке, а шея толстая с мощными затылочными мышцами. Запавший нос с большими ноздрями. Выдающиеся скулы. Нижняя часть лица массивна и сильно выпячена вперед, но, держась за свой подбородок, казахи говорили: "Вот такого подбородка у ксы-гыик нет", - и показывали, как срезана нижняя челюсть, а рот свой растягивали пальцами насколько возможно, прибавляя,что у ксы-гыик рот еще шире, однако губы очень узкие, с темной слизистой оболочкой, обнаруживающейся лишь тогда, когда ксы-гыик скалит зубы. Прикус резцов под углом выдается вперед, "как у лошади". Кожа лица - голая, темного цвета. Тело покрыто рыжевато-бурыми или сероватыми волосами, напоминающими шерсть верблюжонка. Плечи сдвинуты вперед, а голова втянута в плечи, что создает сутулость, руки же оказываются висящими не по швам, а немного спереди. Фигура ксы-гыик отмечена относительной длиннорукостью и коротконогостью. При скалолазании руки выбрасываются вперед и подтягивают тело. Кисть, ладонь которой лишена волос, выглядит узкой и длинной из-за малой отодвигаемости первого пальца: например, освобождаясь от веревки, ксы-гыик накидывал на нее, как крюк, все пять пальцев вместе. Зато на ступне (подошва которой тоже лишена волос) большой палец отодвигается значительнее, чем у человека, заметно массивнее и короче других. (Заметим это: на верхних конечностях противопоставление первого пальца меньше, чем у человека, на нижних же, наоборот, больше). Ногти на руках и ногах выглядят узкими, длинными и выпуклыми. У ступни несообразная ширина, пальцы могут широко раздвигаться.

Еще множество ценных сведений выведал Хахлов у казахов о ксы-гыик. Оказалось, его видели у ледников в горах, и в песках или в зарослях камышей в пустынях,и вблизи водоемов - озер и рек. Он ищет безлюдность: когда люди перегоняют стада с равнин в горы, он спускается с гор в равнины, а зимой - наоборот.

Встречается и в одиночку, и парами, и парами с детенышами. Подавляющее большинство встреч - не днем, а в сумерках, на рассвете, в ночное время. Постоянные логова неизвестны, временные встречаются там и тут. Пища - корни, стебли, ягоды, а также яйца птиц и птенцы, ящерицы и черепахи, но особо важную часть его рациона составляют живущие в горах и в песках грызуны.

Можно вообразить, как глубоко был потрясен молодой зоолог, установивший все это, как и много-много других жизненных черт. В то время он не мог еще знать настолько анатомию ископаемых неандертальцев, как отчетливо она выпирает под тканью этих неловких и нехитрых описаний. Но чем дальше, тем больше становилось ему ясно, что речь идет никак не о человеке, но о животном, о звере, о ветви приматов, уже в высокой степени похожих на человека, далеко продвинувшихся к возникновению человека. "Допотопный человек!" - озарила его идея. Да, но это было совсем не похоже на то, что писалось в учебниках.

Две сводки, представленные нашей комиссии профессором В.А.Хахловым, были, конечно, сокровищем. Но они написаны в 1958-1959 гг. Чтобы этот алмаз засверкал, я счел себя обязанным предпринять розыск текстов, датированных теми далекими временами. В архиве Академии наук СССР в Ленинграде множество дел за 1913 и 1914 гг. просмотрел по моей просьбе Г.Г.Петров. Никаких следов! Поехал в Ленинград я сам. Мы искали заявление В.А.Хохлова в делах зоологического музея, куда оно по логике должно было поступить, в протоколах президиума и отделений, в делопроизводстве самых различных учреждений Академии. И когда уже не оставалось почти никакой надежды, я для очистки совести попросил дело, обозначенное в описи за 1914 год: "Записки, не имеющие научного значения".

Рядом с проектами полета на Луну, рядом с сочинениями вроде чеховского "Письма к ученому соседу" здесь был занесен песками безразличия и времени мемуар Виталия Андреевича Хахлова, подписанный в далеком Зайсане 1 июня 1914 года. Какая веха была затоптана! По резолюциям и пометам легко восстановить, как письмо попало на свалку записок, не имеющих научного значения. Время было летнее. Исполнявший функции непременного секретаря, может быть и прочитав только заголовок "К вопросу о диком человеке", толкнул письмо не к зоологам (как само собой подразумевали П.П.Сушкин и В.А.Хахлов), а в историко-филологическое отделение. Оттуда - этнографу академику В.В.Радлову. Вот он-то, как небо от земли далекий, от биологии, и выплеснул открытие.

У зоологов существует обычай: вводимому в систематику вновь открытому виду присваивается то латинское наименование, которое было предложено раньше всех других, пусть видовое свойство было обозначено спервоначала совсем ошибочно, пусть была сделана лишь попытка описания. Мемуар Хахлова, кроме всего прочего, имел значение такой заимки. "Этих рассказов, записанных со слов очевидцев, вполне достаточно, думается мне, чтобы не считать подобные рассказы мифологическими или просто измышленными, и самый факт существования такого Primihomo asiaticus, как можно было бы назвать этого человека, не подвергать сомнению". Мировая наука в наши дни, когда открытие подтвердилось, должна была бы признать приоритет этого имени, означающего в переводе "первочеловек азиатский", предложенного нашим соотечественником 1 июня 1914 года. Но к огорчению для В.А.Хахлова оказалось, что первая заявка на крещение была сделана раньше него: великим шведским натуралистом XVIII века Карлом Линнеем.

Кстати, подтверждение открытия может быть пришло очень скоро после анонса В.А.Хахлова. Не так давно казахстанский колхозник П.И.Чумаченко напечатал в местной газете воспоминание, восходящее к началу войны 1914 года. Вернее, это воспоминание бывшего волостного управителя в Зайсанском уезде, записанное П.И.Чумаченко. Вероятно, разыскания молодого Хахлова, имевшего благодаря положению отца поддержку у Зайсанского начальства, получили огласку. Чтобы угодить уездному начальнику, казахи поймали в районе реки Манас, в зарослях, искомое существо. Он был доставлен в дом волостного управителя и на ночь привязан веревкой за шею. Подчеркивают: лишь по нечеловеческой несмышлености он не сумел развязать себе ошейник и убежать. Пойманный был мужского пола, ростом с подростка 14-15 лет, весь обросший шерстью - мелкой, плотной, короткой, серо-синего цвета, похожей на шерсть двух-трехнедельного верблюжонка. Ноги, руки сходны с человеческими, ходит на двух ногах, но, говорят, в редких случаях передвигается на четвереньках. Голова и лицо похожи на человеческие, однако, лоб низок. Но надо же было так случиться, что на следующий день после поимки было объявлено о войне с Германией. Начальству стало не до "дикого человека". "Так как он не похож на хищного зверя, напротив, очень схож с человеком", казахи отвели его обратно на реку Манас и выпустили. Юный Хахлов ничего не узнал об этом, а сейчас, на старости лет, гневается и слышать не может об ускользнувшем шансе.

Но мне надлежало продолжать архивный розыск - найти подтверждение той роли П.П.Сушкина в открытии, на которую

ссылался В.А.Хахлов. Ведь даже горечь его воспоминаний связана не только с костностью руководства дореволюционной Академии. Он был ранен и другим: в 1928 г. академик П.П.Сушкин выступил с докладом в заседании Русского Географического общества, развивая до крайности новую мысль, что трансформация обезьяны в человека произошла в нагорьях Центральной Азии. Доказывая, между прочим, что конечности эволюционно промежуточного существа были приспособлены для скалолазания, докладчик, - вспоминает Хахлов, - недвусмысленно подмигнул ему, своему ученику, находящемуся в зале. Но ни в устном докладе, ни в опубликованном в "Природе" тексте П.П.Сушкин ни едином словом не упомянул сведения о пмрежиточном "диком человеке" Центральной Азии, некогда сообщенные ему П.К.Козловым и В.А.Хахловым. Я обязан был найти документальное подтверждение, что Хахлов действительно делился с ним такими сведениями.

В те времена Петр Петрович Сушкин был профессором Харьковского университета. Затем он стал академиком. Это был один из самых крупных русских зоологов-дарвинистов, сочетавший занятия и орнитологией и палеонтологией, а в самом конце жизни выступивший неожиданно в печати с попыткой преобразования антропологии. Часть его личных бумаг хранится там же - в архиве Академии наук в Ленинграде. Найду ли я тут письма Хахлова? Может быть, их было много, но уцелело совсем немного. И все-таки одно - из Зайсана от 18 декабря 1914 г. - сказало все, что мне было надо. Это - ответ на письмо Сушкина от 24 ноября 1914г. А в свою очередь за тем угадываются многие другие, где уже обсуждались и сама проблема и возможные пути практических исследований. Хахлов повторяет, что речь идет явно не о мифологии, а о фактах. Видно, что неудавшийся демарш перед Академией наук был предпринят по совместному умыслу и что теперь они согласились добиваться организации экспедиции иным путем - с помощью Западносибирского отдела Русского Географического общества. Из реплик Хахлова следует, что профессор сообщил ему и новые сведения о "диких людях", относящихся к Кобдинскому району Монголии. Не собрал ли их Сушкин лично во время своей экспедиции в Алтай и Монголию в мае-августе 1914 года?

Связь подтверждена. Теперь следующий шаг. Можно ли показать, что сообщения Хахлова (и других) послужили грунтовкой или толчком для устремления Сушкина в теорию происхождения человека? Мало, что, по словам Хахлова, Сушкин на первые же письма ответил ему посланием на 27 почтовых листах - целиком о происхождении человека. Я снова сижу в

архиве Академии наук, на этот раз в Москве, где лежит другая половина фонда Сушкина. Вот записи курса лекций Сушкина по зоологии позвоночных, читанных в 1915-1919 гг. в Харькове, в Симферополе. Оригинальнейшая часть о происхождении человека: он развился не из древеснолазающих форм, а в безлесной, горной, холодной области. Следующая попытка сделана в 1922 г. Статья "Эволюция наземных позвоночных и роль геологических изменений климата". Строение ноги человека свидетельствует о древней приспособленности к скалолазанию, из чего развилось прямохождение. Эту фазу человек прошел в высокогорной зоне Азии еще в третичную эпоху, однако был затерян среди фауны млекопитающих, пока она не вымерла от похолодания в четвертичную эпоху, а он, благодаря огню, выжил. Через пять лет Сушкин выступил с новой, последней статьей, где отказался почти нацело от первых двух концепций. Ладно, пусть человек произошел от древеснолазающей формы. Но именно быстрое исчезновение лесов при геологическом поднятии Центральной Азии заставило его здесь приспособиться к скалолазанию и стать затем прямоходящим. Смерть Сушкина оборвала это созидание и уничтожение таранящих антропологию гипотез. Наложим все три одну на другую и увидим: совпадающим ядром остается только уверенность, что доисторический предок человека сформировался и выработал прямохождение в горной Азии. Оказывается, это был не вывод, а исходная посылка, которую Сушкин опять и опять вгонял в сопротивляющуюся ситему естественных наук.

Сушкин потерпел удачу, но вскопнул глубокую борозду. Его раздумья о внедревесной эволюции ноги и руки человека озарили путь поиска на всю жизнь для его молодого сотрудника Г.А.Бонч-Осмоловского, ставшего большим антропологом.

Один учитель Хахлова, академик М.А.Мензбир, увидев, что его сведения противоречат антропологии, отверг сведения. Другой, академик П.П.Сушкин, попробовал преобразовать антропологию. С тех пор антропология остается "под следствием". Открытие Хахлова родилось как дерзание на гребне русской безоглядной упоенности дарвинизмом. Он не учел, что его представление о "допотопном человеке" было кричащим, скандализирующим перед лицом сложенного на Западе археологами и антропологами отесанного дарвинизма. С одной стороны, он оперт на отточенное знание анатомии и каменных изделий ископаемых предков человека. Но ученые аббаты, заботливые гувернеры молодой науки, охранили рождение человека от причинности. Сушкин нашел чем уязвить академические теории происхождения человека: они никогда не

выводили появления человека из изменений среды. Он же стал искать прямую причину - то в изменении фауны, то в вымирании флоры, которым в свою очередь указывал геологические причины.

Так держать! Но вот чего Сушкин еще не мог знать. В конце третичного периода пышно и сложно жила природа. Тысяча видов древесных обезьян. Значит, имелся огромный избыток биомассы плодов, листьев, побегов, гусениц. Ведь стадо обезьян в сухумском заповеднике в краткий срок намертво очищает рощи великанов-деревьев. Но какова же была биологическая конкуренция между этой тысячей видов, особенно когда возраставшая численность обязьяньего царства стала уменьшать биомассу древесного царства! А в то же время внизу, на земле, произошел другой сдвиг: численность хищников-убийц стала лавинообразно отставать от численности травоядных, крупных копытных, в том числе толстокожих слонов, гиппотамов, носорогов, могучих рогатых быков, быстроногих древних оленей. Взять такую жертву не многим было под силу. Кто мог убивать как саблезубый тигр, - застрял в слишком узкой специализации, вырождался. В начале четвертичного периода так называемая виллафранкская фауна являет картину глубокого и надолго непоправимого нарушения равновесия в пользу травоядных. Но они были смертны. На эру вперед их биомасса представляла потенциальную кормовую базу для тех, кто сумеет ею воспользоваться. Претендовали на нее, конечно, и мелкие наземные хищники, и птицы, и черви, и насекомые. Но мог претендовать и кто-нибудь покрупнее. Из мира высших приматов конкуренция вытолкнула на эту сцену приспособившихся к прямохождения, следовательно, ношению и перетаскиванию в передних конечностях если не туш, то частей туш, либо перенесению к тушам острых камней, либо заострению камней ударами друг о друга.

Это семейство высших прямоходящих плотоядных приматов состояло из разных видов. Но дальше, в течение четвертичного периода, породившая их фаунистическая обстановка делалась для них суровеее. Ледниковья и межледниковья сотрясали животные комплексы. Снова множились хищники. Среда предъявляла мозгу плотоядных приматов все труднее разрешимые задачи по добыванию мяса в ставшем тесным зверином царстве. Разрастание и усложнение мозга сменявших друг друга видов было не причиной их места в среде, а бурным следствием.

Почему же все-таки в работах П.П.Сушкина не упомянуты сигналы В.А.Хахлова и других? Связывало руки, конечно, отсутствие обязательных для анатома черепов, скелетов, шкур. Но главное глубже: Сушкин отчетливо увидел, что в этом случае

порядок открытия должен быть обратным обычному - сначала нужно преобразовать теорию, которую, как эксперимент, подтвердят факты. Иначе, как сказал за двадцать лет до него С.Ф.Ольденбург, подобному факту "все равно никто не поверит", получится лишь "конфуз". Еще тридцать лет спустя мы тоже убедились, что с пути фактов надо сначала убрать "не может быть".

Казахи твердили В.А.Хахлову, что главное местообитание дикого человека много южнее, и туда собирались ехать за ним на целый год. Однажды в 1937 г., в огромной камышовой низменности, примыкающей к озеру Лобнор, как раз к югу от хахловского Зайсана, следовал отряд. С ним был П.С.Рыбалко - ныне покойный советский маршал. Рассказ его генерал-майор П.Ф.Ратов сообщил в Академию наук. Когда проходили севернее хребта Алтын-Таг, китайский офицер известил, что кавалеристы поймали "дикого человека" и везут в обозе. П.С.Рыбалко очень подробно описал этого человекообразного зверя. Без всякой одежды, очень грязный, желтой окраски. На голове - волосы, спускавшиеся ниже плеч. Он был сутуловат, имел длинные руки. Человеческой речи не имел, звуки его были похожи то на писк, то на мяуканье. "Вроде бы и похож на человека, но на какого-то ископаемого обезьяночеловека". По словам населения, на воле эти существа в том краю питаются рыбой в протоках среди камышей. П.С.Рыбалко решил довезти "дикого человеиа" до Урумчи, а дальше отправирь для изучения в Москву. Везли его еще дней восемь. Не выдержав пути на привязи, "дикий человек" умер возле города Курля. Транспортировать труп сквозь пески и горы было невозможно.

По сведениям П.Ф.Ратова, который прожил в тех краях долго и наносил подробную информацию на карту, из нескольких стрелок главная указывала еще южнее, в Кашгарию, за Ташкурган.

4. ВНЕ ИДЕЙ

В 1959 году западная пресса пошумела о семидесятилетнем юбилее открытия европейской наукой снежного человека. Имеется ввиду, что в 1889 году английский путешественник Уэддел опубликовал наблюдение: на Гималайском перевале на границе Тибета и Сиккима он обнаружил цепочку следов босых ног, пересекавших тропу и уходивших к пикам. Тибетцы объяснили, что следы принадлежат волосатому дикому человеку, каковые здесь живут. Уэддел решил, что туземцы, сильно отставшие от него в умственном развитии, просто не умеют отличать медведя. Трудно назвать эту дату открытием: тибетцы его сделали много раньше, а Уэддел ничего в нем не уразумел.

В 1891 году другой английский путешественник по Тибету, на этот раз по Северному, а также по Монголии, Рокхил, в опубликованном отчете сообщил сведения, услышанные от жителей: пожилой лама предупреждал, что караван, с которым он следовал, встречал в пути через пустыню диких людей, неодетых, покрытых волосами, бессловесных, бросавших в караван камни; монголы рассказывали, что водящиеся у них и оставляющие как бы человеческие следы гересун-бамбершэ ходят на двух ногах, покрыты шерстью, разговаривать не могут. Рокхил тоже рассудил, что туземцы по глупости принимали стоящих на задних ногах медведей за волосатых дикарей, увы, сославшись при этом на авторитет Пржевальского. Английский путешественик не обременил свой мозг анализом новых данных. Как могли бы медведи стоя швырять в караван камни?

В 1890 году армейский рапорт английских колониальных войск сообщал о странном обезьяноподобном, диком, обросшем волосами существе, которое было убито английскими солдатами в районе строительства телеграфной линии в Гималаях. Они бросили тело в горах, среди них не было достаточно образованного человека, чтобы толково осмотреть и описать его.

Нет, восьмидесятилетие всего этого справлять не будем, не стоит.

Несколько лучше напечатанный в одной английской газете за 1905 год расказ путешественика Найта: возвращаясь из Тибета, он отстал от каравана. "Внезапно я услыщал легкий шум. Обернувшись, я заметил в двадцати шагах от себя страшное существо, нечто вроде человека, почти голое, хотя сжтоял ноябрь и было очень холодно. У него была желтая кожа, покрытая шерстью, на голове - густые спутанные волосы; он имел длинные

руки и громадные ступни". Но и этот наблюдатель немногим любознательнее предыдущих: когда он рассказал о встрече английским офицерам на границе, у него создалось впечатление, что те нашли ее вполне обыкновеной, и его интерес поблек.

Выше упомянуто, что первым научным наблюдением в Гималаях мы обязаны английскому натуралисту Генри Элуису в 1906 году. Он не встретил понимания в академической среде, но бился с нею еще в 1915 году, когда докладывал на заседании Зоологического общества в Лондоне сообщение лесничего из Сиккима об обитании в высоких горах неизвестной науке крупной человекообразной обезьяны. Вот, кстати, появляется и второй из берегов, между которыми надолго укладываются все нехитрые догадки западных толкователей загадки: либо медведь, либо крупная обезьяна.

Приметим, что этот ранний пучок сведений европейских путешественников почти полностью относится к Тибету. О Непале, о шерпах еще и слова нет. Снежный человек появился не как принадлежность Гималаев.

Следующий цикл, вместе с самым выкрикнутым на весь мир термином "отвратительный снежный человек", начинается с 1921 года. Он был прерван второй мировой войной.

Экспедиции в Гималай - частью топографические, но в особенности альпинистские - с возрастающим любопытством накапливали наблюдения следов и комментарии туземных носильщиков.

Из прямых европейских наблюдателей самого этого живого существа упоминают только ставшего притчей во языцех итальянца Томбаци. В 1925 году на южных склонах Канченджанги в Сиккиме он рассматривал внизу долины выкапывавшую корни темную фигуру без одежды, затем осматривал и измерял следы, затем отказался верить небылицам и сказкам носильщиков и успокоил свою цивилизованную совесть словами: "Я просто не в состоянии высказать какое-либо определенное мнение по этому поводу..." Какое везение и какое бездумие! Бездумие блюли как переходящий кубок.

Наблюдений следов до войны накопилось уже много. Их фотографировали, зарисовывали, измеряли. Фотографии, снятые Смитом в 1937 году и опознанные жителями гор - шерпами как следы дикого человека, а ни в коем случае не медведя или снежного барса, поступили на экспертизу в Лондон. Кабинетные зоологи приписали их медведю. Между тем, судя по схематическим рисункам, на каждом отпечатке следа первый палец значительно крупнее других. Наши анатомы и зоологи-следопыты объяснили: у медведя, к какому бы виду он ни

принадлежал, нет, и по биологическому происхождению не может быть резкого отличия толщины первого пальца от следующих. При учете этого признака нельзя спутать след человека с медвежьим; у человека, а по условиям биологической эволюции и у его прямоходящих предков, первый палец намного более массивен, чем второй и следующие. только не зная этой простой вещи, можно было долго фыркать, что снежный человек это, видите ли, медведь. Даже подрос- ток, живущий в лесах или горах, к какому бы племени он ни принадлежал, не назовет след с более толстым первым пальцем медвежьим. И все же именно следы на снегу выдали и предали нашего реликтового (т.е. пережившего свое время, остаточного) родича. На всяком ином грунте он умел почти не оставлять их, ступая на камни и лужи, заметая и даже хитро двигаясь вспять. Правда, снег скверно улавливает анатомию. Все же стала накапливаться литература о следах на снегу. Кульминация наступЪЪа позже, в 1951 году, когда альпинист Шиптон сфотографировал отличную серию. Британский музей приписал их обезьяне - лангуру, но был освистан сведущими людьми со скандалом.

Следующий и последний цикл гималайских сенсаций пришелся на пятидесятые годы. В Гималаях кишели альпинисты, журна- листы, геологи. Одна за другой были покорены высочайшие горные вершины нашей морщинящейся планеты. И снежный человек как-то вплелся в историю альпинизма. Ученым-экспертам не удалось заткнуть родничок - он прорвался этой непредвиденной щелью. Потом разлился на страницы газет и книг по альпинизму, притягивающих миллионы читателей. Настоящая наука осталась в стороне, и тема стала дилетантской, легковесной, без привязи. В Гималаях водится что-то. Это что-то надо увидеть. Тогда и поговорим. Пока надо лазать.

Следует вообразить себе всю трудность одоления Гималайских высот и пространств. Гималаи грандиознее и недоступнее всего на земле, они - ее "третий полюс", покоренный последним. Альпинисты гибли, но карабкались. Накапливались не только наблюдения следов, но и собщения горцев и буддийских монахов. В 1949 году перед монастырем Тьянгбоче собравшаяся на праздник толпа внезапно увидела появившегося из зарослей йе-ти. Опрошенные горцы хорошо знали медведя и обезьяну, но это был получеловек-полуживотное: на двух ногах, ростом со среднего человека, без хвоста; тело его было покрыто красновато-бурой шерстью, лицо же оставалось безволосым. Горцы и монахи били в барабаны и устроили страшный шум, чтобы отогнать йе-ти. Через два года у того же монастыря снова появился йе-ти, и снова ревом священных труб и громом

барабанов его пугали.

1954 год был точкой кипения. Европейскую публику уже настолько совратили набегавшие друг на друга волны новостей, что английская газета "Дейли Мейл" сочла расчетливым отправить в Гималаи первую специальную экспедицию для поисков снежного человека. Что характерно, во главе ее - удачливый журналист Ралф Иззард, хотя в сос- тав и были привлечены хорошие натуралисты. Пять месяцев работы в высоких горах Непала, Широкий опрос населения гор- ных деревень, обильные находки новых следов. По следам двух йе-ти преследователи шли в течение двух дней подряд, они буквально прочли на снегу всю двухдневную историю жизни этой снежной пары. Узнали, как йе-ти преодолевает снежные сугробы движениями, напоминающими плавание, как он спускается с крутых снежных склонов сидя на заду, как обходит большой дугой человеческое жилье. Но стало ясно, что гнаться за йе-ти безнадежно, а логов или берлог он тут не имеет.

В мае 1955 года отличные съемки следов и сборы сведений произвела экспедиция французского геолога профессора Борде.

В 1956 году в высокогорном Непале работала английская экспедиция Нормана Харди. Тогда же начали настойчивый сбор знаний два человека, глубоко врубивших в эпопею свои имена: техасский миллионер и любитель биологии Том Слик; ирландец Питер Бирн, феноменально результативный охотник, путешественник, наблюдатель. Они вместе работали в Непале и в 1957 году. И кстати, позже порознь и Том Слик, и Питер Бирн побывали в Москве для контактов с нашей комиссией по изучению вопроса о снежном человеке. Оба высокие, пружинистые, безыскусственно увлеченные. Том Слик, друг известного Сайруса Итона, был активным поборником дружбы между нашими странами. С печалью мы узнали позже, что в личном самолете на большой высоте над Техасом он был взорван. Но до того он большую лепту внес в инстинктивно угаданную научную революцию двадцатоо века.

В 1958 году на средства Тома Слика и Джонсона была отправлена, пожалуй, самая работоспособная из всех предыдущих экспедиция. Использованы собаки, приманки, самострелы. Дважды йе-ти был, видимо, совсем-совсем близко, но скрылся в ночь. Работа продолжалась и в 1959-1960 годах. Снят гипсовый слепок следа записано множество опросных протоколов, остающихся еще не опубликованными.

Что же получила публика? Вполне порядочные сводки, изданные журналистами или пописывающими альпинистами: Тильманом, Морен, Диренфуртом, Шиптоном, Борде. Самая

цветистая и самая несерьезная из них - сочинение Иззарда - было волею случая издано и в русском переводе огромным тиражом. Позднейшая из журналистских сводок - пухлая книга редактора большой итальянской газеты "Коррера делла сера" Карло Граффиньа, вышедшая в 1962 году. Это плохой пирог из страсти к альпинизму с начинкой из йе-ти; осведомленность автора неудовлетворительна, биологическая подготовка - тем более.

Другой ряд имен - зоологи. Их профессиональное обоняние чуяло зверя. В темноту каждый вошел с фонариком естественнонаучного опыта. Джеральд Рассел (тот, что поймал редкое животное - большую панду) дал гималайским экспедициям бесценный биогологический каркас, без которого мысль вообще расползлась бы в жижу. Чарльз Стонор обошел множество шерпских деревень, расспрашивая о йе-ти, чтобы рассудком зоолога констатировать в итоге: шерпы правы, сами говоря, что они не могли бы этого выдумать, незачем и не возможно такое выдумать; все их рассказы толпятся вокруг несомненной плоти и крови. "Пытаясь воссоздать по рассказам внешний вид животного, мы отбрасывали все сведения, полученные из вторых или третьих рук, и принимали во внимание только описания утверждавших, что они видел его сами. Не прошло и нескольких недель, как выяснился поразительный факт: независимо от того, где, когда и при каких обстоятельствах шерпы, по его утверждению, видел йе-ти, все описания давали в точности одну и ту же картину." Зоолог дал резюме, впечатляющие примеры, из которых йе-ти встает как живой, но места этому небывалому животному в зоологической системе не нашел. Книга этого честного натуралиста появилась и на русском: "Шерпы и снежный человек".

Старейшина всех приматологов мира Осман Хилл подверг придирчивой зоологической критике совокупность гималайских данных. Часть доказательств он отверг, но основную сумму признал перевешивающей самый строгий скпепсис. Вердикт: в Гималаях обитает остававшееся неизвестным стопоходящее двуногое млекопитающее; оно живет небольшими группами в рододендроновых и иных густых лесах ниже зоны снегов в горных долинах. Весьма ученая ученица Османа Хилла зоолог Одетта Чернин опубликовала книгу - сводку и анализ большого числа данных. В том числе территория сведений расширена на Кашмир, где много сведений о тех же существах, именуемых здесь ванманас, собрала и передала английская последовательница Ганди - Мадлен Сейл (Мира Бен). О.Чернин, как и Осман Хилл, склоняется к признанию снежного человека и его "компаньонов" неизвестным до сих пор видом высших приматов. Она интересно характеризует биогеографические условия существования и

расселения этого животного на обширнейших малообитаемых пространствах Азии и Америки.

Что до Америки, то эту тему ввел в оборот американский приматолог, родом шотландец, Айвен Сэндерсон. О его новых фактах и идеях я скажу позже, но его большую книгу "Снежный человек: легенда оказалась действительностью" надо назвать тут как крупнейший манифест западной зоологической науки в пользу полной биологической реальности "легенды".

Один зарубежный зоолог должен быть поставлен совсем особо. Он тоже прикован цепью к "гималайскому циклу". Он не англичанин, как предыдущие, а француз, родом бельгиец - Бернар Хевельманс.

Не потому мне хочется вознести ему хвалу, что он оказался в Европе центральной точкой, с которой связаны все в мире, занятые снежным человеком. Но потому, что он первый выдвинул и разработал хоть одну идею. Гора знаний рассыпается без идей. Хевельманс взялся доказать, что зоология закончила лишь открытия, требовавшие самых простых приемов обнаружения крупных животных. В огромной работе "По следам неизвестных животных" Хевельманс обосновал прогнозирование более трудных открытий, в том числе - крупных животных. В их числе - снежного человека. И лишь на этом фоне он опубликовал красивую статью "Да, снежный человек существует", в которой впервые применил статистический метод для анализа всех фрагментарных описаний снежного человека свидетелями.

Не стану перебирать и пересыпать эти свидетельства (они уже нанизаны мною на другую нить). Здесь, при общем плане, довольно сказать, что они относятся не только к Непалу, Сиккиму, Бутану и Кашмиру, но собраны и к северу от великого гималайского водораздела, в Тибете, где вместо "йе-ти" говорят "ми-ге", - это одно и то же. На северных склонах Гималаев хлынувшие из горного озера воды смыли однажды такое существо, и мертвого его прибило к скалам, многие жители ближайшей деревни ходили рассматривать этот труп, похожий на невысокого человека, но с рыжевато-бурой шерстью, с вытянутым черепом.

Вот еще несколько имен людей, приезжих образованных европейцев, без которых история гималайского цикла была бы с пробелами.

Наш соотечественник востоковед Н.В.Валеро-Грачев, проживший огромную часть жизни в буддийских монастырях и лишь с 1930-х годов вернувшийся в Ленинград, затем, по его словам, несколько раз представлял здесь в ученый мир доклады и рукописи о тибетском "диком человеке". Ему посоветовали

замолкнуть. Бумаги утрачены, живые слова Н.В.Грачева записаны Л.В.Бианки незадолго до его смерти в 1960 году. За свои странствия он наслышался и расспросил о множестве случаев, о различных свойствах зверя, известного где как алмас, где как ми-ге, и ему больше невозможно было хоть каплю сомневаться в его биологической подлинности. Другой наш соотечественник, профессор Ю.Н.Рерих - сын художника и брат художника - донес свои познания об этом же в более удачную пору. Этот ученый, полжизни проживший в Гималаях, доложил в Комиссию Академии наук годами накопленные сведения, включая собственное впечатление от виденного им куска шкуры, - для неверия в реальность всего этого не было прав и причин у ученого, так вжившегося в сокровенный буддийский восток, что даже лицо его отразило облик Азии. "Ясно только одно, - подытожил Ю.Н.Рерих, - что по склонам Главного Гималайского хребта, видимо, обитает какое-то существо (будем говорить человекообразная обезьяна), которое еще науке не известно. Во всяком случае, мне кажется, что эти повторные сведения слишком уж повторны и слишком уж определенны, чтобы просто сказать, будто речь идет о фольклере."

Еще два имени. Английский путешественник и этнограф Р.Небески-Войковиц записал в 1950-1953 годах в Тибете и Гималаях несколько показаний о ми-ге, перекликающихся с записями Ю.Н.Рериха. А польский журналист Мариан Белицкий в 1956 году собрал их целую новую сюиту. Свидетельские показания убедили и этих двух присяжных.

Но весь этот избыток дополнений не раздвигает роковую колею: что-то такое есть...

Мысль западных исследователей на островке. Это "что-то" еще не включено в науку как необходимая ей часть. Поэтому никакая масса и инерция не тормозит возвращения вопроса снова и снова вспять: существует - не существует? Публику занимают не только доказательствами, но и опровержениями. Чикагская книгоиздательская фирма предложила знаменитому альпинисту Эдмунду Хиллари, "сэру Эдмунду", финансировать его новую экспедицию при условии вернуться либо с окончательным доказательством существования снежного человека, либо с опровержением. Второе показалось проще знаменитости, прикрывавшей на этот раз в Непале своим име- нем совсем не альпинистские дела. Чтобы не платить неустой- ку, он наперед заказал изготовить из шкуры дикой козы "скальп йе-ти", потом якобы выпросил его у монахов и с треском привез в Америку и Европу. Бернард Хевельманс пер- вым определил вид козы, шкура которой пошла на подделку. Эксперты присоединились. Снежного

человека чуть было не объявили посрамленным. Но вскоре панама сэра Эдмунда раскрылась.

Главное: тема все время оставалась где-то вне системы науки. Поэтому никто из западноевропейских профессоров не стал особенно шуметь, когда над сценой неожиданно опускался занавес. Правительство Непала в 1961 году ввело строгие запретительные меры. Со всякого, кто впредь захочет искать снежного человека, будет взыскиваться пять тысяч рупий. Йе-ти, живой или мертвый, а также его фотографии, объявлены государственной собственностью и не могут быть вывезены из Непала. Убивать его запрещено, даже если он нападет. А непальцы впредь не имеют права давать иностранцам информацию по этому поводу без разрешения правительства. Примерно с того же времени пресекся и всякий приток сведений из Тибета. Угодно знать руку, которая высунулась из-за кулис и закрыла открытие? Это - ламаистская церковь. Но важней всего, что человечеству нечего было сказать против.

В самом деле, ну чем же оказался йе-ти? Медленно, да и то не до конца спала несуразица о медведе. Стопоходящее двуногое млекопитающее. Не человек, а животное... Для школьной зоологии вывод однозначен: значит, обезьяна! Антропоид. Конечно же, антропоид! Но только... не похожий на известных, далеко отстоящий от них. Лишь Одетта Чернин сближает этот вид с орангутаном. Но и дальний родственник орангутана не мог бы ходить выпрямившись - велика анатомическая дистанция. Другие говорят: особый род, особое семейство. И с особенной охотой: живой ископаемый гигантопитек! Благо от этой древней вымершей крупной обезьяны не найдено ничего, кроме челюстей и зубов. Впрочем, описания снежного человека свидетельствуют то о действительных громадинах, попадающихся лишь высоко в горах, то о таких, что с подростка и окраской порыжее. Вот и хорошо, значит, открыты два разных типа неведомых обезьян! По другому предположению - целых три...

Враги снежного человека не раз говорили: ну было бы хоть что-нибудь материальное, ну хоть один ноготь, тогда объект изучения соответствовал бы зоологическому здравому смыслу. Они попались, так как ноготь-то как раз имелся. Да еще и вместе с пальцами.

Пришлось мне засесть за анатомию кисти антропоидов и человека: контрольным фактом являлась священная реликвия из монастыря Пангбоче - кисть йе-ти, когда-то отрубленная, высушенная, с частично обнаженными костями. Питер Бирн в 1958 году первым добился права извлечь ее из тряпья и сфотографировать. В следующем году он повторил визит и снова

сделал снимки с мумии кисти, при этом, увы, весьма некомпетентно подремонтировав ее. В 1960 году профессор анатомии Токийского университета Теидзо Огава снова сделал снимки. Но ведь он ожидал кисть человекообразной обезьяны, - нет, сказал ученый, - это человеческая рука, и отложил в сторону фотографии. Они лежали втуне, пока я не попросил прислать их мне для сопоставления с двумя прежними сериями. Да, кисть не обязьянья, но обнаруживаются в ней и приметные только специально нацеленному глазу, но обжигающие его, отличия от гармонии скелета руки современного человека. Какие отклонения? На счастье, образцово изучены кисти ископаемых неандертальцев. Да, отличия на кисти из монастыря Пангбоче подобны!

А в это время далеко в Америке профессор Агоджино анализирует отщепленный от этой кисти кусочек сухой мышечной ткани - единственное, что удалось выпросить у суеверных пангбочских монахов. Микроскоп и анализы сказали: кисть высушена лет триста тому назад.

Вот оно, вещественное доказательство того, что мысль западных исследователей снежного человека шла в ложных шорах. Это животное - неандерталец! Удалось опубликовать лишь небольшую заметку о пангбочской кисти вместе с профессорами Г.П.Дементьевым и М.Ф.Нестурхом. Затем я привлекаю к сотрудничеству профессора Л.П.Астанина. Он защитил докторскую диссертацию "Сравнительная анатомия кисти человека и высших обезьян", кому уж и знать. Наши выводы о пангбочской кисти сошлись. Для итоговой работы он взял на себя все главные измерения по снимкам, на меня пали повторные и дополнительные проверки, поиск антропологичес- ких параллелей. Год ждем мы оба ответа от редакции "Архива анатомии, гистологии и эмбриологии", куда послали статью. Там шла борьба. Член редколлегии, известный антрополог, грозил лечь костьми, но не пропустить в печать еретический факт. Может, воздержаться? Решили воздержаться.

Что до следов на снегу, то верный диагноз напрашивался давно уже. С того дня, как в 1952 году в одной пещере в Италии, Гроте ведьм, проникли посредством взрыва в дальний отсек он обнаружили на окаменевшей в древности глине отпечатки ног неандертальцев. Английский антрополог В.Чернецкий и другие были поражены сходством их причудливой формы со следами йети, снятыми Шиптоном. Но это было скорее недоумением, чем открытием. Бездумье влекло западных экспертов в сторону, под откос. По шиптоновскому следу В.Чернецкий изготовил гипсовый макет стопы - странный, небывалый, так как он пренебрег

динамикой пальцев. А нам ведь очень нелегко представить непохожие движения стопы двуногого палеонтропа, уже далекого от обезьяны, но ходившего еще не вполне по-человечески. А что за кругляши на подушечках пальцев? Только находка в 1963 году в Тянь-Шане дивно запечатленного глиной следа могучего палеоантропа, всего четырех-пятидневной давности, броском придвинула вперед задачу чтения неандертальских следов.

Теперь россыпь гималайского цикла спрессована до научной определенности. Гималаи - это всего лишь крайний рубеж огромной центральноазиатской области обитания пережиточных неандертальцев. Высокогорье не так-то уж типично для них. На больших высотах гималайских перевалов держатся одинокие мощные самцы - "одинцы", как называют охотники таких кабанов, слонов, лосей. Самки и маленькие детеныши на южные склоны Гималаев почти не проникают, их географическая база севернее. А малорослые йе-ти - это другая возрастная группа: молодь, имеющая на время до зрелости свою особенную экологию (место в проде). Но и старые, и малые разрежены в Гималаях на огромных пространствах до крайности бедной кормовой территории. Один из западных авторов прикинул, что на этой необозримой громаде бродит тысячи четыре особей. Они совершают сезонные перемещея. Они избегают человека: из той долины Барун, куда зачастили было искавшие их экспедиции, через какие-нибудь два года они вовсе испарились.

5. ВЗМАХ И ПЕРЕЛОМ КРЫЛА.

Ничего, рассказанного выше, как и чего-либо иного, сюда относящегося, явно не знал автор фантастической повести "Человек, который его видел". Там был изображен одиночка-исследователь, который где-то на Памире несколько дней пешком преследует последнего на Земле снежного человека. Преимущество преследователя подавляющее: рюкзак... У него с собой запас еды, тогда как преследуемый должен временами пастись. Это - жалкое существо. В конце повести оба упали в бурную речку, но человек, конечно, выплыл, хилый же снежный человек утонул.

Пусть это всего лишь беллетристическая забава. Но написал ее начальник памирской экспедиции Академии наук по поискам снежного человека Кирилл Владимирович Станюкович. Написал перед экспедицией, следовательно, не понимая, что будет искать, опубликовал же по возвращении ("Вокруг света", 1958, N 12), следовательно, ничего не забыв и ничему не научившись. Позже печатал столь же неправдоподоб- ные занимательные очерки об этой экспедиции.

Дело началось в январе 1958 года.

Я вошел в кабинет президента Академии наук СССР академика А.Н.Несмеянова. Это был необыкновенный день в моей жизни. Еще за три дня до того в Институте антропологии были всего лишь разноголосые прикидки вероятности. Мной двигало, очевидно, большое вдохновение - в той незабываемой беседе я убедил президента. А.Н.Несмеянов внес мой доклад в повестку дня Президиума Академии наук на запослезавтра. Мне была дана одна ночь на списки приглашаемых, на проект постановления, на персональный состав будущей комиссии "по изучению вопроса о снежном человеке" при Президиуме Академии наук. Мягко и застенчиво А.Н.Несмеянов просил наз- вать на роль председателя кого-либо из академиков или членов-корреспондентов. Я ответил, что единственный, опубликовавший об этом две статьи в "Известиях Географического общества", - член-корреспондент Сергей Владимирович Обручев, геолог.

С.В.Обручеву первому удалось одолеть смущение редакции. Раньше потерпели неудачи математик А.Д.Александров, географ А.В.Королев в попытках пересказать что-нибудь из западной печати. С.В.Обручев перенял и шоры английской струи исследований, касавшихся Гималаев, не подозревая об отечественной. "Двуногий антропоид", но не "первочеловек

азиатский". Впрочем, его влекла не зоология, а острая несомненность чего-то непознанного, отомкнутого альпинистами в Гималаях.

Так как А.Н.Несмеянов предложил мне составить два списка приглашаемых на заседание - сторонников и противников, - по списку противников, исходя из опубликованной заметки, был приглашен профессор геоботаники и знаток Памира К.В.Станюкович. С учетом коньюнктуры он в прениях сказал пламенную речь "за". Президент уверовал и в Станюковича. Кроме меня оказалось еще двое заместителей председателя: К.В.Станюкович и действительно убежденный сторонник, профессор зоологии С.Е.Клейненберг.

Чудесную моральную поддержку оказал академик И.Е.Тамм, вошедший в комиссию наряду с биологами и географами. Ученым секретарем комиссии стал антрополог А.Шмаков, не заслуживший тем похвал своих коллег.

Сто и одна ночь - поистине, ибо днем каждый был занят иными служебными обязанностями, и потому, что все было сказочно, включая аладиновы богатства, отпущенные на памирскую экспецию. У комиссии определились две цели: собрать для анализа всю доступную мировую первичную информацию по этой свежей, как выпавший снег, научной проблеме и стать научным советом для экспедиции по сигналу Пронина - на крышу мира.

Первая задача была куда важнее, так как для практических рекомендаций нужны были монбланы конкретных знаний. Однако все были отравлены экспедицией: протянуть руку и сцапать. Как лучше других знакомый с Памиром, К.В.Станюкович подхо- дил для роль начальника; как поглощенный задачей довершить геоботаническую карту Восточного Памира, он настоял на том, чтобы сама экспедиция считалась комплексной, - снежный человек стал как-то оттираться.

Но экспедиция сооружалась с размахом, как строят подчас видимость города на кинофабрике. Моторный плот и катер для плавания по Сарезскому озеру, и сверхмощные телеобъективы для просмотра долин и гор, и сети для снежного человека, и служебные собаки для его преследования в скалах, не беда, что недоступных подчас и скалолазу, зато специально натасканные в зоопарке на запах мочи шимпанзе. Но странновато было с кадрами. Уже приближались сроки выезда экспедиции, а все не было зоологов: рекомендуемых начальник одного за другим отводил; под конец в огромной экспедиции оказалось их четверо - два специалиста по птицам, один - по тюленям, один - по летучим мышам. Был еще и энтомолог - специалист по насекомым. Это бы

полбеды, да слишком поздно узнал я от них на ночевках, что никто о снежном человеке не читал, начальник с ними о нем не беседовал и даже с составленной нами инструкцией не познакомил, а приехали они подсобрать коллекции птичек, грызунов и насекомых. Так точ- но под бирку экспедиции за снежным человеком подстроились и начальник археологическиги отряда, которому никак не давали средств на раскопки, и начальник опросно- этнографического отряда, ответившая на предложение без жеманства: поеду искать хоть черта, лишь бы доставили в долину Ванча с ее интересным наречием. Поехали и альпинисты и кинематографисты - кто зачем. Во все отряды подмешал начальник незатейливых собирательниц гербариев - и это было главное.

После лекции английского альпиниста Эванса ко мне подошла спортивная женщина, - вошла в кружок, как входит нос корабля, и, сверкнув золотой оправой, спросила: - "Это вы занимаетесь снежным человеком?" - "Да." - "Я хотела бы отдать этому свою жизнь". Я принял это за неумение выбирать слова. Она хотела с ходу убедить меня, что должна, должна участвовать в памирской экспедиции: она - врач, хирург, анатом, альпинист. Сколько же раз потом я думал о невольной правде этого преувеличения. Жанна Иосифовна Кофман неукротимо добилась того, что ее зачислили вторым врачем памирской экспедиции.

Но по пальцам одной руки перечтешь чудаков, принявших эту экспедицию по-правдашнему. Начальник экспедиции на зеленом сукне заседаний комиссии вел крупную игру, настораживавшую лишь немногих, близко знавших Памир. Искушенный путешественник профессор В.В.Немыцкий настаивал: экспедиция должна направиться на Южный и Западный Памир, особенно в верховья реки Язгулем. Его аргументы были поддержаны. Но К.В.Станюкович сдвинул эти маршруты в резерв, а на первое место поставил Восточный Памир: долину Пшарта, Балянд-Киик, Сарезское озеро. Да, из этих мест донеслись немногие отзвуки встреч азиатского бродяги - волосатого дикого человека. Но редчайшие. Зато здесь была недоработана готовившаяся геоботаническая карта Памира, здесь на ней были белые пятна. Начальник выбрал не весну, когда снег еще держится низко и на перевалах пишется летопись следов, а лето, когда снега взбираются высоко не только над зоной растительности, но и над поясом безжизненных скал. Но нищая флора Восточного Памира пробивается летом. Дорогонько стали гербарии.

Вот что тремя годами позже рассказал мне генерал в отставке Михаил Степанович Топильский, когда мне удалось наконец разыскать его, начинавшего уже казаться легендой. В 1925 г. в

качестве комиссара он участвовал в операции военного отряда, преследовавшего отступавшую через Памир на Восток банду. В высокогорных кишлаках Ванчского района слышали рассказы о человеко-зверях, обитающих где-то еще выше, но знакомых по крикам и редким встречам. Двигаясь горной тропой по следу банды где-то в верхней части Ванчского и Язгулемского хребтов, отряд видел пересекшие тропу босые следы, кончавшиеся у подножья слишком для человека крутой скалы. Там же - кал, подобный человеческому, с остатками сухих ягод. Банда была настигнута в момент привала в пещере под языком ледника. Ее окружили, начали пулеметный и гранатный огонь, от которого возникла грозная подвижка льдов. Из пещеры, стреляя на ходу куда-то назад, вырвались сквозь лавину немногие. Раненый узбек рассказал, что из расщелины к ним проник с нечленораздельными криками волосатый дикий человек, что теперь он пал от выстрелов и лежит, засыпанный снегом, вот тут, вблизи. Действительно, труп был найден. На нем - три пулевых ранения. "На первый взгляд мне показалось, что передо мной труп обезьяны: он был покрыт шерстью. Однако я знал, что на Памире нет обезьян. Да и труп оказался вполне похожим на человека. Мы пробовали дергать за шерсть и убедились, что шкура не натянута для маскировки. Мы неоднократно переворачивали труп на живот и на спину, измеряли. Тщательный и длительный осмотр трупа, произведенный нашим лекпомом, исключал допущение, что это был человек. Это было существо мужского пола, ростом 165-170 см. Судя по седому оттенку волос в некоторых местах, он был пожилой или даже старый. В целом цвет его шерсти можно определить как серовато-бурый. Но в верхней части тела, на груди, волосы были более бурые, на животе - более серые. На груди они были более длинные, но редкие, на животе короче, но гуще. В общем, шерсть весьма густая, хотя и без подшерстка. Меньше всего волос на ягодицах, из чего лекпом сделал заключение, что существо это сидит, как человек. Больше всего волос - на бедрах. На коленях волос совсем нет, заметны мозолистые образования. На голени волосатость меньше, чем на бедре, и к низу еще уменьшается. Вся стопа и подошва совершенно без волос, покрыта грубой коричневой кожей. Плечи и руки покрыты волосами, густота которых уменьшается к кисти, причем на тыльной стороне кисти волосы еще есть, а на ладони совершенно отсутствуют; кожа на ладони грубая, мозолистая. Волосы покрывают и шею. Но на лице их совсем нет; цвет лица темный; нет ни бороды, ни усов, и лишь немногие волоски по краям над верхней губой создают впечатление намека на усы. На передней части головы, надо

лбом, волос тоже нет, как если бы тут были глубокие пролысины, зато на задней части головы - густые, свалявшиеся, как войлок, волосы. Убитый лежал с открытыми глазами, оскаленными зубами. Цвет глаз темный. Зубы очень крупные, ровные, по форме не отличаются от человеческих. Лоб покатый. Над глазами очень мощные брови. Сильно выступающие скулы, придающие всему лицу сходство с монгольским типом. Нос приплюснутый, с глубоко продавленной переносицей. Уши безволосые, кажется, несколько более заостренные наверху, чем у человека, и с более длинной мочкой. Нижняя челюсть очень массивная. убитый обладал мощной, широкой грудью, сильно развитой мускулатурой. В строении тела мы не заметили отличий от человека. В длине рук, в пальцах рук и ног особенностей не замечено, за исключением того, что кисть несколько шире человеческой, а стопа заметно шире и короче человеческой". Взять этот труп с собой было невозможно. Отряд зарыл его там же, где-то среди язгулемских скал.

Вот заявление, поданное в нашу комиссию А.И.Малютой, бывшим уполномоченным госбезопастности в Ванчском районе, где он проработал шесть лет. Охотники, взбиравшиеся в горы за архарами, кииками и снежными барсами, много сообщали "о существовании каких-то человекообразных существ на большой высоте, в частности в верховьях реки Язгулем, в районе ледника Федченко, и в направлении Бартангского района". "Интересно, что в других районах Памира, за исключением Язгулемского кишлачного совета Ванчского района, о существовании снежного человека я не слыхал". А недалеко от тех мест, на обсерватории ледника Федченко, радиометеоролог Г.Н.Тебенихин в марте 1936 г., по его словам, оказался участником события, "так полностью и не объясненного". Кто-то двуногий поломал рейку близ обсерватории и затем легко уходил по леднику от преследования лыжников в течение нескольких часов, бурый на вид, местами присаживаясь и подпуская преследователей, но не ближе километра, в конце концов спустившись по крутому снежному желобу, сидя на ягодицах и тормозя ступнями. Академик Д.И.Щербаков в 1933 г., проходя из верховья Ванча перевалом в верховья Язгулема, был удивлен следами босой ноги, напоминающей человеческую. Но от следов человека, как и следов медведя, они ясно отличались откинутым в сторону большим пальцем. В 1938 году другой геолог, А.Шалимов, с группой носильщиков-таджиков, на седловине того-же перевала видел указанные таджиками следы "дикого человека", прошедшего здесь совсем недавно, вероятно, смотревшего сверху, как партия поднималась на перевал. "След большого пальца

значительно крупнее остальных и оттопырен в сторону". Спутники с такой же полной уверенностью поблизости распознали следы медведя. Все к тем же верховьям Язгулема тят и другие сигналы.

Другой пучок указывает на Южно-Аличурский и Ваханский хребты. Художница М.М.Беспалько лаконично написала А.Г.Пронину: "Видела такое же самое существо 29 июля 1943г. в Аличурской долине", где делала этюды. Важные сведения о следах двуногих существ представлены из тех мест геологом С.И.Проскурко в 1959 г., виртуозным следопытом пограничником А.Грезем в 1960 году.

Но не туда направил отряды экспедиции К.В.Станюкович. Выбранные им маршруты сулили мало. Да вдобавок впереди наших отрядов за несколько дней эти маршруты прошли местные отряды; им пришло на ум для привлечения снежного человека жечь в пути костры. Они пополняли пищевой рацион дичью. На местах привалов мы находили немало стреляных гильз. Население пыталось помочь им, но пастух, сообщивший о своей встрече с гульбияваном, через некоторое время, по словам отчета, "признался", что встречи не было, - видимо, серьез- но поговорили с этим непрошенным зоологом.

Из всех членов комиссии и научного совета я один приехал на Памир - и контролером и участником работы. База экспедиции находилась на ботанической станции Чечекты, где К.В.Станюкович был директором. Разреженный воздух, движения утомляют. Говорят, что Восточный Памир гол, как ладонь. Да, ни одного дерева. Но ладонь с огромными буграми, вздымающимися со всех сторон и напоминающими очертаниями верблюжьи горбы. Ни один пейзаж в мире (кроме, может, Тибета) не делает человека таким маленьким и затерянным, как безлесый, безмолвный, этими гигантскими горбами всхолмленный Восточный Памир.

Случайность ли, что в своей занимательной книжке "По следам удивительной загадки" (М., 1965) К.В.Станюкович перечислил имена всех участников экспедиции, кроме моего (хоть уплатил мне "полевые"): мы не ссорились, я был принят, как дорогой гость, но каждый миг моего присутствия был укором, и не всегда немым. Но К.В.Станюкович был единодержавен. Он не сверял своих решений ни с составленной нами инструкцией, ни с моим отчаянием. Он любил стихотворение о флибустьерах. Я был включен в самый сказочный по впечатлениям, по романтике маршрут - на малодоступное, заключенное в горах, как в цитадели, бирюзовое Сарезское озеро.

Подъемы и спуски верхом по нагромождениям каменных

плит и обломков и по крутым осыпям мелкого камня. Рейды на моторке и моторизованном плоту по шестидесятикилометровой глади, никогда до того не носившей на себе человека. Ночев- ки в лагерях, притулившихся на немногих пологих уголках отвесных берегов. Незабываемое, прекрасное путешествие, - не имевшее, увы, серьезного соприкосновения с задачами нашей комиссии.

По возвращении в Чечекты я решил не тратить дальше времени на совершенно бесперспективные разъезды вслепую по горам и долинам и примкнул к единственной, сулившей прогресс, опросно-этнографической группе.

Мы были явно не готовы допрашивать природу, не расспросив как следует людей, многими поколениями сжившихся с ней. Двухнедельный объезд на предоставленном нашей четверке грузовике и редких пастушьих юрт Восточного Памира, и людных кишлаков в долинах буйных рек Западного Памира - Горного Бадахшана. Какой контраст, какая вакханалия самой яркой на свете зелени, самых сумасшедших кипящих рек! Опросы, опросы - много сведений, в разной мере подернутых стариной и легендами, и всего два очевидца - вполне почтенных человека, утверждающих, что при таких-то обстоятельствах видели гульбиявана своими глазами. В их показаниях, в самом деле, ничего фантастического или преувеличенного. После возвращения на базу мы с А.Л.Грюнбергом предприняли еще один добавочный маршрут в тот приграничный район Восточного Памира Чеш-Тюбе, куда отсылали многие рассказчики; но там мы услышали еще более определенные отсылки дальше на юго-восток, где обитает по наши дни дикий человек, - и это указание стрелки научного компаса, может быть, было самым реальным и даже единственным достижением памирской экспедиции 1958 года. Мы увезли серию достаточно свежих и биологически приемлимых описаний адам-джапайсы и его природной среды от киргизов, перекочевавших из юго-западного Синьцзяна. Стрелка указала туда, и дальнейшие исследования удостоверили, что точно.

В сентябре я оставил Памир. Вскоре разъехалась вся экспедиция. К.В.Станюкович с трагизмом описал последующие месяцы, когда в снегу и вьюге он один, в обществе местных охотников, ринулся в еще одну попытку найти среди окоченевших гор таинственного гульбиявана. Лишь после этого следует горькое: "Прощай, загадка!" Для этого этапа экспедиции не существует ни свидетелей, ни обязательного экспедиционного документа - полевых дневников.

Моя пространная разоблачающая реляция в президиум Академии наук погрузилась в пыль "записок, не имеющих

научного значения", а отчет начальника экспедиции удержался на поверхности. Мы встретились, как Ленский с Онегиным, на многолюдном заседании президиума Академии наук в январе 1959 г. Я докладывал теоретические аспекты проблемы, но все собрались не за этим , а на похороны. С.В.Обручев зачитал написанный для него К.В.Станюковичем отчет и итог. Какие странные вещи мы услышали! Оказываеися, главный результат экспедиции - обнаружение археологами на Памире памятников палеолита, из чего якобы следует, что "дикий человек" здесь не мог обитать уже десятки тысяч лет в силу биологического закона несовместимости родственных видов на одной территории. Логика требовала бы признать, что уж тем более он не может наблюдаться горцами в Непале. Оказалось далее, что лишь в результате обширных трудов экспедиции на Памире установлен фундаментальный факт: "Экологические условия этой горной страны неблагоприятны для существования здесь крупного примата". Но экологические условия, т.е. природная среда Памира, в том числе обследованных районов, были изучены и описаны задолго до экспедиции, известны ее организаторам, и она не внесла уловимых изменений в прежние познания.

Что же случилось на самом деле? Однажды я сказал С.В.Обручеву: "Я бы не стал заниматься снежным человеком, если бы думал, что это обезьяна". Он ответил: "Я бы не стал заниматься снежным человеком, если бы думал, что это неандерталец, - это неведомая двуногая обезьяна". По преданию, если две грозовые тучи сходятся - грянет гром, засверкают молнии, хлынет ливень. Две совершенно разные и противоположные традиции воплотились в нас двоих и встретились в общем деле. Разрушительная гроза была неизбежна. На авансцене разыгрался фарс, но в глубине сцены - трагедия. Побежденным надо считать того, кто сам предложил ликвидировать и распустить свою собственую комиссию.

6. БУДНИ, ПОЗНАНИЕ.

Большущая вузовская аудитория, полная необычайно молодых лиц. Очередной "вторник" юных натуралистов Москвы всех выводков. "Сегодня мы послушаем об одном из величайших открытий в истории биологии". Из поросли, воспитанной председателем, многие ныне - далеко пошедшие зоологи. Живой осколок былой русской интеллигенции, вышедшей в естествознание вслед за Базаровым из бунтарства и за мудростью, Петр Петрович Смолин презрел и степени, и список печатных трудов. Взамен избрал поглощение сочинений чужих, открытую лабораторию природы и прямую раздачу любви к ней и знания ее - словно меда обратно из улья по чашечкам цветов - юным головенкам. Проницательный истолкователь дарвинизма. Зоологическая энциклопедия.

"...Об одном из величайших открытий в истории биологии". Петр Петрович знал ответственность таких слов. Он привел меня к своей пастве после того, как изучил первые два худеньких и несовершенных выпуска "Информационных материалов комиссии по изучению вопроса о снежном человеке" и озарением, подготовленным жизнью, ощутил реальность.

П.П.Смолин надолго стал моим университетом на дому. Он возникал, этот коренастый подвижный человек, иногда прямо с экскурсионным рюкзаком за плечами, но набитом книгами, всегда с новыми биогеографическими обобщениями в милой седой голове, периодически то безбородой, то украшенной серебряной бородой гнома. Снежный человек вываривался в тигле наших бесед и выходил из него всякий раз более понятным.

Когда вальяжная комиссия при президиуме Академии наук пала, мы решили сберечь ее останки, ее имя, которое отныне было несмотря ни на что неотторжимо от отечественной науки. Комиссия стала скромным добровольным кружком, нашедшим на первый год приют при Обществе содействия охране природы. Ученым секретарем остался А.А.Шмаков. Мы с ним, благодаря помощи Общества, опубликовали еще два сборника "Информационных материалов". В нескладной заставленной комнате шли важные заседания - слушали Хахлова и Дементьева, дебатировали зоогеографические и анатомические узлы возникающей небывалой конструкции.

Потом нашлись гонители и в Обществе содействия охране природы. Комиссия стала совсем неустроенной и бесприютной. Почти бестелесной. Следующие три выпуска "Информационных

материалов" печатались уже просто на пишущей машинке, но упрямым символом стоят на титуле слова: "Комиссия по изучению вопроса о снежном человеке".

Сменились люди. Отпали не только свадебные генералы. Отошел, обремененный другими заботами, С.Е.Клейненберг, которому на первом этапе новое направление в науке было так многим обязано.

Вошли новые. Еще по самому началу ахнул от непочатого пира профессор зоологии Александр Александрович Машковцев. Теперь он врос по пояс в нашу науку. Он стал одним из ее самых угадливых и неуемных создателей. Дружная откровенность с природой, какая может быть только у ее алчущего обладателя - охотника, широкое естественное образование и барская независимость положения позволяли его мысли просекать туда и сюда неожиданные вольные дали. Он мало написал, но богатырски подпер плечом общее дело. Необъятная переписка, трассирующие пули - на Тянь-Шань и Кавказ, в Прибайкалье и Туву, в Полесье и Якутию, в древний каменный век и в средневековые поверья.

Надежда Николаевна Ладыгина-Котс посвятила свою большую жизнь и зоркий экспериментальный труд изучению крупных человекообразных обезьян - шимпанзе, их поведения. Когда она почитала наши подборки первичного сырья, ее взгляд был зачарован не линией, а точками: она повстречалась с упоминанием то одной, то другой повадки, жеста, мимики, проявления эмоций, какие, как никто, знала у человеко- образных обезьян. Информаторам же неоткуда было знать эти заметки приматолога. Надежда Николаевна составила лист таких кричащих совпадений. И это было для нее верным сигналом истины. Повстречав меня где-нибудь в научных организациях, она в сторонке говорила: держитесь, мужайтесь, - именно так было со многими большими открытиями.

Я уже упоминал об орлином взлете Г.П.Дементьева, о второй молодости В.А.Хахлова, об анатомическом прозрении Л.П.Астанина. Но как не назвать здесь и метавшегося между льдом и пламенем, то остерегающегося, то увлеченного приматолога М.Ф.Нестурха. Как не назвать профессора Н.И.Бурчак-Абрамовича, знатока ископаемой и живой фауны Кавказа, некогда открывшего там зуб вымершей человекообразной обезьяны, - нашего конфидента, посвященного в чернокнижные тайны, молчаливого затаенного исследователя загадки реликтовых (пережиточных) гоминоидов. На сборищах наших, больших и малых, выступал биогеограф Н.И.Соболевский. Требовала дел, нетерпеливо звала в поле, рвалась в победное

завтра Ж.И.Кофман.

Однако всех беспризорников не перечислишь, пусть простят. У нас была двойная задача - правой рукой раскапывать суть, а левой отбиваться и пробиваться. Нас донимали, доканывали - сколько карканья, безапелляционных опровержений! "Совренменный миф о снежном человеке" - бабахнул журнал "Природа". Автор, географ, и не заглянул в наши материалы, не ведал, что стирает с доски. Немало было таких блюстителей. Но было и обратное. Крепко уперлась в земля расставленными ногами гвардия "Комсомольской правды": М.Хвастунов, Я.Голованов, Ю.Зерчанинов. А по-немногу давал нам слово то тот, то другой массовый журнал - не затолкать нас было в "миф".

Что до нас, секты, мы были не вполне единоверцами. Общим для всех было только признание доказанной и очевидной реальности "нашего подопечного", как выражался П.П.Смолин. Да желания отдать силы его изучению. Импульсы же были разные. Сказать коротко, на одном полюсе был чисто зоологический подход, на другом - антропологический, и только годы общего труда сваривали их в один металл. Зоологов более всего вразумляло и убеждало то, что "подопечный" вполне покоряется правилам биогеографии. Он вписан в природу, а не сам по себе. Географическая область сведений о нем сопоставлялась с ареалами разных видов животных, например, горной индейки улара и пернатого хищни- ка бородача, пищухи и сурка, горного барана и горного коз- ла, снежного барса и медведя. точно так же основная область сведений о реликтовых гоминоидах оказалась сопоставимой с физико-географическими зонами, характеризуемыми как водоразделы (системы гор) и области внутреннего стока, где реки не связывают земную поверхность, а фрагментируют ее, ибо возникают из-под земли и уходят под землю. Такие реки, как и горные цепи, никогда не содействовали расселению людей. На карте плотности населения область наших реликтовых (пережиточных) гоминоидов накрыла наименее населенные места: вовсе необжитые; имеющте в среднем менее одного человека на квадратный километр; редко - имеющие одного-десять человек на квадратный километр (исключением из правил явился Кавказ). В общем за "подопечным" выступило некоторое единство природных условий, при всем многообразии местных вариаций. Изучаемый вид как-то ассоциирован с другими видами. Зоологи чувствуют себя в своей тарелке, и им хочется представить себе этого зверя вне всякой связи с человеком, развившегося и расселившегося вместе с определенными комплексами фауны - зверя среди зверей.

Но на другой взгляд он - тень, откидываемая человеком. В

конце концов главным географическим условием его обитания оказывается редкость людей. С людьми размежевано и время его суточной активности: когда они спят - в сумерках, на рассвете, ночью при самомалейшей видимости, а то и в час их полуденного отдыха - он действенен и подвижен. Он не может и оторваться от людей, как не может отбрасываемая тень, - его приковывает и великое любопытство, и зов к паразитизму. Это отталкивание и притяжение оказывается глубокой струной его животной натуры.

Отсюда два противоположных воззрения на начало человеческих взаимоотношений с волосатым прямоходящим гоминоидом. Мои товарищи хотели думать, что люди, расселяясь на новые земли, повстречались здесь среди местной фауны с этим экстравагантным приматом, ссорились с ним или приручали его, в конце концов отгоняя основную часть популяции дальше в незаселенные места. Я твердил свое: да, такие сцены бывали, но это - эпизоды вторичного знакомства оторвавшихся родственников. Мои товарищи шаг за шагом сдавались в определении степени родства - от очень далекой нам человекообразной обезьяны, хоть и двуногой, до питекантропа (обезьяночеловека). Но им по-прежнему хочется, чтобы наши отношения с ним были знакомством, а не разрывом. А я твержу свое: либо это наш ближайший, непосредственный предок, либо степень родства уже не представляет принципиального интереса. Если это не неандерталец, его определение может занимать лишь узкий круг зоологов-систематиков. Для мировоззрения же это был бы нуль, так как это не касается проблемы отпочкования говорящего разумного человека от животных. Да, наш ближайший предок, неандерталец, подчинен всем законам экологии и биогеографии; чем дальше он оторван от человека, тем плотнее вписан в природную среду; он взаимозависим с миром растений и животных, потому что он - животное.

Все же он связан с этим миром так, как ни одно животное кроме него.

В древневалилонском эпосе, восходящем к еще более древним шумерским преданиям, воистину допотопным, описан палеоантроп (неандерталец), проникший из Ливанских гор в степи Месопотамии. Его называли эабани (дикий), но в легенде он приобрел имя Энкиду. Вот его описание (в переложении Д.Г.Редера): "Был он сильным, как дикий зверь, и своим обличьем напоминал зверя. Его тело было покрыто густой шерстью. Лишенный человеческого разума, он обладал звериным чутьем. Дружил с дикими животными, ел траву с газелями и вслед за ними шел к водопою. Он жалел четвероногих обитателей степи и защищал их от людей. Богатырь засыпал волчьи ямы, вырытые

охотниками, и ломал ловушки. И степная тварь чувствовала в нем могучего защитника, и дикие звери бесстрашно приближались к нему. А охотники стали роптать: все меньше добычи попадало в их руки".

И древнейшие, и новейшие сведения, и тайные предания охотников-шаманистов, и разрозненные наблюдения людей современной цивилизации доносят о какой-то невообразимой пригнанности дикого палеоантропа к животным, в том числе и к хищникам. Они его не боятся. Он использует их межвидовую вражду, но сам в мире в каждым видом. Он подманивает любой из них подражанием их голосам и сигналам. Еще не говоривший предок человека уже обладал неисчислимыми голосовыми возможностями, и можно сказать, что его мозг разросся вместе с его голосом. А голос его вобрал в себя все звуки зверья.

Был замечательный русский натуралист Н.А.Байков. Он написал превосходные, исполненные тонкой наблюдательности книги о жизни природы. В 1914 году в горных лесах Южной Маньчжурии глубоко в тайге зверопромышленник Бобошин завел его показать диковину в хижину охотника по именм Фу Цай. Последний пользовался помощью странного существа, которое вполне прижилось в его фанзе и о происхождении которого сплели небылицы. Ему дали человеческое имя Лан-жень. В силки и ловушки, поставленные Фу Цаем, он был приучен с необъяснимой ловкостью загонять птицу и зверя, особенно успешно - рябчиков и белок. По немногим признакам - сутулость, волосатость, бессловестность - мы сразу узнаем в описании Н.Байкова "нашего подопечного", хоть этот одомашненный экземпляр был одет охотником в какие-то лохмотья. Он был очень малорослый, на вид лет за сорок. "На голове у него спутанные и всклоченные волосы образовали шапку. Лицо его красно-бурого цвета, напоминало морду хищного зверя, сходство это еще увеличивалось открытым большим ртом, в глубине которого сверкали ряды крепких зубов с острыми выдающимися клыками. Увидев нас, он присел, опустив свои длинные волосатые руки с крючковатыми пальцами до полу, и замычал каким-то диким звериным голосом. Дикие, почти безумные глаза его горели в темноте, как у волка. На замечание хозяина он опять ответил рычанием и отошел в сторону к наружной стене, где и улегся на полу, свернувшись калачиком, как собака... Я долго наблюдал за странным существом, получеловеком, полузверем, и мне казалось, что звериного в нем было больше, чем человеческого". Далее Н.Байков продолжает рассказ: "...В это время Лань-жень, лежавший в углу на полу, зарычал во сне, как это часто делают собаки: приподнял свою косматую голову и зевнул, открыв

широкую пасть и сверкая острыми клыками. В этот момент он был до того похож на зверя, что Бобошин не удержался и проговори: "Вот, прости господи, народится же такое чудовище! На человека-то и вовсе не похож! А если б ты видел его в тайге, то испугался бы: волк, да и только! Все повадки волчьи, и ходит не по-человечески. Руки у него длинные и он часто упирается ими в землю и идет на четвереньках, в особенности тогда, когда выслеживает зверя. А по деревьям лазает не хуже обезьяны!.. Да и сила в нем звериная, даром, что маленький и щуплый. Представь, и собаки его боятся, как волка. Он их тоже не любит, рычит и скалит на них зубы. Под Новый год Фу Цай берет его с собой в Нингуту. Все собаки в городе всполошатся, лают и воют по ночам, когда этот выродок там. А на улице ему прохода не дают. Но ни одна собака ему не попадайся: задушит сразу и перекусит ей горло. А так он добродушный парень и покладистый...".

Ночью Н.Байков был разбужен Бобошиным и они осторожно вышли вслед за выскользнувшим из фанзы Лан-женем. Луна озаряла тайгу и заснеженные горы. Притаившись в тени навеса, Байков и Бобошин наблюдали присевшего на корточки под кедром и поднявшего кверху голову Лан-женя, "который издавал вой, в точности подражавший протяжному вою красного волка. Во время вытья он вытягивал нижнюю челюсть и по мере понижения звука опускал голову почти до земли, совсем так, как это делают волки.

С ближайшей сопки ему отвечали таким же воем звери, причем, когда они ненадолго замолкали, волк-человек усилен- но подзывал их своим воем. Вскоре на поляну вышли три волка и осторожно, временами приседая, стали приближаться, а Лан-жень пополз им навстречу. Своими движениями и всем он удивительно подражал волкам. Звери подпустили его к себе шагов на пять, после чего медленно побежали обратно к лесу, иногда останавливаясь и оборачиваясь, а Лан-жень, подняв- шись с четверенек, сначала шел, затем быстро побежал за ни- ми и скрылся в тайге. По словам Бобошина, "бог его знает, что он делает по ночам в лесу, этого никто не знает, даже Фу Цай и тот не скажет, даже если знает".

"Утром, - продолжает Н.Байков, - чуть свет явился из тайги Лан-жень, все такой же дикий и несуразный на вид и непонятный. Фу Цай, сев за еду, подал ему тушку ободранной накануне белки. Тот схватил ее обеими руками, поднес ко рту и пачал ее есть с головы, причем кости хрустели на его крепких зубах, как соломинки. Разрывая мясо руками и с помощью передних резцов, он ворчал от удовольствия, сидя на полу".

Приручение и дрессировка в этом редчайшем случае зашли

далеко. Палеоантроп пил воду, зачерпнув ковшом из котла, хоть не научился сидеть на скамье. Самое интересное, конечно, что зверь не сам поедал в лесу дичь, а тащил ее хозяину, который себе оставлял шкурки, ему скармливал тушки. Не оставляли ли ему и красные волки частицу добычи?

Может быть, этот единичный пример приоткроет щелку в едва прозреваемое нами положение палеоантропа в суете и грызне животного царства. Он смог возвыситься над прикованностью к строго ограниченной среде. Зоология учит, что бывают виды стенобионты, т.е. привязанные к одной экологической зоне, эврибионты, т.е. приспособленные к многообразию жизненных условий, наконец , убиквисты - живущие во всех природных зонах (лисица, ворон, беркут).

Палеоантроп - убиквист, он может быть всюду, где хватит какого-нибудь смертного зверья. Любой ландшафт, вода и сушь, любые высоты ему годны. От холода и зимней бескормицы он, судя по косвенным данным, уходит в летаргию, укладываясь в специально вырытые ямы или в пещеры, чаще же ограничивается снижением обмена веществ, многодневными дремотами с короткими перерывами. Защитой от зимних холодов служит не столько шкура, сколько осенний подкожный жир.

Палеоантропы - пожиратели пространств. Они могут бежать как лошади, переплывать реки и бурные потоки. В процессе перехода на двуногое передвижение самки обрели в отличие от обезьян длинные молочные железы, чтобы, перебросив грудь через плечо, на ходу кормить уцепившегося на спине детеныша. Огромной подвижности отвечает отсутствие у этого вида всякого инкстинкта создания долговременных логовищ - есть лишь кратковременные лежки. Область распространения самцов много обширнее и сплошнее, чем самок. Самцы и самки образуют устойчивые пары в возрасте размножения. Районы, где наблюдаются детеныши, весьма локализованы и немногочисленны на земле.

В настоящее время это самый разреженный вид среди млекопитающих, хотя, может быть, некогда ему были свойственны сгущения и скопления. Чем древнее легенды, тем больше шанс наткнуться среди них и на рассказ о толпе или стаде таких существ. Там, где сходятся границы Советского Памира, Афганистана, Кашгарии, Индии и Пакистана, как сообщают, появляются они близ селений группами по шесть-восемь-двенадцать особей; из тех же мест начальник автономного уезда писал о "скоплении" обезьяноподобных диких людей, покрытых бурой шерстью. Учитель афганец рассказал: "Встречаются дикие люди в тех лесистых местах Афганистана, где я родился, и в

одиночку, и с детенышами, и целыми стадами. Живут в лесах. Питаются дикими животными... Говорить гульбияван не умеет, а мычит что-то непонятное". Но вообще типична разбросанность, расселенность особей на огромных пространствах. Однако природа вооружила их и средствами находить друг друга, в том числе могучим и волнующим призывным кличем, который далеко разносит горное эхо после захода солнца или перед восходом. Эти громадные переходы и эти редкие контакты, может быть и эти нестойкие сгущения, делают данный вид единой сетью, незримой вязью на всем пространстве его обитания. Конечно, есть все же и относительная местная изолированность. Вид един, но необычно большой диапазон телесных вариаций вмещается в этом единстве - вариаций роста, окраски, шерсти, сложения.

И уж вовсе многообразен пищевой рацион встречаемых ныне там и тут экземпляров: глубокий фон - растительная пища, включая и выкапывание подземных частей многих растений,и обгрызание побегов, и сбор ягод и плодов, и набеги на человеческие посевы (особенно на коноплю и кукурузу), бахчи и сады, но более важно и специфично добывание пищух, сурков и других грызунов, птенцов и яиц, рыбы, черепах, крабов, лягушек, даже лягушачьей икры; редко достается, но очень привлекает мясо крупных животных.

Так, понемногу, в долгом анализе сотен листков прочерчивалось знание о биологическом чуде, теплящемся на нашей планете. Собственно, это и было главным доказательством его реальности, и этого-то никогда не дало бы науке изучение единичного экземпляра, пойманного или убитого. Секрет успеха был именно в коллекционировании этих листков, этих записей и писем, что казалось иным зоологам оступью в зыбкую словестность. Нам говорили: людские слова - не доказательство. Мы показали, что опираемся не на свидетельство того или иного человека. Любое может быть заблуждением или неправдой. Но мы подвергли изучению тот факт, что показаний много. Это не слова о факте, а факт. И при добросовестном рассмотрении этот факт ошеломляюще упрям, как всякий другой. Листки сцементировались в доказательство. Оно налицо.

Если перевести это на язык теории вероятностей, то достаточно большое число достаточно независимых друг от друга сведений, каждое из которых не может безоговорочно считаться достоверным, в сумме дает достоверность. То, что зоологи готовы были презреть по сравнению со скелетом и шкурой, закон больших чисел превратил в достоверность. Реликтовый палеоантроп, умеющий не попадать ни в одну западню, попался в эту. Оставалось проверить, действительно ли источники

информации достаточно независимы друг от друга и в самом ли деле гигантская масса показаний не противоречит друг другу, а совмещается в единую биологическую картину. Наконец, если это так, подкрепляется ли эта картина какой-либо теоретической концепцией и подтверждает ли она теорию в свою очередь. Раз все так - открытие состоялось. Необычный ход событий в биологической науке...

Иными словами, применен неклассический, неожиданный метод для установления биологической истины: нагромождено много неравноценных и по отдельности неполноценных сведений. Лишь их количество заставляет ставить вопрос о коэффициенте вероятности. Среди сведений есть некоторый процент ложных, фальшивых, но он оказался настолько ничтожным, что элиминируется: коэффициент вероятности практически оказался равным достоверности. О, всякому ясно, насколько этот путь к истине расточителен - это собирание случайных данных. Но результат его надежен и точен. Факт, который по ряду причин иными способами был неуловим, уловлен.

Чем вероятней становится факт с накоплением данных, тем однозначнее становится теория, объясняющая этот факт. Если факт существует, то объяснение может быть только таким-то, - оно необходимо для познания самого факта. Обратно: если данная теория антропогенеза верна, данный факт не является маловероятным, напротив, его появление на сцене можно и следует ожидать.

Чего я не могу дать читателю - это сделать его специалистом. Но он должен вообразить: мы, специалисты, теперь мыслим сериями, - в этом отличие даже от крупных и благожелательных биологов, которые, листая наши данные, видят рассказы и взвешивают их вероятность. Для нас каждый рассказ - совокупность множества деталей, а всякая из них, как бусы на нитку, нанизана вместе с подобными деталями из других рассказов. Далеко не каждый наблюдатель заметит особенности шеи, или манеру отходить от человека при встрече, или ногти, или особенность поведения лошадей при неожиданной встрече... Сотня таких встречающихся там и тут признаков нами засечена. Вот мы вынесли на карточку, озаглавленную "шея", шифры всех эпизодов, где упомянута шея, или, напротив, перфорировали карточки многих эпизодов отверстием, означающим "шея". Мы получаем серии. И когда кто-либо сообщает нам о новом наблюдении, мы первым делом и уже невольно примеряем детали к сериям. Но этого не продемонстрируешь здесь, в коротком очерке.

Одна моя помощница разнесла всю имевшуюся информацию

на карточки, и вместе с мужем они разложили их на полу своей комнаты по заданой схеме. Пересмотрев их все, муж, далекий от наших страстей, капитулировал: "Я вижу его, как живого!" Нам, посвященным, достаточно услышать какую-нибудь деталь, чтобы, переглянувшись, понять, плоть это или вне серий. А извне нам говорят: пусть и правдоподобно все это, но ведь бесплотно, слова. Чтобы почувствовать плоть, надо прочесть очень много. Плоть выступит сквозь слова.

Я принял крест привести всю эту груду в порядок. Плод нескольких лет невероятного напряжения, толстенная рукопись продиктована, завершена: "Современное состояние вопроса о реликтовых гоминоидах". В ней тридцать четыре авторских листа - тесный свод всего узнанного и понятого на 1960 год, а вторым приступом - к исходу 1962 года. Это - черта под целым этапом работы.

Теперь надо было напечатать эту книгу. Ведь без этого почти никто не слышал толком, на чем мы стоим.

Нет, мы встречали не только насмешки да кукиши: снова и снова протягивались в помощь человеческие руки.

Нужны отзывы посторонних зоологов на рукопись. И вот - вдумчивый положительный разбор С.К.Клумова. Другой рецензент - Н.Н.Ладыгина-Котс. Наконец - заведующий кафедрой зоологии позвоночных Ленинградского университета профессор П.Б.Терентьев. Разумеется, рекомендация рукописи к печати (кроме главы о восточной медицине) не обязала его стать моим сторонником ни в коем случае. Но он взыскательно проверил научную фактуру. Не скрою, это была истинная радость сдать ему письменный экзамен на аттестат зрелости зоологическоо мышления. Впрочем, на одной ошибке мэтр меня поймал, и это оказалось именинами "нашего подопечного". П.В.Терентьев сверил мой текст с каноническим двенадцатым изданием "Системы природы" Иарла Линнея и наставил меня, что данный вид был окрещен Линнеем не "человек ночной", ибо это относится к описательной части, а "человек троглодитовый". Спасибо за науку. Отныне: Homo troglodytes Linnaeus. Троглодит!

Еще одна протянутая навстречу теплая человеческая рука. Заместитель заведующего Отделом науки ЦК КПСС А.С.Монин не сделал чего-нибудь особенного - он просто с внимательным товариществом отнесся к научному поиску. Правда, книгу удалось напечатать таким тиражом, каким выходили средневековые первопечатные книги, - сто восемьдесят экземпляров. Но она вошла в мир человеческих книг. Пусть в последнюю минуту видный профессор антропологии метался по учреждениям, требуя прервать печатанье ниспровергающей

дарвинизм книги. Книга вышла. Пусть директор Института антропологии МГУ распорядился не приобрести в библиотеку ни одного экземпляра. Она существовала отныне.

Так ли? В сущности, эти четыреста с лишним страниц мелкого шрифта - не более чем научное "предварительное сообщение", хоть более пространное и продвинутое, чем мемуар В.А.Хахлова, поданный в Академию наук в 1914 году. Сообщение кому? Ни одного отклика в научной печати, ни рецензии - вот уже пять лет.

Неужто опять "записка, не имеющая научного значения"?

Утешение разве что в том, что соответствующий раздел "Системы природы" Карла Линнея тоже оказался в числе эдаких записок. На раскопки Линнеевой трагедии по моему следу двинулся дальше еще один наш прозелит - Дмитрий Юрьевич Баянов.

Попал он в наши щи совсем случайно. По долгу службы оказался переводчиком моей беседы с двумя корреспондентами английских газет и, заинтересовавшись ее невероятным содержанием, отправился в Ленинскую библиотеку и выписал мою книгу "Современное состояние вопроса о реликтовых гоминоидах". Как всякий, кто прочел ее от начала до конца, он убедился. А как молодой и честный, он уже не мог остаться в стороне и отдал этой теме весь запас времени, всю неистраченность ума и сердца. Много, очень много труда. Сегодня о Д.Ю.Баянове - хоть в кредит - уже можно сказать высокое слово: возникающий специалист.

В призрачном окружении муляжей мегатерия, эласмотерия, саблезубого тигра, чучел огромных слонов, образов вымерших и живущих диковин животного царства, в одном из залов московского Дарвиновского музея Д.Ю.Баянов прочел нам на семинаре, руководимом П.П.Смолиным, пятичасовой доклад - волнующее разыскание о великом открытии Линнея, запечатленном, но вскоре и затоптанном его учениками, об открытии, забытом и осмеянном на двести лет и вот теперь заново повторенном.

Антропологической заслугой Линнея ныне признается только то, что в своей классификации видов животных он включил человека вместе с обезьянами в один отряд приматов. Но никто не хочет серьезно вспомнить о том, что великий шведский натуралист XVIII века натворил при этом с понятием "человек". В оправдвние его говорят, что ведь человекообразные обезьяны были в то время совершенно недостаточно изучены и поэтому путаница легко могла возникнуть, да и в других частях "Системы природы" Линней многократно ошибался, а последующее

естествознание его поправляло... Все это так. И однако же как странно, что к роду "Человек" Линней отнес не только "человека разумного", но и еще две рубрики: "человек дикий" и "человек троглодитовый". Очистим их от примеров, касающихся на деле человекообразных обезьян и детей, выкормленных животными, и все-таки останется и там и тут изрядный слой фактов иного рода. Линней словно колебался, относить ли их к той части обезьян, которая наиболее близка к человеку, к особому ли виду людей, но не говорящих, т. е. по сути зверей, или к разновидности "человека разумного", резко отклоняющейся в сторону животных. Вот основные признаки, отличающие по Линнею эти существа от людей: 1) отсутствие речи, 2) обволошенность тела, 3) способность передвигаться не только на двух ногах, но и на четвереньках. Все же данные признаки не кажутся Линнею достаточными, чтобы вынести эти существа по их морфологии за пределы рода "Человек".

Д.Ю.Баянов разыскал забытое сочинение "О человекоподобных", продиктованное Линнеем одному из учеников. Это - своего рода автокомментарий Линнея к соответствующему разделу его "Системы природы". Д.Ю.Баянов нашел русский перевод этого текста, сделанный И.Тредияковским и опубликованный в Петербурге в 1777 году. Напротив, соответствующий отдел "Системы природы" другой ученик Линнея, после его смерти, в 13-м издании 1789 г. переделал, давая понять, что мэтр напутал, не сумев противопоставить богоподобного человека обезьянам и всем другим живым существам. Над линнеевским троглодитом и диким человеком, чем дальше, тем больше полагалось подсмеиваться.

Д.Ю.Баянов привел и те античные и средневековые сведения, на которые ссылался Линней, и немалое число аналогичных, пусть Линнеем и не упомянутых. Ряды их неумолимо надвигаются на слушателей. Нет. Линней не напутал. Конечно, многие его данные нуждаются в уточнении, но в целом он ясно знал, о чем говорит. И - как мы сегодня - был потрясен безразличием человечества к этим человекоподобным троглодитам, водящимся кое-где на Земле. Ведь вот же голландский врач и путешественник Бонтий видел и описал нескольких, обоего пола, на о. Ява. Они имееют почти все, свойсвенное человеку, кроме речи. Впрочем, есть и кое-что особое в глазах: якобы из-за нависающих бровей "зрение у них боковое и косое", а под верхним веком имеется подвижная перепонка. Также и другой путешественник лично видел троглодитов на Яве, добавивши некоторые детали об их анатомических особенностях. Еще один путешественник сообщил, что у троглодитов руки

длиннее, чем у людей, так что пальцы рук достигают до колен. Троглодиты, по его словам, днем скрываются в пещерах, ночью ясно видят; в темноте крадут что попадается у людей, а люди их безжалост- но истребляют. Речи не имеют, а издают свист, смысл которо- го понять нельзя, да и человеческих языков усваивать не мо- гут. Пойманных троглодитов там иногда приручают для испол- нения простых домашних работ, например, для ношения воды. Путешественник видел такого прирученного троглодита на о. Амбоине - ему сообщили, что троглодит после своей поимки долго не мог ни употреблять вареной пищи, ни смотреть на свет.

Линней продиктовал красноречивое обращение к современникам и потомкам о необходимости изучения троглодитов. Если же вызывает столько удивления и любопытства жизнь обезьян, писал он, то тем более "о сих упомяных нами (троглодитах), сходствующих весьма с родом человеческим, без изумления ни один испытатель естества рассуждать не может. (Так звучит русский перевод 1777 года!). Посему удивляться должно, откуда то произошло, что человек, имея свойственное ему любопытство, оставил сих доселе во тьме и не хотел нимало вникнуть в троглодитов, столь великое сходство с ним имеющих. Многие из смертных препровождают свои дни в пирах и банкетах, единственно о том с заботливостью помышляя, каким бы образом имущество и богатство, правдою и обманом собранное, домашним своим доставить. Не иначе поступает большая часть мореходцев, плавающих на кораблях в Индии (Индонезии), которым одним только случается видеть род троглодитов: они, устремившись к корысти, за ничтожнейшее дело перед своим почитают испытывать естество природы и исследовать условия жизни троглодитов. А ведь какой был бы предмет приличный для забавы хотя бы и какого-нибудь монарха: во дворце своем взирать на этих животных, которым никогда не возможно довольно надивиться. Или трудно тому статься, чтобы государю, к исполнению повелений которого все наперебой стремяться, таких животных получить? Не меньшую пользу приобрел бы себе и философ, ежели бы провел несколько дней с одним из сих животных, дабы изведать, насколько сила человеческого разума оных превосходит, откуда бы открылось различие между бессловесными и словесными. Я уж и не говорю, какой свет мог бы произойти из совершенного оных животных описания для искусных в естественной науке".

Как не задуматься. Мне дано было через двести лет вернуться к той же задаче. Что же пролегло между нами? Азбука естествознания говорит: Линнею недоставало идеи эволюции одних видов в другие. Да, но когда она пришла, она в проблеме

происхождения человека как бы открыла ученым один глаз и закрыла другой. Изувеченный эволюционизм оторвал науку от открытия Линнея. Но неизбежно снова пришел час учения о троглодитах - науки о действительных, но причудливо затуманенных неандертальцах.

В заключение несколько слов о том, как повлияла эта новая научная концепция, родившаяся в нашей стране, на прогрессивных западных специалистов. В главе "Вне идей" я описал тупик, в каком они увязли. Поэтому еще до выхода моей книги их всколыхнуло дуновение моей мысли из Москвы, донесенное кое-какими моими статьями и первыми четырьмя выпусками "Мнформационных материалов".

В Германской Демократической Республике солидное биологическое издательство Цимзен отпечатало в одном томе перевод этих наших с А.А.Шмаковым сборников первоисточников, снабдив вдумчивым предисловием зоолога профессора Ганса Петцша. Позже вышел их итальянский перевод, занявший полностью 21-й том журнала "Генус". Упомянутые выше западные зоологи Бернар Хевельманс и Айвен Сэндерсон приложили большие усилия ума, чтобы согласовать предложенную мною неандертальскую расшифровку снежного человека с наследием связывавшего их по рукам и ногам безыдейного гималайского цикла. Они нашли выход в допущении, что в разных местах налицо несколько биологических форм, связывающих как многоарочный мост неведомого антропоида с реликтовым палеоантропом. На этой переходной идее Айвен Сэндерсон воздвиг свою большую глобальную книгу. Он открыто указал стимул: "Советская деятельность пролила совершенно новый свет на весь вопрос о снежном человеке и подняла его в целом на такой высокий уровень, что западные научные круги были принуждены почти кардинальным образом изменить позицию по отношению к нему".

Итальянский социолог профессор Коррадо Джини создал международный орган - "Интернациональный комитет по изучению проблемы волосатых гоминоидов", куда вошли ученые из тридцати шести стран. В программном документе первой задачей названо освоение советских результатов. Публикация в "Генусе" доказала серьезность намерения.

Но читатели еще мало знают суть этой необыкновенной истории. Пойдемте вглубь.

7. СКВОЗЬ НЕПРОЗРАЧНОСТЬ ПРОШЕДШИХ ВЕКОВ.

С археологами по древнему каменному веку я довольно много работал в "поле", но вот этнографию знал книжно. На Памире в 1958 г. я примкнул к опросно-этнографическому отряду Анны Зиновьевны Розенфельд.

Ученость способна затупить восприимчивость к непредвиденному. А.З.Розенфельд ехала на грузовике по дорогам и долинам Крыши мира, чтобы самозабвенно подтвердить новыми данными то, что всегда полагали ее учителя, ее супруг-этнограф, она сама. И сияние настолько делало ее слепой, что другие члены отряда, сохранившие непосредственность, диву давались преломляющей силе ее умственных окуляров.

Четверо записывали, каждый в своем блокноте, беседу с каким-либо киргизом или таджиком о гульбияване или адам-джапайсы - диком человеке: записи троих в общем совпадали, но это не были профессиональные этнографы, а у начальницы отряда оказывалось нечто иное. Она знала, непоколебимо знала, что именно должна услышать: есть устойчивые сюжеты, демонологические фольклорные образы, примерно так-то разбросанные по Памиру. Если что-то существенное не сходилось - добивалась от опрашиваемого изменения показаний, пока тот не сдавался, а, случалось, отказывалась даже задавать вопросы встречным, происходив- шим из долины, где этого термина для нечистой силы "не должно быть".

Молодые А.Л.Грюнберг и В.Л.Бианки, приехавшие на Памир разведывать народную молву о снежном человеке, соответственно и настораживали ухо, слышали другое, доходили по цепочке отсылок до очевидцев. В.Л.Бианки описала этот странный, еле зримый психологический поединок в своей повести-раздумье "Про снежного человека" (сборник "Приключения в горах", М., 1961); там только заменены наши имена.

Суть двух установок. Согласно А.З.Розенфельд (напечатавшей об этом чинную статью), у припамирских народов еще бытуют и доживают поверья о разных духах и демонах, каждый из которых имеет особое имя, особые свойства. Их названия: гульбияван, адам-джапайсы, алмасты, джез-тырмак, аджина, дэв, паре (пери), фаришта и др. Этнограф додумывает дифференциацию этого пантеона, если "путающие" туземцы переносят черты и свойства демона с одного термина на другой. Вторая позиция состоит в

том, что в большинстве этих представлений удержалась частица сведений об одном и том же прототипе - полеоантропе, но сдобренная в разной пропорции сказочной и суеверной фантазией. Гульбияван в иных рассказах вдруг заговорит таджикс- кой или киргизской речью, впрочем, как в байках и сказках может заговорить медведь или птица.

Простые люди сами обращались и на Памире и много где еще к ученым людям за разъяснением, что это - животное, дух или человек, а ученые пытаются выводить его сущность из пестрых наименований, какие ему дают жители.

Эта отрасль этнографии и фольклористики называется демонологией. Кстати, в Тибете слово "де-мон" (несомненно, общего корня с греческим "даймон") само является одним из наименований того же материального существа, которое там называют также "ми-ге". Но этнографами наименее сверхъестественные рассказы реже всего регистрируются. Один кавказский фольклорист признался, что реалистические рассказы о диких волосатых людях им вовсе не записывались, ибо в них мало фантастического и художественного. Сижу я на слете стариков-долгожителей в Сухуми, и профессор-этнограф Ш.Д.Инал-Ипа по моей просьбе задает вопрос об абанауаю - лесном человеке. Много интересного. Но один из тридцати заявляет, что у абанауаю один глаз. Все остальные тут же эту басню отвергают. В резюме беседы, написанном этим почтенным этнографом, читаю: "у абанауаю один глаз". Все не экзотичное просто отсеивается грохотом, через который этнограф протряхивает молву.

Такой прием полезен для изучения остатков интеллектуального детства человечества. Он же мешает подтянуть максимум информации об остатках неандертальцев. Для одной цели нужен один светофильтр, для другой - противоположный.

Тем фильтром, который в данном случае нам мешает, поколения этнографов сделали возможным прорыв в древние, глубокие, подпочвенные пласты человеческого мышления. Мы погружаемся тем самым и в тайны развития речи - абсурд нельзя склеить из вещей, а можно только из знаков. Это девственная природа фантазии. Потом фантазия пластичнее прижималась к окрестному материалу и прижимала его к себе.

Но взглянем, что выступит, если к тому же содержимому народных поверий подойти с другим светофильтром. Этот второй светофильтр станет пропускать только антропологические лучи. Вот теоретическая модель, по которой он настроен.

Человек произошел от обезьяны, однако в ходе эволюции

между обезьянами и людьми стояло то "недостающее звено", которое умозрительно предвосхитил еще молодой дарвинизм в лице Геккеля и Фогта. Геккель определил его словами "обезьяночеловек неговорящий" (Pithecanthropus alalus), а Фогт - словами "телом - человек, разумом - обезьяна". Когда же недра земли стали выдавать навязчивым рукам исследователей костные останки этих существ, идеи посторонние науке, идеи метафизики и теологии стеснили дарвинизм. Мысль об эволюционном звене между людьми и обезьянами растаяла, растворилась. Об ископаемых двуногих предках современного человека спор уже шел только: обезьяны или люди. Но они все глубоко отличны и от обезьян и от людей. Наука не узнала того, что она сама предсказала! Дарвинизм этим был обеднен вдвое. Между семейством обезьян и семейством людей (представленным единственным видом Homo sapiens) надо восстановить семейство неговорящих троглодитид, или питекантропид. От "четвероруких", от обезьян, они отличаются прежде всего двуногим прямохождением, их можно описать словами "прямоходящие высшие приматы". Семейство это подлежит ведению зоологии. У одних охваченных им видов мозг еще почти как у шимпанзе, у других - уже почти как у человека, но это недостающее "почти" - условие речи. У одних пальцы ловко оперируют в камнями, у некоторых - ничуть, а зато у них развились чудовищные челюсти для разгрызания мяса, шкур и суставов. Но все они - вне социологических закономерностей, вне истории общественного человека. Ближайший среди них родственник и предок человека - вид "неандертальцы", палеоантропы.

От этих животных наш вид людей отшнуровался, ответвился, но вид, давший нам жизнь, не исчез. Произошла не замена, а развилка: оба вида биологически расходились. Пока длилась наша человеческая история, сторонкой тянулась и нить животного бытия палеоантропов. Им было плохо, все хуже и хуже. Это была деградация - агония вида. Но для темпов животного царства - какая малость эти 35 тысяч лет!

С людьми у них была не только вражда или отчужденность. В истории человека бывали этапы и полосы, когда происходило какое-то странное сближение, прослеживаемое, например, в культурах нового каменного века (неолита) и бронзы. Так, к утвари раннего неолита примешаны примитивнейшие оббитые камни (макролиты), до очевидности принадлежащие лапам и мозгам низших существ. Некоторые ветви, популяции, особи палеоантропов приживались нахлебниками близ человеческого хозяйства и жилья, а то и втирались глубоко в поры быта. Люди в

свою очередь приручали их: чтобы отгонять от дома других подобных (как собаки отгоняют собак и волков); на роль примитивной силы в хозяйстве; а то и на роль боевых животных в войсках. Чем далее они вымирали, тем редкостнее становились как прирученные особи, так и встречаемые в непригодной для человека природе (в непроходимых чащобах, скалах, болотах, пустынях), тем больше люди окутывали толкованиями долетавшие рассказы о них. Что такое люди, которые не люди, нелюди, полулюди-полузвери: половиной, что ли, тела люди? Половину, что ли, времени люди - "оборотни"? Палеоантроп уходил в туман легенд и мифов.

Примем такой светофильтр как рабочий инструмент и вынесем ему приговор только после того, как сквозь него погля- дим.

Но должны же под землей найтись кости этих палеонтропов в слоях, датируемых послеледниковым, историческим временем? Нечего, конечно, ожидать целых кладбищ, искать останки популяций, но хоть редкие, единичные скелеты должны же найтись там, где сохранились костяки людей и положенного с ними скота. Да, эти кости неандертальского типа современного геологического возраста не раз были найдены на пространствах от Тибета до Западной Европы, в Америке, особенно в Африке. На территории нашей страны такого рода неандерталоидные "аномалии" были встречены в Иркутской области и далеко от нее - в Карелии (Олений остров), и в Московской области (Северка), и в других районах. Наиболее щедры эти находки на Северном Кавказе (Подкумская черепная крышка из эпохи бронзы, Моздокские черепа) и в Приднепровье, где, например, польский антрополог К.Столыгво в 1902 г. обнаружил в кургане скифского времени скелет неандерталоидного типа. Он же был, пожалуй, единственным антропологом, дерзнувшим обобщить эти факты, противоречившие школьной антропологии: всю свою долгую научную жизнь он одиноко трубит, что нисходящая ветвь неандертальцев, постнеандерталоиды, кое-где теплятся на Земле на протяжении всего исторического времени до наших дней. Большинство же антропологов успокаивают свою научную совесть ссылкой на атаивзмы - на несущественные неандерталоидные признаки, которые встречаются на небольшом проценте черепов и скелетов обычных современных людей. Но это не так: упомянутые находки - слишком разительные крайние случаи. Пусть на них неандертальские признаки смягчены, сглажены - ведь нельзя исключить и скрещивание палеонтропов с людьми то там, то тут в глубине тысячелетий.

Есть кое-что более наглядное, чем ископаемые кости. Из древнего каменного века дошли до наших глаз извлеченные

археологами из земли странные изображения женщин, вырезанные из кости или камня. Некоторые "палеолитические венеры" поражают неандертальским строением тела: к примеру, та, что из села Костенки, или недавно найденная из села Гагарино. Сутулая фигура, короткая шея, сдвинутая вперед опущенная голова,, укороченные и слегка согнутые и повернутые внутрь ноги. На множестве других находок выступают то те, то иные физические черты, сближающие их с неандертальским типом человека. Не должно ли заключить, что наши далекие предки делали с какой-то целью портреты диковинных полулюдей? Потом наступили долгие тысячи лет, когда изобразительная способность вообще молчала. Но вот на финикийском или карфагенском блюде VII века до н.э. видим среди разных фигур изображение волосатого, но двуногого существа с камнем в поднятой руке. Еще две тысячи лет - волосатый дикий человек, прирученный, прижавшийся к реалистической фигуре крестьянина, высечен среди горельефов на готическом соборе в Провансе. И он же - в тибетском медицинском атласе среди изображений разных подлинных животных, используемых для приготовления лекарств. И он же - стоящий на спине слона в традиционном символе дружбы в Монголии. Никто еще не собирал как следует коллекцию этих древних образов.

Другая нить, прошившая историю культуры, - эпические описания диких волосатых нелюдей, находимые в памятниках письменности из тысячелетия в тысячелетие. В вавилонском "Эпосе о Гильгамеше" III тысячелетия до н.э. (истоки которого восходят к VI тысячелетию до н.э.) действует уже упомянутое мною человекоподобное животное эа-бани: его местожительство - степи и горы, тело его покрыто волосами, а на голове они подобны женским, он быстр и силен, не имеет ни человеческой речи, ни разума. Но люди его поймали и приручили, использовали сначала в качестве сторожевого животного для охраны стад, а затем в качестве проводника и охотничьего животного при походе Гильгамеша в кедровые леса Ливанских гор для истребления подобных же человеко-животных. На эту натуральную основу придание наложило сказочную эмаль.

Вот другая из числа древнейших книг человечества, восходящая тоже к вавилонской культуре, - библия. Если протереть страницы некоторых ее преданий, проступает рассказ о диких волосатых существах. Согласно антропологической выжимке специалиста по древнееврейскому языку Йонах ибн Аарона, их особенности: тело покрыто рыжими волосами, ноги коротковатые, а руки длинные; шея, ступни необычайной для

человека ширины. Не имея слов, они лишь криками перекликались между собой. Область их обитания сначала была ограничена Синайским полуостровом и югом Египта, где древние евреи испытывали от них неудобства. В легендарные времена Моисея евреи стали круто обходиться с этими приживальщиками. Выясняется, что пара библейских козлов, из которых один подлежит закланию, другой же отпущению в пустыню, вовсе не "волосатые козлы" (сэирей изим), а волосатые дикие люди (сэирим). Да и зачем бы домашнему козлу норовить в пустыню? При Моисее же жрецы настрого и навеки запретили евреям "приносить жертвы сэириам, с которыми они блуждали", заменив умерщвление для них скота в поле символическим окроплением жертвенников кровью или сжиганием жертвы в честь единого бога.

И древний и средневековый художественный эпос и Запада и Востока нет-нет выносит на поверхность упоминание или преображенный облик дикого человека. Древнекитайские предания и мифы многократно говорят о нем. Древнеиндийская "Рамаяна" - отголоски о нем. Вот что произносит герой киргизского народного эпоса "Манас", сложенного в середине IX в.:

А известно ли вам, что есть чудеса,
которых не счесть,
На том великом пути, что нам еще предстоит?..
Кто о диком верблюде слыхал? Кто о том,
что есть дикие люди слыхал?

Однако пора вернуться и к этнографии.

Чем дальше продвигается наука о живых реликтовых гоминоидах, тем чаще ошеломляет сходство их облика и повадок с тем, что с детства слышано и читано или что в этнографических книгах находишь о нечитой силе. Конечно, в "нежити" образ палеоантропа раздробился и затемнился. Рассказы народа уже нередко представляют собою попытку дополнить воображением дошедшие от дедов опустевшие слова - разные названия этих существ. Огромное искажение внесено также писателями, художниками, видевшими в народных поверьях лишь толчок для своих грез. Например, образ русалки, как он известен ныне, возник лишь в XIX в. при посредстве поэзии и искусства. Однако три науки - мифоло- гия, история религии и этнография - накопили несчетное богатство. Оно ждет перебора и пересмотра -

ведь многого уже не запишешь заново.

Такая книга еще будет написана: "отражение образа палеоантропа в древних верованиях, мифах, легендах, фольклоре". Здесь не набросать даже ее контура. Вот только перечень ее глав.

ДРЕВНИЙ ВОСТОК. Кроме древневавилонских и древнееврейских преданий, здесь сердцевина - индоиранский цикл верований в дэвов, их почитание и борьба с ними. Веда и Зенд-Авеста повествуют о событиях глубочайшей древности: в глубине времен жители Индии вели ожесточенную борьбу с дэвами. Когда царь Йама (Йима, Джима, Джемшид) привел свой народ из прародины в Туркмению и Северный Иран, им и здесь пришлось выдержать борьбу с дэвами - существами рослыми и мощными, косматыми, с лохматой головой, не имевшими ни одежды, ни оружия, а сражавшимися руками, камнями и вырванными деревьями. Их загнали в Мазендеран, в Эльбурские горы, где громада Демавенд стала их главным прибежищем. Позднейшая (пехлевийская) Авеста рассказывает о долгих походах правителей и героев против дэвов. Эта эпопея пересказана в "Шах-Наме" Фирдоуси. В древней Авесте у дэвов - ничего сверхъестественного, они просто звероподобны. В пехлевийском варианте Авесты они уже фантастичнее, чем в индийском, а в мусульманском фольклоре окончательно превращены в злых духов, хотя и смертных.

Но во всем авестийском эпосе, как и в его поздних иранских, кавказских и среднеазиатских ответвлениях, снова и снова узнаем: дэвов и пери (парэ) полководцы разных народов использовали в войске наряду с другими боевыми зверями; дрессировкой их готовили к бешенной сокрушительной ярости на поле боя. Ремарка: в древних текстах термин "пе- ри" подчас означает и существа мужского пола, являясь пар- ным термину "дэв" (примечательны производные от этого в индоевропейских языках парные термины "два" и "пара").

Дэвам приносили щедрую пищу - жертвы - в посвященных им капищах или рощах. Но религиозно-государственные реформы древнеперсидских царей Дария и Ксеркса в 5 в. до н.э. ввели зороастрийский культ у всех покоренных народов и запретили массовые кровавые жертвоприношения, зато предписав не хоронить людей, а оставлять их трупы дэвам. Из текстов видно, что до законов Ксеркса дэвам поклонялись в Кахистане (в горных провинциях Ирана, Афганистане и северной Индии) и в Скифии, то есть в Средней Азии и на Северном Кавказе. В капищах дэвов после реформы стали возносить молитвы богу Ахура-Мазде, дэвы

же были сведены до положения бесов, злых демонов, которых запрещено подкармливать. Только ислам негласно восстановил это разрешение. Но в мусульманской книжной культуре дэв, как и джин, как и шикк, а также гуль изукрашены замысловатейшей фантазией.

Глубоко в кладовых народа слово дэв продолжает жить в своем древнем смысле: им обозначают волосатого бессловестного дикого человека сваны на Кавказе, таджики в Дарвазе.

АНТИЧНЫЙ МИР. Пантеон античных богов сформировался как персонификация названий разных видов духов. Некогда были множественны и марсы, и гермесы, и апполоны, и юноны, и гераклы и другие персонажи пантеона. Но были ли эти пробожества в самом деле духами? Изучение этрусских пробожеств, как и архаичного слоя греческих и римских верований, показывает великое изобилие наименований, за которыми, однако, вырисовывается однородный в существенных чертах образ. Всякие сирены, сатиры, паны, сильваны, фавны, нимфы, если называть только самые общеизвестные имена, первоначально рисовались совсем не сверхъестественно, напротив, натуралистично. Их считали видимыми, хоть почти неуловимыми, смертными, хоть и очень долговечными. Людей эти существа избегают, но все-таки притягиваются к ним нахлебничеством и похотью. Их приурочение к местностям и ландшафтам - не олицетворение природы, оно просто говорит о местопребывании. Живут предбожества в лесах, рощах, среди деревьев, на лугах, в прогалинах; у источников, у ручьев, у рек, на горах, возвышенностях, скалах, среди камней (они приурочиваются к высоким горам много раньше, чем религиозная мысль отождествит эту горную заоблачность с "небесами"); в гротах, пещерах и подземных обиталищах (откуда позже развивается представление о подземном мире, хтонические божества). Другая группа или более поздняя ступень - тоже не люди, но полуодомашненные, вернее, полуприрученные человеком. На возделанной усадьбе, в доме крестьянина приживается отдельная особь, отныне отгоняющая от поселения или дома других себе подобных, как, впрочем, и злоумышленных людей. Чуть ли не каждая община и деревня или личное владение имели своего стража, а иногда предание локализуют их на нивах, выгонах, в фруктовых садах и виноградниках, на скотном дворе, в хозяйственных и жилых строениях. Они слышимы, видимы, осязаемы, но как и те, что таятся в природе, они не имеют речи - голоса их невразумительны и годны разве что для гадания.

Только на следующей ступени, вероятно, когда эти существа,

исчезая, становятся лишь воспоминаниями, они обрастают магической силой покровительства или возмездия, делаются гениями-покровителями лиц и фамилий, профессий и добродетелей. Их толкуют то как сверхлюдей, то как пребывающих попеременно в облике человека и какого-нибудь зверя, то как составленную наполовину из человеческого тела, наполовину - из нечеловеческого (коня, козла, быка, льва, змеи, рыбы, птицы). Наконец, античные боги приобретают индивидуальный, единичный характер и начинают олицетворять великие силы природы, великие человеческие страсти и способности.

ЕВРОПЕЙСКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ. Раз речь шла выше о Греции и Риме, уже ясно, что поздний реликтовый неандерталец исторического времени - достояние не только Азии, но и Европы. Да, средневековье знало его и сохранило нам немало памятных заметок. Один из очагов - земли по Дунаю, издревле получившие имя Паннония, как страна обильная панами. Долго сохранялись реликты в Альпах и в прилегающих массивах лесов. А изучение фольклора и преданий Северной Европы - от Прибалтики и Скандинавии до Ирландии и Исландии - говорит за то, что и здесь люди долго знали их в натуре, а потом в течение многих поколений перемалывали дошедшие сведения на жерновах сказок.

Европейский средневековый фольклор предоставляет образцы всех ступеней переработки сырья. В Ирландии, например, где последние живые неандертальцы, похоже были выловлены и перебиты в XVII или XVIII веках, они, явно со слов очевидцев, с продирающим по коже натурализмом введены Свифтом в ткань вымыслов ("йэху"). Но более призрачно отражены они в Ирландских народных легендах о лей риконах и великанах. Какие же кладези сырья для новых исследований в этом антропологическом направлении открывает скандинавский, немецкий, французский фольклор! Предстоит перечитать несчетные источники и книги. Здесь назову только двух ученых, стоявших у самого порога вторжения в антропологический субстрат поверий.

Один из них - Вильгельм Маннгардт, могучий фольклорист и этнограф, нагромоздивший гималаи знаний о повериях, преданиях и обычаях, о духах, полубожествах и демонах в традициях германских и прибалтийских народов.

Другой - мало известный американский исследователь средневековой культуры Ричард Бернхаймер. Заманчиво само название выпущенной им в 1952 г. в Кембридже книги: "Дикие люди в средние века". Бернхаймер еще пытается уверить себя и

читателя, что в щедро собранных им письменных и изобразительных свидетельствах отразилась лишь странная потребность средневекового ума создать антитезу человека - образ дикого волосатого античеловека. Но факты вопиют о том, о чем он не смеет догадаться. Если схоластов смущала природа этого подобия человека, то светские описания ближе к сути: звериная шерсть, звериное поведение, отсутствие речи, словом, он - принадлежность царства животных и растений. Генрих фон Геслер в XIV в. написал трактат о диких людях. И он, и другие авторы в средние века сообщили много сведений о питании дикого человека (ягоды, желуди, сырое мясо животных), о местах его обитания (леса, горы, вода, заросли кустов, ямы, заброшенные каменоломни). И снова знакомая анатомическая особенность: у дикой женщины в Альпах - "груди настолько длинны, что она забрасывает их за плечи".

Примерно с эпохи Возрождения, пишет Бернхаймер, о диком человеке в Западной Европе стали говорить в прошедшем времени, как о существе вымершем. Однако это наступало постепенно, а в горных областях особенно долго продолжали говорить в настоящем.

ПОВЕРЬЯ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН. Князь Владимир, как царь Ксеркс в Персии, расправился было с древним культом, примыкавшим к огромному восточному кругу. Но в те времена, согласно летописи, славяне приносили пищу не идолам, а обитавшим у берегов Днепра "берегиням", или, по-тюркски, "упырям". В "Слове о полку Игоревом" и былинах они - на ветвях больших деревьев: "див", "соловый" (а не соловей); они ужасно свистят вместо человеческой речи.

Нам, русским, слишком уж примелькались лешие и русалки, чтобы одолеть лень мысли. Но тот, кто заново перепашет уже мохом поросшие книги и статьи этнографов, распознает и здесь скрытое под поверхностью золото. Сколько скажут антропологу такие детали, что лешему приписывают выступающие мохнатые брови, что подчас его описывают как голого старика, тело которого покрыто волосами. Оказывается, у него бывает жена (лешачиха, лесовиха, лешиха), есть молодняк. Лешачих, по словам собирателя фольклора Афанасьева, "народное воображение наделяет такими огромными и длинными грудями, что они вынуждены закидывать их за плечи и только тогда могут свободно ходить и бегать". Лешего редко видят, чаще слышат: звуки напоминают свист, хохот, ауканье, пение без слов, хлопанье в ладоши. "Нем, но голосист" (Даль). Отчетливая аналогия с античным паном: леший держитя возле стад, сосет скмт, но и

облегчает труд пастуха. Он умеет обходиться с волками и приманивать диких зверей.

В разных местах лешего именуют по-разному, например, просто "диконький мужичок", и он вовсе не накрепко увязан с лесом, он же - "полевик", голый, черный, уродливый. И полевик, и полудница замечены преимущественно в полдень, не потому, что жарко, а потому, что время биологической активности этих потаенных соседей людей соразмерно с временем сна людей - ночного и полуденного. Размежевана и среда - палеоантропы в Восточной Европе избирают не только глухие леса, но и топкие болота или зыбкие берега (где находят специфическую кормовую базу). И вот у белорусов, украинцев, великорусов тот же леший, полевик, полудница обретают имя водяного и русалки. Водяной - голый старик, с косматыми волосами, черный или красно-рыжий. И голос у него тот же: хохот, свист, "щекотанье". Женская пара водяному - водяниха, русалка. По словам пинежан, "водяниха имеет большие, отвислые груди и длинные волосы"; да и по всему великорусскому Северу распространено было суждение, что водянихи имеют вид косматых безобразных женщин, с большими отвислыми грудями. Однако в очень многих рассказах русалки обитают вовсе не в воде; у южных великорусов, как и в Белоруссии - это существа лесные и полевые. Они взбираются на ветви деревьев. А у западных славян русалки и подавно не имеют никакого отношения к воде: они обитают в хлебном поле; по тульским и орловским поверьям тоже русалки сидят и бегают во ржи, в конопле. И даже само слово русалка в древности прилагалось и к существам мужского пола, - видимо, оно связано с цветом шерсти: слово "русый" и "рыжий" разошлись поздно, у них в индоевропейских языках общий корень "рос", "роз", "руж". В Восточной Европе многие древние географические названия восходят к этому корню, означавшему тут, вероятно, очаги этих существ. Восточная Европа не богата горами, но в Карпатах тот же самый реальный субстрат преобразован в горных духов, в том числе в предания о "дикой бабе".

И другая группа: домашние духи, и добрые, и злые, но преимущественно охранители дома от других, им подобных. Симбиоз с человеком тесен до предела. Постоялец, гнездящийся в подвале, на чердаке или же в надворных постройках, бесшумен как лунатик, чутко избегает встреч, хотя зимой не может скрыть своих босых мохнатых следов на снегу, изредка его и самого можно подсмотреть. Это все такой же, как и леший, старик, с лохматыми волосами, с телом, покрытым шерстью. У домового (имеющего сотню местных названий) есть и домовиха, она же волосатка, маруха. По ночам домовой навещает гумны, овины и

риги с хлебом, конюшни и хлевы, где сосет молоко. Если случится в одном доме или дворе поселиться двум, они ссорятся, враждуют, гонят друг друга. Но уж раз вселившись, этот изощренно приспособившийся паразит за пределы дома или усадьбы не выходит. Его и почитают, как покровителя семьи и хозяйства. Как-то тянет все это не в сказку, а в непроглядное прошлое наше, к давним темным скифам, сосуществовавшим с дэвами.

Всей этой "нежити" не приписывают обычно ни рогов, ни хвоста. "Всякая нежить бессловестна" (Даль). Из всей нашей нечистой силы самым книжным, самым перекроенным и удаленнейшим от прототипа оказался черт.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ВОСТОК. Как и под сенью христианства на Западе, так и под сенью других мировых религий - индуизма, буддизма, мусульманства и религиозно-философских систем средневекового Китая - живет своей особой жизнью кишащая бездна нечистых духов. Синология (китаевеление), индология, арабистика могли бы принести - и принесут - неоценимые дары, отобрав нужное в наш архив палеоантропологии. Увы, пока что статьи А.З.Розенфельд, С.Пранаванады, Пей Вэнь-чжуна посвящались обратной цели: путем некоторых параллелей доказать, что снежный человек - это давным-давно возникший миф. Пора придет - от этих первых аналогий оттолкнутся, как от пристани, востоковеды новой школы.

ВЕРОВАНИЯ ОТСТАЛЫХ НАРОДОВ МИРА. Эта глава тоже едва намечается пунктиром. Этнографическая литература об американских индейцах и народах Черной Африки, о некоторых народностях Сибири, Индонезии, Океании содержит без краю сведений о верованиях в человекообразных духов, живущих в природе и оказывающихся подчас в тех или иных отношениях с человеком. Например, "духи-хозяева", "хозяева зверей" составляют главное содержание верований чуть ли не всех охотничьих народов: народов Северной Азии, эскимосов, индейцев северо-западного побережья Америки и Североканадских лесов, народов Гималаев и народов Кавказа. Этот "хозяин" всегда подобен человеку, он античеловечен, он в некоем обмене с человеком: человек подкармливает его охотничьей добычей, он же нагоняет на охотника зверей, которых сам не бьет. Но и у скотоводческих и земледельческих народов есть образы духов-хозяев, иногда неразличимые с охотничье-промысловыми. Каждый охотник стремиться найти контакт с каким-нибудь из этих "хозяев". Их множество. Но в других случаях связь с "хозяином"

представляется не частным делом отдельного человека, а делом всей семейной, родовой, племенной или иной группы, осуществляемым через посредство колдунов, шаманов или вождей. Первобытные верования и шаманизм дают огромнейший материал, чтобы представить, как фантазия переиначивала, перекувыркивала, преобразовывала, но всюду по-разному, повсюду одинаковый исходный факт: наличие зверей-неандертальцев то далеко, то под боком, то в жизненных контактах, то в описаниях и воспоминаниях других.

Вот столбы на шесть глав. Может быть, на шесть книг. Может быть, на шестьдесят диссертаций. Ведь это может дать новую отливку многого в истории культуры, в истории религий мира.

Много ли это даст антропологии? Да, когда мы научимся биологически расшифровывать эти иероглифы народной молвы. Под прессом биологии, когда стечет все принадлежащее человеческому недоумению и воображению, предрассудку и заблуждению, останутся некоторые важные и сухие знания о бытие и сложных естественных свойствах вымиравшего вида, от которого 35 тысяч лет назад мы, люди, родились.

И среди этих отжатых, пропущенных избранным нами светофильтром остатков самым универсальным будет вывод: человекоподобные существа, находимые у истоков стольких верований, отличались от человека отсутствием речи. Этот признак налицо сквозь все шесть глав.

Это и есть тот признак, которым в 1886 г., сто лет на- зад, Геккель постарался определить изобретенный им вид предшественников человека: питекантроп "неговорящий", "бессловесный", буквально даже "нелепечущий". Дюбуа добавил: прямостоящий. Только теперь мы узнали: обволошенный. Итак - Pithecanthropus alalus velus.

Для будущей науки главное - alalus.

На всей тропе нашего исследования нас пытались остановить объяснением или окриком: "ваш снежный человек - это же леший!" Как видим. Пожалуй. Да. Леший. Точнее, все-таки, наоборот.

Большинство верований в нечистую силу является чистейшей фантазией. Никаких палеоантропов не отражают ни леший, у которого "одна ноздря, а спины нет", ни домовой, который ростом с мизинец или похож на петуха. Фольклор это и есть фольклор - вымысел, создание воображения. Но исследователи поверий и суеверий давно открыли, что фантазия творит не из ничего, а переиначивает реалии. Солнечные мифы и сказки могут забраться так далек, что от солнца остается самый слабый след, к примеру, столь горячая лысина некоего старца, что на ней можно в

сковороде блины печь. И силы природы, и явления человеческого быта фольклор преображает, хоть и отражает.

Но вот почему в ходе исследований реликтовых палеоантропов оказалось так важным погрузиться в эти воды призрачных отражений: ведь в прошлом, скажем в XVIII веке, всякому человеку, кто говорил, что повстречал в лесу ли, в болоте ли, или в собственном сарае волосатого человека без слов, дикого, объясняли, что повстречал он лешего, или, скажем, домового. Да он и сам себе объяснял так. Но когда пришел образованный XIX век, уже стали появляться многочисленные собиратели и истолкователи темных народных суеверий, противоречивших и христианской вере и уровню науки. Поэтому, если человек приходил с такими же самыми наблюдениями из леса или с гор, с ручья или болота, с чердака или из овина, ему уже все чаще объясняли, что он пал жертвой иллюзии под влиянием дедовских сказок. Да он и сам все чаще соглашался, что, вероятно, ему почудилось. Когда же факты были слишком неоспоримы, позитивные умы предлагали какую-нибудь здравую версию: в лесу или в пустующих строениях скрывается одичавший преступник, в горах бродят забывшие речь и одежду, обросшие шерстью потомки беглецов или изгнанников, например, прокаженных. Конечно, многие, очень многие продолжали по-дедовски относить все к разновидностям нечистой силы. Но никак нельзя винить этнографов за то, что они упорным просветительским трудом изгоняли это из народного сознания. Ученые не знали и еще не могли знать, что среди реальных явлений природы, подстилающих народную фантазию, есть и реликтовые палеоантропы - такая же реальность, как солнце и ветер, как охотничья удача и человеческая болезнь, как стихийное бедствие и бездыханность трупа, как что угодно, попадавшее на мельницу фольклора. Научная ценность этнографических и филологических трудов никак не отменяется установлением во второй половине XX века факта, что реликтовые палеоантропы всегда гнездились где-то вдали или вблизи от человека, в том числе и на его подворье.

Но сейчас нам важно снять наивное объяснение, которым пользовались в старину. Вот, к примеру, отрывок из статьи в "Комсомольской правде". Приехал корреспондент на Памир, спрашивает: о снежном человеке нет ли чего нового. Ответ: "А снежного человека нет. Зато есть вайд и вуйд - домовые, герои старинной легенды. Вайд - самка, вуйд - самец. Они совершенно белые. Очень похожи на человека. Ходят на двух ногах. Запросто заходят в кишлаки, осмеливаются войти в дом. Но руки не подают и дотрагиваться до себя не позволяют. Моментально

исчезают за камни. Только следы остаются. Ну, прямо человеческие. Любопытных легенд о вайде и вуйде немало. То обед съели, то провизию утащили. То помешали свиданию влюбленных. Столетние старики помнят множество легенд о вайде и вуйде". Если выкинуть отсюда слова "легенды" и "домовые", то останется реальность. Ее бы надо и со слов стариков записать, и по живому следу исследовать: ведь первым поведал корреспонденту милиционер, который сам на него недавно наткнулся. Теперь милиционеру просветители втолковали, что то был домовой и нить исследования оборвана. Другой пример. Сибирский поэт Н.И.Глазков пересказал в стихотворении сведения якутов о диком человеке - чучуна. Никак не печатали ему этого стихотворения, пока не согласился дать подзаголовок: "Старинная якутская легенда". Тогда пошло. Но от науки тропу отвели.

Вот почему так нужна эта затянувшаяся глава.

8. С КАРАНДАШОМ ПО КАРТЕ.

Огромный, почти буффонадный карандаш, принесенный мне в подарок, в один прекрасный день вздумал изобразить стрелками на карте мира наши сведения о реликтовых гоминоидах. Извивающимися стрелками, чтобы сделать образной идею единства вида - динамику его расселения. Я выбрал за станцию отправления Восточное Средиземноморье: туда указывают древнейшие исторические упоминания - шумеро-вавилонские и вавилоно-египетско-еврейские. А некоторые антропологи там предполагают область возникновения неоантропа ("человека разумного"). Но выбор центра условен (античные авторы Ктесий, Плиний писали об очаге подобных существ в Северной Индии), получившаяся же сеть все равно абсолютна. Она словно резюмировала судьбу вида "человек троглодитовый" за десяток тысяч лет.

Человечество расселялось по великим рекам, а его предок отступал по водоразделам.

Когда-то в геологическом прошлом питекантропы (обезьянолюди) обитали как раз по излучинам и устьям рек, по берегам озер. Их собственным предкам, австралопитекам (более примитивным существм, кости которых найдены в Африке) это было ни к чему - их плотоядность, видимо, ограничивалась добыванием мозга из костей и черепов животных, кем-то уже обглоданных. Питекантропам речные воды несли мясную пищу. Огромные крпытные, раз их не пожирали хищники, находили смерть преимущественно в воде - на водопое, при переправах. Старые, слабые, больные, молодняк увязали в тине. Даже в XIX веке Дарвин однажды описал эту картину в Аргентине. В пампасах хищники малочисленны, при засухах стада диких травоядных, а также и домашний скот, брели к болотам и рекам. "Один очевидец передавал мне, - писал Дарвин, - что скот тысячными стадами бросался в реку Парану, но истощенный от голода, был не в силах выкарабкаться на илистые берега и тонул. Рукав реки, протекающей у Сан-Педро, был до того переполнен гниющими трупами, что, как говорил мне капитан одного судна, по реке нельзя было плыть из-за вони. Без сомнения, в реке погибали таким образом сотни тысяч животных; их разложившиеся трупы видели плывущими вниз по течению, и многие, по всей вероятности, погрузились на дно залива Ла-Платы". Это наблюдение, говорил Дарвин, может пролить свет на ставящий геологов в тупик вопрос - почему иногда находят

погребенными вместе огромные количества костей разнообразных животных. Ныне геология породила особую дисциплину об этом - тафономию. Питекантропы на отмелях и перекатах четвертичных рек могли периодически вылавливать много хорошо сохранившегося в холодной воде мяса и осваивать его, если тут же или близко имелись камни, которыми, заточив их ударами, можно было вспороть, расчленить, раскромсать тушу. Антрополог Л.Лики в Африке изготовил галечные орудия древнейшего типа и быстро разделал труп антилопы на глазах у населения деревни.

Неандертальцам и даже людям позднего древнекаменного века реки еще подчас несли такие дары, но главная часть неандертальцев уже не могла кормиться на водоемах, напротив, сдвигалась вверх по склонам.

Поздние неандертальцы, то есть оставшиеся уже в историческое время, судя по всему, обитали преимущественно в областях кочевания стад крупных травоядных. Так, в горной Азии они были повсюду, где ходили дикие яки, в Европе - на огромном, вплоть до Кавказа, ареале зубров. С упадком поголовья, с распадением ареалов таких видов реликтовые неандертальцы все более переходили на ту жалкую замещающую ("викарную") пищу, какая характеризует их нынче. Их расселение все более и более зависело от главного фактора - распространения человеческой культуры по лицу Земли. Неандертальцы отходили в новые места непосредственно перед человеком, гранича с ним, если не двигались просто вместе с ним.

С того времени, как начинают говорить письменные источники, мы обнаруживаем бессловесных волосатых соседей людей в землях Юго-Восточного Средиземноморья и Северо-Восточной Африки. От одного из их древних наименований - эгипаны - получила название обширная территория Египет. Пространство, лежавшее южнее, включая Абиссинское нагорье, по той же причине долго называлось Троглодитикой (еще более древнее ее название - Михоэ). Плиний Старший ставил в один ряд сатиров, эгипанов и троглодитов, не имеющих человеческой речи, обитающих в Эфиопии. У них, "кроме внешности, нет ничего человеческого". По Геродоту, на троглодитов эфиопских, несмотря на их невероятную быстроту в беге, жители охоти- лись на колесницах, запряженных четверкой лошадей. Но поз- же название троглодитов перешло, как и название египтян, на людей, заселивших данную страну. Карфагенский путешественник Ганнон соответственно заменил слово троглодиты словом паны: за Абиссинскими горами - холмы и поля панов и сатиров. В другом случае, относящемся, как предполагают, к Западной Африке, Ганнон, лично охотившийся

на эти существа и захвативший трех самок, сохранил местное название - "гориллы"; лишь в 1847 году оно было английскими зоологами извлечено из древности для обозначения вида человекообразных обезьян. Словом, из Северо-Восточной Африки реликтовые неандертальцы могли распространиться и в Западную и Южную. Ископаемый так называемый Родезийский человек из Брокен-Хилла может быть отнесен к их числу.

В Европу из Восточного Средиземноморья реликтовые неандертальцы могли расселиться двумя путями. Во-первых, Босфорского пролива еще не было шесть-семь тысяч лет назад - через Малую Азию они могли посуху распространиться на Балканский полуостров и по всей Южной Европе. Близ Салоник в пещере найден череп, удивительно сходный с Родезийским. По Плутарху, в 84 г.н.э. возвращавшемуся в Италию Сулле был доставлен живой сатир, пойманный близ нынешнего Дурреса (Албания). Он не мог произносить ничего вразумительного, а испускал животный крик. "Напуганный Сулла велел убрать его с глаз долой". Во-вторых, они могли распространиться через Кавказ и Восточную Европу в Карпаты, в цетральноевропейские леса и Альпы, как и на север Европы.

В XII-XIII веках они - уже редкость в Европе. Упомянутая скульптура на готическом храме XII века в Провансе, где изображен человек в простой крестьянской одежде с примостившимся рядом диким человеком, с кошелем и деньгами в руках, несомненно, освящает профессию повыдыря, зарабатывающего показом этой диковины. Изображение это в точности перекликается со словами Низами в "Искандер-Наме" XII века: когда русам удается в предгорьях Кавказа отловить живого дэва, его уводят на Русь и там, прикованного цепью, его водят из селения в селение; повсюду вожакам из окон подают деньги и еду, и так зарабатывают они хлеб свой. Вероятно, лишь по мере исчезновения этих редкостных зверей их стали заменять медведями, на которых, кстати, перешло и западнославянское их название "мишка"; оно этимологически ничего общего не имеет со словом медведь и вовсе не является уменьшительным.

В русской рукописи XVII века занесено: "В Польше недавно у короля Яна Третьего был мишка-человек, в лесу пойман, ...не глаголящий ничего, но только ревуще, косматый весь, на древо восходящ, ...а понеже знаки являлися в нем разума и души человеческой, крещен бысть".

Здесь уже "мишка" употребляется в смысле медведь. А именно, этот экземпляр дикого человека был выловлен во время охоты на медведей, и особенно защищала его огромная медведица, из чего возникло предположение: не мать ли она ему.

Позже утвердилось мнение, что это - случай из серии похищенных и выращенных дикими животными детей. Только теперь мы снова обращаемся к историческим источникам XVII века и видим, что тот "мишка-человек" принадлежит к другой серии фактов. В нашем распоряжении показания современни- ков-очевидцев: польских, французских, английских, голландских, немецких (плюс приведенное сообщение русского автора). В 1661 году в литовско-гродненских лесах военный отряд выгнал на охотников нескольких медведей, а среди них - дикого человека, который был выловлен, привезен в Варшаву и подарен королю Яну II Казимиру, жена которого впоследствии тщетно занималась опытами очеловечивания этого существа. То был "хлопец" 13-15 лет, с густо обволошенным телом, полностью лишенный речи и каких-либо средств человеческого общения. Его удалось лишь приручить и в конце концов приучить к несложным кухонным работам. очевидцы записали многие сценки и наблюдения над "мишкой-человеком", а некий Ян Редвич в 1674 году опубликовал специальное сочинение об этом чудище. О нем писали снова и снова многие авторы в XVIII, XIX и XX веках. Одако только теперь мы вправе оторвать его от темы о детях, выращенных животными: тело и конечности с сильным волосяным покровом, полная неспособность обучиться человеческой речи - эти симптомы отвергают прежний диагноз и свидетельствуют о реликтовом палеоантропе.

То же следует сказать и о другом случае из серии "детей, выращенных животными". Он относиться также к XVII веку. В горах Ирландии был выловлен дикий юноша, державшийся близ стада горных овец; он был доставлен в Голландию, где всемино известный анатом и врач Николас Тульп его исследовал и описал особенности строения его гортани и черепа, отклоняющиеся от человеческой нормы. Все говорит за то, что и это был реликтовый палеоантроп.

Один европйский пример придется привести подробнее. В 1794 г. вышла немецкая книга Вагнера "Очерки философской антропологии", где был опубликован совсем недавнего происхождения документ из трансильванского города Брашов. Автор документа (вероятно, брашовский врач) подробно описывает дикого юношу, незадолго до того выловленного в лесах между Трансильванией и Валахией. Вот характерные выражения и пассажи из этого текста.

Этот несчастный юноша был среднего роста и имел чрезвычайно дикий взгляд. Глаза его лежали глубоко в глазницах. Лоб его было очень покатым. Его густые нависшие брови бурого цвета сильно выдавались вперед, а нос он имел маленький и

приплюснутый. Шея его казалась раздутой, а горло зобоподобным. Рот несколько выдавался вперед. Кожа на лице грязновато-желтого цвета. На голове жесткие пепельно-серые волосы были (ко времени осмотра) коротко острижены, остальные части тела дикого юноши были покрыты волосами, особенно густыми на спине и груди. Мускулы рук и ног были развиты сильнее и более заметны, чем обычно у людей. На локтях и коленях имелись мозолистые утолщения. На ладонях он имел мозоли и кожу толстую, грязновато-желтого цвета, как и на лице. Ногти на руках очень длинные. Пальцы на ногах длиннее, чем обыкновенно. Ходил он прямо, но несколько тяжеловато и вразвалку, при этом голова и грудь его были поданы вперед.

С первого же взгляда на это лицо мне бросилась в глаза какая-то дикость и звероподобность. Он был совершенно лишен дара речи, даже малейшей способности произносить членораздельные звуки. Он издавал лишь невнятное бормотанье, когда сторож заставлял его идти впереди себя. Это бормотанье усиливалось и переходило в завыванье, когда он видел лес или даже одно-единственное дерево, - однажды, когда он находился в моей комнате, откуда открывался вид на лес и горы, он жалобно завыл. Ни человеческое слово, ни какой-либо звук или жест не были ему понятны. Когда смеялись или изображали гнев, он не проявлял понимания того, что происходит. Он на все, что ему показывали, смотрел с безразличием; не выражал ни малейшего чувства при виде женщин.

Когда три года спустя я увидел его снова, апатия его прошла. Завидя женщину, он издавал дикие крики и пытался показать движениями пробудившиеся желания. Когда я видел его впервые, его мало что привлекало или отталкивало, теперь он выражал неприязнь по отношению к тем предметам, которые однажды причинили ему неприятность. Например, его можно было обратить в бегство, показав ему иголку, которой его однажды укололи, но обнаженная шпага, приставленная к его груди, ничуть его не пугала. Он становился злым и нетерпеливым, когда хотел есть или пить, и тогда готов был напасть на человека, хотя в других случаях не причинил бы вреда ни человеку, ни животному. Если не считать человеческой фигуры и факта прямохождения, то можно сказать, что в нем не было никаких признаков, по которым можно отличить человека от животного. И было очень тяжело смотреть, как это беспомощное существо брело, подгоняемое сторожем, рыча и бросая дикие взгляды вокруг. Чтобы обуздать в нем дикие порывы, во время прогулок, перед тем как приблизиться к воротам города, а затем к садам и к лесу, его заранее связывали. Но и связанного его сопровождало

несколько человек, чтобы он не освободился и не убежал на волю. Вначале его пища состояла только из различного рода древесных листьев, травы, корней и сырого мяса. Лишь постепенно он привыкал к вареной пище, и, по словам человека, ухаживающего за ним, прошел целый год, прежде чем он стал питаться вареной пищей. К этому времени и дикость его заметно уменьшилась.

Я не могу сказать, сколько ему было лет. На вид ему можно было дать лет 23-25. Вероятно, он так и не научится говорить. Когда я видел его во второй раз, он все еще не говорил, хотя заметно изменился во многих других отношениях. В лице его все еще проглядывало что-то животное, но выражение его смягчилось. Походка стала более уверенной и твердой. Желание кушать, а теперь он любил различную пищу, особенно овощи, он выражал определенными звуками. Он научился носить туфли и платье, но не обращал внимания, если они были разорванные. Постепенно он научился выходить из дома и возвращаться без сторожа. Единственная работа, к которой он был пригоден, состояла в том, что он ходил с кувшином к колодцу, наполнял его водой и приносил домой. Это была единственная услуга, которую он оказывал своему содержателю. Он также знал, как добыть себе пропитание, усердно посещая те дома, где его однажды накормили. Во многих случаях он обнаруживал инстинкт подражания, но ничто не запечатлялось в нем глубоко: даже подражая чему-нибудь много раз, он вскоре забывал заученное, за исключением тех вещей, которые имели отношение к его естественным потребностям, таким, как еда, питье, сон и т.п. Он с удивлением смотрел на все, что ему ни показывали, и с таким же отсутствием сосредоточенности переводил взгляд с этих предметов на новые. Когда ему показали зеркало, он заглянул за него, но остался совершенно равнодушным, не найдя там своего образа. Звуки музыкальных инструментов, казалось, немного его занимали, но когда однажды в моей комнате я подвел его к фортепьяно, он не решился дотронуться до клавиш и очень испугался моей попытки заставить его это сделать...

С 1784 г., когда он был увезен из Кронштадта, я больше ничего не слыхал о нем...

Многие размышления и наблюдения автора пришлось опустить ради краткости. Но приведенное выше наиболее значительно для науки. Это ни в коем случае не просто психологический казус: вначале описаны анатомические особенности дикого юноши, и это ничто иное, как анатомические отличия нашего подопечного - реликтового неандертальца (палеоантропа). Да, всего за пять лет до Великой Французской революции некий европейский медик осматривал неандертальца.

Но и эти известия - дела давно былых времен по сравнению с куда более поздними доказательствами, что реликтовые палеоантропы не перевелись в лесах Восточной Европы.

Однажды в воскресенье в Париже Мопассан, Флобер и Тургенев разговорились о том, что наибольший ужас внушает явление, которое непонятно, а как только нашлось объяснение - проходит и ужас. Тургенев рассказал случай из своей жизни. Сам Тургенев никогда не записывал его, но по памяти с удивительной точностью, сохраняющей даже стиль Тургенева, воспроизвел Ги де Мопассан в новелле "Ужас". "Будучи еще молодым, он (Тургенев) как-то охотился в русском лесу. Он бродил весь день и к вечеру вышел на берег тихой речки. Она струилась под сенью деревьев, вся заросшая травой, глубокая, холодная, чистая. Охотника охватило непреодолимое желание окунуться в эту прозрачную воду. Раздевшись, он бросился в нее. Он был высокого роста, силен, крепок и хорошо плавал. Он спокойно отдался на волю течения, которое тихо его уносило. Травы и корни задевали его тело, и легкое прикосновение стеблей было приятно. Вдруг чья-то рука дотронулась до его плеча. Он быстро обернулся и увидел странное существо, которое разглядывало его с жадным любопытством. Оно было похоже не то на женщину, не то на обезьяну. У него было широкое морщинистое гримасничающее и смеющееся лицо. Что-то неописуемое - два каких-то мешка, очевидно груди, - болтались спереди; длинные спутаные волосы, порыжевшие от солнца, обрамляли лицо и развевались за спиной. Тургенев почувствовал дикий страх, леденящий страх перед сверхъестественным. Не раздумывая, не пытаясь понять, осмыслить, что это такое, он изо всех сил поплыл к берегу. Но чудовище плыло еще быстрее и с радостным визгом касалось его шеи, спины и ног. Наконец молодой человек, обезумевший от страха, добрался до берега и со всех ног пустился бежать по лесу, бросив одежду и ружье. Страшное существо последовало за ним; оно бежало так же быстро и по-прежнему взвизгивало. Обессиленный беглец - ноги у него подкашивались от ужаса - уже готов был свалиться, когда прибежал вооруженнй кнутом мальчик, пасший стадо коз. Он стал хлестать отвратительного человекоподобного зверя, который пустился наутек, издавая крики боли. Вскоре это существо, похожее на самку гориллы, исчезло в зарослях". Хотя Тургенев вел рассказ к тому, что он тотчас избавился от ужаса, как только узнал от пастухов, что это сумасшед- шая, которую они уже тридцать лет (!) подкармливают, его память удивительно сохранила реальность, несовместимую с толкованием: рыжее существо смахивало на обезьяну, на самку горилы, на человекоподобного

зверя, оно не обладало даже подобием речи. Мы уже знаем, с кем он повстречался: с обыкновенной русалкой. А испытанный им ужас - это был "панический ужас", т.е. ощущаемый при встрече с паном.

Покинем на этом Европу. Главный пучок наших стрелок разветвлен в Азии. Из Восточного Средиземноморья - и в Аравию, и на Кавказ, и на Иранское нагорье. Далее поток широко разливается по Средней и Центральной Азии. Это огромное пространство ограничено на юге Гималаями, - на севере Алтаем и Саянами (может быть, когда-то было ограничено на северо-западе Уральскими горами).

Разве перечтешь, перепишешь тут все позывные сигналы, указавшие нам на разные места этого ареала, грандиозного, как океан, на разные узлы и ячеи этой сети! Но вот очаг, вероятно, самый перспективный на Земле для будущих исследований. Тот, на который не раз с разных позиций указывал нам научный компас. Он лежит там, где путь по Гиндукушу привел расселявшихся предлюдей-троглодитов к развилке путей - вперед, направо, налево. Ныне это район, где сходятся границы пяти государств, крайний юго-западный угол Синьцзяна. Тот самый край в Кашгарии, горный, дикий, что южнее города Ташкурган, у верховьев Раскем-дарьи, о котором говорили нам - памирцы, генералу Ратову - синьцзянцы, как о главном месте обитания дикого человека.

Здесь от незапамятной древности до вчерашнего дня он был охотничьей дичью, желанной добычей. У арабского писателя X века Макдиси, проживавшего в Западном Афанистане, на караванном пути в Индию, находим сведения о наснасах (термин этот и сейчас в употреблении у горных таджиков). "Один извидов их находится в местности Памир, а это пустыня между Кашмиром, Тибетом, Вахханом и Китаем. Это звероподобные люди, тело их покрыто шерстью, кроме лица. Прыжки их - как прыжки газели. Многие жители Ваххана рассказывали мне, что они охотятся на наснасов и едят их". И вот в наши дни переселившиеся из тех же мест на Советский Памир киргизы согласно утверждают, что именно там, где кстати, еще сохранились дикие яки, водятся двуногие, бессловесные, обволошенные, питающиеся травой, корнями растений и плодами дикие люди. Мясо их считается очень вкусным. Охотятся на них с собаками или приманивая их в ловушки на яблоки. Но рядом, в Куланарыке якобы местный закон запрещает стрелять в них. По словам генерала П.Ф.Ратова, солдаты в районе Ташкургана не раз встречали этих не имеющих членораздельной речи диких людей, которых, как говорят, там много и которых даже подкармливают,

оставляя им пищу на земле.

Профессор Б.А.Федорович, находясь в Синьцзяне в 1959 году, распрашивал население в Ташкургане и окрестностях. Явой-адам (яво-хальг, абалык-адам водится там, где дикие яки и дикие лошади, - в горах на границе Синьцзяна и Кашмира, в соседних афганских и пакистанских горах, на Раскем-дарье, где охотники видели их еще в 1941-1942 годах. Бывший милиционер Маттук Абдераим рассказал так: в 1944 году, когда он был подростком, ездил он к своему дяде Нуруз Мухамеду на Раскем-дарью, что в трех днях пути верхом к югу от Ташкурана; когда он там гостил, дядя как раз принес с охоты только что убитого яво-хальга. Маттук знал обезьян по книгам - но этот гораздо больше походил на человека. Ростом со среднего человека. Волос на шкуре желтоватого цвета, одинаковый спереди и на спине, причем короче и не так пушист, как у медведя. На голове же волосы много длиннее. На морде (лице) растительность редкая. Хвоста нет. Ступни ног яво-хальга шире и короче человеческих. таков же, по словам дяди и других, след его ног, резко отличающийся от медвежьего. На руках большой палец ближе к остальным, чем у человека. По рассказам дяди и соседа, бегает яво-хальг на двух ногах со скоростью горного барана, но часто оборачивается на преследователя и издает резкий гортанный крик. К сожалению, начальник экспедиции помешал профессору Федоровичу продолжить следствие, а сам оборотил все смешной стороной: абалык-адам, видите ли, знает политическую географию, раз он, по рассказам охотников, спешил от преследования в пограничную зону, где стрельба воспрещена.

О наблюдениях в том же радиусе вокруг Ташкургана имеются десяти-двенадцатилетней давности сообщения китайской администрации, а также китайского кинорежиссера Бай Синя, видевшего две особи, взбиравшиеся по склону Музтаг-Аты, в другой раз долго шедшего с товарищами по следам такого двуногого существа, среди которых, кстати, заметили несколько капель крови. В числе сообщенных адаминистрацией деталей: линька шерсти в апреле; способность охватывать руками и далеко бросать сравнительно большие камни. А вот любопытная концовка рассказа киргиза Дувона Достобаева на Памире. Родился он в Китае, в окрестностях Ташкургана. Примерно в 1912 году был пойман охотниками в горах дикий человек, явившийся к туше архара, положенной под камень.

Связанного, его на спине яка свезли в селение, где кормили сырым мясом. О происшествии сообщили китайским властям в Ташкурган. Оттуда прибыли несколько человек с ло- шадьми и повозками, они очень благодарили охотника, дали ему деньги и

подарки и увезли гульбиявана.

Если от это очага на распутье, двигаясь дальше на вос- ток, пойти направо, окажемся к югу от Куньлуня - в уже упоминавшихся тибетских и гималайских полях сведений о реликтовых палеоантропах. Через них выйдем в провинцию Юньнань. Население рассказывает, что глубоко в горах там обитают "дикие люди". А когда в 1954 г. работник Всесоюзного общества по культурным связям с заграницей К.Н.Чеканов посетил Юньнань, ученые и ответственные работники рассказали ему: в горных районах обнаружены не имеющие ни одежды, ни языка подобия людей, ведущие животный образ жизни. Один был захвачен и доставлен в г. Куньминь... Оборвем пока тут движение стрелок и вернемся снова к узлу.

Если будем двигаться от него левой дорогой, попадем в упоминавшиеся поля сведений о Синьцзяне в Монголии. Через них выйдем на Тянь-Шан и в Казахстан, в Забайкалье и на Саянские горы, в Маньчжурию и на Хинганские хребты, где снова, снова, снова наша научная копилка собирает подаяние то народной молвы, то довольно строгих данных.

Вот лишь пример сведений с этой гигантской территории. О "диких людях" гор Южного Казахстана прислал сообщение Темирали Борыбаев - старейший наблюдатель заповедника, расположенного на северо-западных отрогах Таласского Ала- тау. По рассказам казахов, сообщает он, в горах нынешнего Аксу-Джабалгинского заповедника обитали "киик-адам": люди совсем дикие, с густым коротким волосяным покровом. Одежды они не знали, речи не имели, питались мясом и разными плодами и кореньями. Они не отличались свирепым нравом, образ жизни вели скрытный. Самые давние сведения Борыбаев слышал от близкого друга своего отца, Сакал-Мергена, умершего глубоким стариком в 20-х годах XX века, но лично повстречавшего "киик-адама" еще в 70-80 гг. XIX века (т.е. во времена экспедиций Пржевальского). Охотясь высоко в горах у истоков р. Улькен-Аксу, Сакал-Мерген на открытом склоне заметил существо, похожее на наклонявшегося и выпрямлявшегося человека. Подползши за камнями поближе, охотник увидел, что тело "человека" покрывала густая короткая шерсть серовато-палевого цвета, как у верблюжонка или одногорбого верблюда. "Киик-адам" был довольно высокого роста, мускулистый. Поочередно каждой рукой он выдергивал какие-то маленькие растения, разглядывал их, очищал корешки от земли и ел их. Охотник решил подранить его в ногу. "Раненый киик-адам завопил совсем по-человечески, сел на землю и стал рассматривать раненую ногу и лизать ее. Он долго сидел и скулил. Затем встал и, сильно хромая, пошел к

скалам и скрылся за склоном". Позже охотник пошел было по кровавому следу, но потерял его в неприступных скалах.

Однако есть сведения и сравнительно недавние из Джамбулской области Казахской ССР о человекоподобном существе, сплошь покрытом волосами, передвигавшемся на двух ногах. Единичные сигналы о наблюдении есть не только из южных областей Казахстана, но и из западноказахстанских, приволжских степей, из степей Акмолинской и Карагандинской областей, даже с Южного Урала. Проживающие в Казахской ССР дунгане называют дикого человека "моержин" (буквально: обросший шерстью), а казахи, проживающие за пределами СССР, называют его не "киик-адам, а в МНР "албасты", в Синьцзяне - "ксы-гыик".

Однако вернемся снова к географическому исходному пункту нашего обзора - к узлу, от которого разветвляются стрелки.

Если двигаться от узла прямо на восток, имея по правой руке Куньлунь, выйдем в провинции Ганьсу и Цинхай, к хребтам Алтын-Таг и Нань-Шань. Именно здесь Пржевальский получил некогда первые сведения о человеке-звере. Профессор зоологии Т.Х.Шоу сообщил нам, что несколько лет назад один офицер видел в лесу дикого человека на границе этих провинций, который с необычайной быстротой убегал от погони; офицер настаивал перед властями на научных исследованиях, но ничего не добился. Советский журналист, полковник запаса С.Г.Курзенков побывал в 1957 году в отрогах горной системы Нань-Шаня, - ему рассказали о редкостных обитающих здесь ми-ге - обволошенных, не имеющих одежды, двуногих. Профессор Цзынь Пэн из уст образованного местного работника услышал, что в 1947 году в их деревне уезда Чжонисянь поймали ми-ге и многие ходили смотреть его: весь как человек, только тело покрыто коричневыми волосами, на голове же волосы очень длинные. Через несколько дней он в неволе умер, и снятую с него шкуру передали в буддийский храм.

Еще дальше к востоку, в провинции Шеньси, в горном хребте Циньлиншань собраны сведения, в том числе у людей весьма ответственных и культурных, видевших живого жень-сю ("человеко-медведя") или снятую с него шкуру. Говорят, что эти двуногие подобные человеку существа, хоть полностью лишены всякой речи, могут смеяться. Профессор истории Хоу Вай-лу видел в 1954 году в горном селении одного такого жень-сю. Он был выловлен с помощью традиционного приема: на склонах горы раскладывают там и тут куски красной материи, которые вызывают у этих животных неодолимое любопытство. В прошлом на них широко охотились и частью приручали, используя дома

для несложных работ - как рабочий скот, или как рабов. У себя в горах они не имеют ни жилища, ни одежды, никаких орудий, питаются сырым мясом и дикими плодами. Но профессор Хоу Вай-лу и слышать не хочет о снежном человеке: по его гипотезе, это одичавшие потомки древнего племени, оттесненного в горы три тысячи лет назад.

Теперь следовало бы рассказать, как из провинции Юньнань поток змеящихся стрелок вдруг прорывается и устремляется в Юго-Восточную Азию и щедро раскидывается по ней. Однако придется сказать коротко - всего товара ведь не выставишь на витрину.

В джунглях Лаоса и Камбоджи, на горных границах Вьетнама французскими путешественниками и администраторами в Индокитае фиксировались сведения о необъяснимых то ли духах, то ли животных, похожих на людей. В 1958 году французская "Дальневосточная газета" опубликовала сообщение известного охотника, встретившего в джунглях Камбоджи точ- ное подобие снежного человека - самца, самку и детеныша, оставлявших и точно такие следы. Они показались ему людьми каменного века. Запрашиваем директора Института истории ДРВ профессора Чан Хюй Льеу, он пересылает нам результаты опроса товарищей из районов пограничных с Камбоджей и Лаосом: да, такие человекоподобные животные известны населению. Совсем недавно прогрессивный английский журналист У.Бэрчет в книге корреспонденций "Война в джунг- лях Южного Вьетнама" (М., 1965) принес пригоршню новых подробностей об этих представителях фауны, упущенных наукой. Есть немногие сведения о них из Лаоса, из Бирмы. Стрелка бежит на юг - несколько эпизодических наблюдений в Малайе. И вдруг - целый пучок сведений на острове Суматра, в его южной тропической лесной части. Старые вести подсказывают, что здесь реликтовые палеоантропы удерживались, пока не вымерли носороги: ни один хищник не убивал этих толстокожих, но когда они кончали дни, увязнув в трясине, то становились пищей двуногих существ, которых на острове называют оранг-пендек, седапа, синдаи. Но в последние десятилетия они редки и исчезают. Голландские охотники описали немногие ошеломляющие встречи, а в музеях имеются зарисовки и слепки следов.

И, наконец, еще один то скудный, то буйный поток наших стрелок - тот, что устремляется в Восточную Сибирь. Вот они скользят по Яблоневому хребту, Становому, Джугджуру. Другие от Байкала идут в Енисейский кряж. И бог весть где на великих просторах Сибири, особенно к северу, не попадуться опять и опять повести о бродягах этих, безъязыких подобиях

человеческих, тянущихся особенно к оленьим стадам.

Более всего богато сведениями Верхоянье. Здесь реликто- вых (палеоантропов) гоминоидов называют чучуна, кучуна, му- лена, хээдьеки, абасы. Полагают, что они заходят сюда лишь на летнее время, а живут где-то на Чукотке. Вот как резюми- нирует археолог А.П.Окладников известия, услышанные на ниж- ней Лене: "Чучуна - племя полулюдей-полуживотных, обитавших и еще изредка попадающихся здесь на Севере. Внешность у них была необычайная: голова как бы срослась с туловищем - шеи не было. Неожиданно появлялись ночью, кидали на спящих людей камнями со скал; ловили оленей. Якут-охотник Макаров утверждал, что он встречал пещеры, в которых обитают чучуна, по правому берегу р. Лены нижу Чубукулаха и вплоть до о. Столб, подчас также и на левой стороне Лены, находя в этих природных логовищах оленьи рога и шкуры". Не пересказывая здесь якутских данных, отвешу здесь низкий поклон еще одному соотечественнику, независимо от других возгласившему о великом открытии. Еще одна маленькая трагедия. Еще одна "Записка, не имеющая научного значения". Я натолкнулся на нее почти случайно. В 1912 году молодой минералог П.Л.Драверт опубликовал отрывки собранных им с 1908 года в нижнем течении Лены сведений о диких, сильных, волосатых человекоподобных, лишенных даже членораздельной речи. Позже, уже будучи маститым метеоритологом, профессор Драверт вернулся к этим исследованиям и в 1933 году опубликовал большую статью "Дикие люди мулены и чучуна". Жаль, что по сравнению с первой, эта статья затуманена записями неквалифицированного помощника. Любопытно опровержение, с которым выступил этнограф Г.Ксенофонтов: мулены и чучуна что-то уж слишком похожи на панов и фавнов в верованиях древних греков. Опять гробовая крышка захлопнулась над опять и опять проклевывавшейся невероятной истиной.

Стрелки указывают на Чукотский полуостров и на Алеутские острова. Один якут уверял П.Л.Драверта, что из низовьев Лены это волосатое племя некогда переселилось на Теплые Острова - Алеуты. "Однажды в земле чукчей море выкинуло на песок тело волосатого человека с Теплых Островов. Нельзя было понять, живой он или мертвый. Никто не решался тронуть его. К нему боялись подойти даже собаки. И так лежал он на берегу целый день. Лишь один почтенный шаман видел ночью, как человек поднялся с земли, трижды обошел стойбище чукчей и потом ушел". Комментарий: в летнее время течение направляется от Алеутских островов на север, в сторону Чукотского полуострова.

Вместе с расселяющимся человечеством через Берингов

пролив (вернее, мост или лед) и через Алеуты в древности вышел на землю американского континента и неандерталец. Антрополог Алеш Хрдличка был поражен, найдя совершенно неандерталоидные черепа в Небраске в лессе, то есть в слоях того геологического времени, когда неандертальцам по теории давно полагалось вымереть.

Кипучий и дерзновеный зоолог Айвен Сэндерсон начал коллекционировать американскиие аналогии гималайскому снежному человеку в том же 1958 году, как и мы приступили к систематической работе в СССР. Он тоже обнаружил в своей стране затоптанную и осмеянную предысторию. Оказывается, газеты, дневники путешественников уже сто лет кишели удивительными известиями о диких волосатых людях - особенно на глухом западе Канады и в заросшей лесами Северной Калифорнии. Их называют здесь сасквatч, о-ма, большая нога. И эскимосы, и индейцы в равной мере осведомлены о них, хотя фольклор у обоих народов совсем разный. Но огромная серия сведений исходит от людей белой расы. С 1960 года Том Слик и Питер Бирн переключились на калифорнийские исследования. Превосходные наблюдения и слепки следов.

Что до Айвена Сэндерсона, то шесть глав в своем фолианте о снежном человеке он отвел сводкам американских данных. Сомнения нет: реликтовый теплится в Новом Свете. Он и размножается там, но преобладают наблюдения крупных одиночек-самцов. Стрелки блекнут в других северо-западных и северо-восточных штатах. Но они есть и они упрямо просачиваются на юг и даже разгораются в Гватемале, Эквадоре, Колумбии, Гвиане. Никак не перескажешь этого коротко.

Книга Айвена Сэндерсона, при всем его авторитете первоклассного приматолога, осталась на обочине. Ее обходят, пожимают плечами. Она - врывчатое вещество, но не взрыв. Недостает теории. Впрочем, автор перед американцами виноват также в непочтении к церкви: открытие снежного человека, дерзко заявил он, окончательно решает вопрос, кто же прав - священное писание или Дарвин.

А вот американская деловитость нас обогнала. В непролазных лесных массивах Каскадных гор и прилегающих хребтов Северной Калифорнии в последние годы "бигфута" ("большую ногу") выслеживали по меньшей мере девять групп. 20 октября 1967 г. одна из них, в составе двух молодых людей, Паттрсона и Гимлина, во время верховой рекогносцировки очень близко, в 30 метрах, повстречала двухметровую, покрытую черным волосом самку, и спешившийся (точнее, сброшенный лошадью) Паттерсон успел удовлетворительно снять ее киноаппаратом, пока она

удалялась. Занятно, что она не огглядывалась на преследовавшего ее человека, но на ходу обернулась через плечо на незнакомое шуршание киноаппарата. Затем они сделали гипсовые слепки ее следов. Фильм уже просмотрен немалым числом экспартов, и ни один не указал чего-либо определенного, что могло бы дискредитировать его как подделку. Разумеется, при современном уровне киноматографической техники никто не может поручиться за фильм. А то, что в нем отражено, слишком невероятно для подавляющей части экспертов. Но Айвен Сэндерсон исключает всякие сомнения в добросовестности этих наблюдателей и в аутентичности фильма, хоть как зоолог и делает оговорку, что фильм не может заменить костей и шкуры.

Никакой сенсации не разразилось. Исследование медленно идет вперед, хотя фильм и добавил солидную гирю на чашу весов. Противники по-прежнему предпочитают не видеть и не содействовать. С трудом удалось найти в Америке журнал, который в феврале 1968 г. опубликовал, наконец, 8 разрозненных кадров из этой знаменательной зоологической съемки. Они производят немалое впечатление. То, что мы видим на них, не противоречит нашим накопленным знаниям. Впрочем, и не обогащает их - информативное, познавательное значение их невелико сравнительно с доказательным значением, которого так требует публика. Ну вот вам и доказательство. Оно не сокрушит упрямства: можно скептичес- ки отклонить и фотографии, и слепки следов, и даже когда будет пойман экземпляр, сказать, что единичный факт - не доказательство, бывают, мол, и уродства, и игра природы.

А с другой стороны, действительно, никогда не расскажут ни отдельный фильм, ни единичный пленник, ни шкура и кости того, что мы из ненадежных крупиц надежно узнали, например, о расселении этого вида по Евразии, Африке и Америке. Вот что изобразил толстый карандаш.

Но география повела и дальше. Мы попробовали сопоставить карту наших сведений с картой распространения разных реликтов на земном шаре. Послушайте, что получилось.

9. ПОДЗАЩИТНЫЙ ПРАВОВЕРНЫХ.

В Тянь-Шане, в предгорьях Чаткальскоо хребта, лежит темно-зеленое озеро Сары-Челек. Туда я отправился осенью 1959 года, и вот почему.

В июле 1948 года там работал инженер-геолог А.П.Агафонов. Как многие, он не мудрствуя, прислал в нашу комиссию две странички о том, чего никак не мог понять десять лет. Однажды летом на изумрудном пастбище близ озера Агафонов сидел в юрте киргиза-пастуха по имени Мадьяр, более чем восьмидесятилетнего, слепого. Хранитель семейных и народных преданий, Мадьяр повествовал: прадед его, великий герой, возвращался вместе с молодой женой с праздника, и они прилегли отдохнуть где-то к юго-востоку от Сары-Челека. Он вскочил, разбуженный криками жены, и увидел, что ее уносит в руках громадная человекоподобная обезьяна. Но богатырь догнал похитителя, убил его своим охотничьим ножом и спас жену.

А.П.Агафонов почел своим просветительским долгом объяснить наполнявшим юрту сыновьм и внукам Мадьяра, что здесь, на Тянь-Шане, человекообразные обезьяны не водятся. Это вызвало улыбки слушателей и неожиданный взрыв у старца: поднявшись, он из большого сундука, что стоят вдоль стен юрты, достал резную шкатулку и с презрительными словами "смотри сам" протянул ее геологу.

"В шкатулке, на войлочной подстилке, лежала искусно высушенная кисть, покрытая редкой, но довольно длинной шерстью - до одного сантиметра. На ладони шерсти не было. Судя по размерам, кисть могла принадлежать только крупному человекоподобному животному... Удивление мое было настолько велико, что я просто растерялся и не сделал ни зарисовки, ни простейшего описания кисти. Все же помниться, что строение кисти вполне человеческое. Смущала только бурая шерсть на тыльной сторон руки". Так истинность рассказанной легенды была подтверждена неопровержимым фактом, - заключает А.П.Агафонов. Он приложил к письму еще набросанный тогда же карандашом портрет Мадьяра.

Нам известны были параллели: охотники там и тут отсекали кисти дикого человека в качестве памятноо трофея, талисма- на, реликвии. Но то были слова, а здесь возник шанс разыс- кать пару к кисти в Пангбоче. Перспектива анатомического исследования оправдывала даже самый трудный поиск. Я решил ехать "на деревню к дедушке".

Моим спутником согласился быть участвовавший в прошлом году в памирской экспедиции Г.Г.Петров. Сборы, спальные мешки, палатка, консервы...

Тянь-Шань неизмеримо перспективнее для поисков реликтового палеоантропа, чем Памир. Объем информации в добрый десяток раз больше. Профессор А.А.Машковцев "навсегда опозорил себя", как злословили зоилы, превосходной сводкой данных об обитании дикого человека в северных хребтах Тянь-Шаня (Киргзском, Джумолтау, и Сусамыртау). Она дополнена последующими сообщениями, делающими потаенное животное все осязаемее. Географ Е.В.Максимов многое живое о нем вызнал у систематически опрошенных чабанов Киргизского хребта.

Есть сгусток сведений с западных склонов Ферганского хребта. Другой очаг - восточная часть советского Тянь-Шаня; хребет Терскей-Алатау, хребет Сарыджаз, Хан-Тенгри. Из многих сигналов вот для примера один.

Как часто бывало в нашей работе, пришлось мне самому навестить на дому геолога М.А.Стронина, о котором пока долетел только слух. Вместе с источником слуха, другим геологом, мы едем за город, идем где-то по шпалам и бездорожью, но достигаем многоэтажного здания. М.А.Стронин оказался дома. Вот его рассказ.

"В августе 1948 г. я проводил геологические работы на Тянь-Шане, в восточной части хребта Терскей-Алатау. Однажды, с двумя киргизами-проводниками и конюхом, я заночевал на альпийском лугу над долиной, прилегающей к району р. Иныльчек, недалеко от языка одноименного ледника. Далеко кругом ни населения, ни стад. Лошадей мы оставили в долине, ниже места ночевки. На рассвете киргизы разбудили меня, говоря, что кто-то ворует лошадей. Действительно, в предутренней мгле я рассмотрел кого-то около лошадей, сбившихся в кружок головами внутрь, и, схватив штуцер, быстро пошел вниз. Ясно увидел, что ходит кто-то на ногах. Руки длиннее обычных, поэтому я подумал, что там киргиз в халате, и закричал по-киргизски: "Зачем воруешь?" На оклик существо остановилось, оглянулось; раздался гортанный приглушенный звук, напоминающий крик горных козлов; сущест- во сначала довольно спокойно отошло от лошадей, а затем побежало. Всего я видел его на протяжении 7-10 минут. Побежало же оно не в противоположную от меня сторону, на тот склон долины, а по освещенному солнцем склону, по которому я спускался, наискосок от меня. Когда оно пробегало не более чем в 100 метрах, я видел его очень хорошо, не против солнца.

Помню это существо как сейчас: оно запечатлелось, как

сфотографированное, в моих глазах. Когда оно побежало, подумалось, что это медведь, и я уже готов был стрелять, но со всей ясностью увидел, что это не медведь, - потому так точно и запомнил образ. Для медведя он был какой-то слишком стройный. На крутой склон это существо мчалось, помогая се- бе передними конечностями, подкидывая их под себя, как ло- шадь, бегущая наметом. Бежало вроде немного боком, косо. У медведя - морда, рыло, а у этого - не вытянутая вперед по- звериному морда, а гораздо более округлая. Покрывавшая его шерсть для медведя была слишком коротка, по окраске же хоть темно-бурая, но более желтого тона, чем медвежья. Я охочусь давно, много видел всякого зверья, но такого не видел. Это было что-то совсем особое: человеческого мало, но в то же время и не звериное. Стараясь понять, человек это или медведь, я так и не решился выстрелить, пока существо это не перевалило через склон, в сторону ледника и не скрылось из вида. Лошади мои оказались в мыле, особенно в пахах. Проводников-киргизов я нашел сидящими в одном из боковых отвержков; они в ужасе повторяли, что это - киик-кши (дикий человек). Они наотрез отказались следовать со мной дальше.

Несколько позже, в том же году, когда мы находились в горах Кавактау, однажды один из этих же проводников, отправившись в утреннем тумане за лошадьми, прибежал в ужасе с тем же криком: "киик-кши!"; но застать возле лошадей никого не удалось, хотя они были в таком же состоянии, как и в предыдущем случае. Все население в тех местах, где произошло первое событие, знает о существовании киик-кши (или кшы-киик), но обычно из киргизов на эту тему говорят только освоившие русскую культуру, а истинные мусульмане не хотят говорит или говорят крайне неохотно".

Этот рассказ геолога М.А.Стронина стоит заключить его же концовкой. Когда в г. Фрунзе он обратился с расспросами о встреченном существе в Киргизскую Академию наук к биологам, ботаник И.В.Выходцев заметил: "Это дело известное, есть что-то такое, любого киргиза спроси".

И "что-то такое" продолжает жить, питаться, размножаться в громадах Тянь-Шаня. Засечено ли оно в предгорьях Чаткальскоо хребта, куда толкнул меня долг научного следопытства? Да, охотник В.С.Боженов, из города Рыбачье, сообщил, что несколько лет назад ездил он с группой товарищей в Алабуку. На значительном расстоянии они увидели в горах среди зарослей и скал "снежного человека" и пять часов в бинокль вели за ним наблюдение. Рост его был приблизительно определен в два с лишним метра. Из-за разразившейся непогоды В.С.Боженов не

добрался до той пещеры, куда существо ушло. Но в августе 1963 г. случилось нечто поважнее. Два молодых человека из города Чирчика, А.Хайдаров и Р.Халмухамедов, заметили и сфотографировали на берегу небольшого пустынного озера след небывало крупных босых человеческих ног. Одни отпечатки - неясные, зато раз правая нога ступила в подсыхавшую лужицу. За пять дней до того здесь прошли сильные дожди, значит, след был совсем свежий. Глина запечатлела подошву, как гипс. Следы приближались к воде, а обратных не было: огромный человек (длина стопы - 38 см) вышел где-нибудь на другом каменистом берегу. Расспросили пасечника в нескольких километрах от озера. Но он ответил причудливо - будто, по словам охотников, в горах есть тут дикие люди огромного роста и обросшие шерстью. Послали письмо со снимком в Мосву: что бы это могло быть? Анатомический анализ показал, что дело даже не в непомерной величине. Несколько признаков согласно указали на те же отличия от ступни человека, какие раньше были определены учеными по ископаемым костям для ступни доисторических неандертальцев. В наших руках лучший из всей мировой серии след живого неандертальца, приходившего сов- сем недавно погрузиться в холодное озеро. Ходит он, боль- шой, волосатый, безъязыкий. Тут он.

За высохшей кистью такого же самого, почти в те самые места, мы и отправились с Г.Г.Петровым. Большим самолетом до Фрунзе, меньшим - до Джалалабада. Вскоре мы были в районном центре Кургане. И хоть до Сары-Челека было еще изрядно далеко, мы, однако, уже в этом горном райцентре нашли людей, которые знали и почитали древнего чабана Мадьяра. То, что казалось самым трудным, - найти его адрес, оказалось самым легким. Но мы опоздали: всего три месяца назад он скончался на девяносто девятом году жизни, оплакиваемый потомством и чуть ли не всем районом. Ну что же, надо двигаться вперед в поисках того, кто унаследовал фамильную реликвию. Райисполком выделил сотрудника нам в спутники и переводчика.

Еще долгий путь на грузовике до лесхоза, а там, наконец, нам дали горных верховых лошадей. Теперь, как я слышал, берега Сары-Челека - курорт, но тогда и верхом путь был непрост. Но что за высокая красота! И цвет воды, и узор берегов, и свечи тянь-шаньских елей, густо облепивших вздымающиеся скалистые берега, и завалы несчетных затонувших стволов в прозрачных заливах, и сползающий язычок ледника, и в небе, как облака, лежащие тянь-шаньские вершины, - не забудешь этого и не расскажешь. А на прилегающих пастбищах стада, юрты. Уже в пути мы узнали, что наследником покойного Мадьяра стал его

приемный сын мулла Айтмурза Сакеев, 63-х лет. Один собеседник старик-пастух, сказал: может случиться, что Айтмурза ни под каким принуждением не покажет реликвию. Вот мы, при содействии колхозного бригадира, въезжаем в глухой сай, где находится кочевье Айтмурзы Сакеева с семьей, с вдовой покойного Мадьяра. Мы разъяснили и посулили все, что могли. Глава семьи, видимо, рассчитывал на нашу наивность. На разостланный ковер была вынесена древняя резная шкатулка. В ней - охотничий талисман. Увы, высушенные лисьи лапки. Больше ничего, ничего хозяин не знает. Позже мы разыскали под Ташкентом А.П.Агафонова, и он заверил нас, что шкатулка была совсем не такая, как мы описали, а талисман - и подавно.

Бывалый человек посоветовал: только высшие служители мусульманской иерархии могли бы оказать моральное воздействие на муллу, по-видимому, связанного какими-то религиозно-этическими узами. И вот мы уезжаем с пустыми руками, но с маленькой завязью надежды. В Совете Министров Узбекской ССР мне сказали, что будут просить о содействии муфтия мусульманской церкви Средней Азии Бабаханова. Он обещал послать гонца к Айтмурзе Сакееву с увещеванием.

Через несколько месяцев я снова в Ташкенте. Добрые вести. Муфтий показывал уполномоченному Совета Министров письмо из Тянь-Шаня, подтверждающее, что у муллы хранится заветная высушенная кисть. Я, вместе с журналистом Я.Голованoвым, на приеме лично у Бабаханова в его канцелярии при главной ташкентской мечети. С большой любезностью нам было сказано, что посланный гонец не смог разыскать Айтмурзу Сакеева, так как нечаянно поехал в другую сторону, что ошибка будет исправлена...

Следующий мой рекогносцировочный маршрут в Средней Азии относится уже к лету 1961 г. Накопилось много данных, относящихся к горным хребтам Таджикистана, и я решил познакомиться поближе с одним из них - Гиссарским.

В течение всего исследования мою уверенность укрепляли - не меньше чем новые фактические дпнные - находки людей, которые до меня совсем независимо занимались той же темой, хотя бы и регионально. К их числу относится знакомство с Г.К.Синявским, пожилым инженером-гидростроителем, и сыном инженера-гидростроителя; обы поколения прожили жизнь в Средней Азии, знали местные языки и заслужили народное доверие. Отец и сын собирали сведения о "диких людях", местах их обитания. Их заинтересовал и очень странный аспект: целительное снадобье, изготовляемое из жира этого самого дикого человека. Знания, накопленные на протяжении двух

интеллигентных жизней, - ключ в новую скважину. Ныне снадобье главным образом привозят паломники из Мекки. но до революции к числу источников богатства эмира Бухарского, как говорят, принадлежал сбыт этого очень дорогого лекарст- ва (постепеный рост рыночной цены прослежен Синявским). А запасы поставлялись в виде оброка населением некоторых долин, где знахари-хакимы выплавляли его из жуткого живого сырья, а особый пристав Каратагского бека собирал для двора эмира. Таким очагом был, в частности, кишлак Хакими в Каратагской долине, которая долго оставалась питомником "диких людей". Название лекарства составилось из иранского "мум" (жир, воск) и тибетского "ми-е" (дикий человек): "му-мие", арабы в середине века продавали и в Европе соответствующее лекарство, а в Египте слово "мумия" стало обозначать бальзамирование. Цвет же, красящие свойства этого препарата дали название краске - "мумия". Ради одного этого стоило поехать бросить взгляд на долину бегущей с Гиссарского хребта р.Каратаг-дарьи, на развалины поселка Хакими ("Лекари").

Но я выбрал этот маршрут далеко не только по путевке Г.К.Синявского. Еще раньше на то же самое место указал геолог Б.М.Здорик. К одинокому костру его проводника однажды в боковом ущелье Дузах-доро из темноты вынырнул было волосатый гоминоид. По описанию, он "не отличается от того, что известно о гималайских йе-ти". А вскоре знакомство приключилось и самому Б.М.Здорику, - правда, не в Гиссарском хребте, а между Дарвазским и хребтом Петра Первого. Дело было в 1934 г. Он пробирался с проводником-таджиком по горному плато сквозь заросли альпийской дикой гречихи. На сурчиной тропинке повстречались пятна крови и клочки шерсти сурка, на открывшемся же среди помятой травы участке земля была кем-то разрыта. "А прямо под моими ноами, на кучке свежевырытой земли, лежало и спало на брюхе непонятное существо, вытянувшись во весь рост, то есть примерно метра на полтора. Голову и передние конечности я не смог хорошо рассмотреть: их закрывал от меня куст завядшей дикой гречихи. Я успел заметить ноги с черными голыми ступнями, слишком длинные и стройные, чтобы это мог быть медведь, и спину, слишком плоскую для медведя. Все тело животного было покрыто лохматой шерстью, более похожей на шерсть яка, чем на пушистый мех медведя. Цвет шерсти был буровато-рыжий, более рыжий, чем мне приходилось когда-либо видеть у медведя. Бока зверя медленно и ритмично поднимались во сне. Я замер от неожиданности и в недоумении оглянулся на следовавшего вплотную за мной таджика. Тот остолбенел, с лицом бледным, как полотно, дернул меня молча за

рукав и знаком пригласил немедленно бежать. Вряд ли когда-нибудь еще я видел выражение такого ужаса на лице человека. Страх моего спутника передался и мне, и мы оба, не помня себя, без оглядки побежали по сурчиной тропинке, путаясь и падая в высокой траве". Местные таджики объяснили Б.М.Здорику, что он натолкнулся на спящего дэва. Их тут считают не нечистой силой, а просто зверями, наряду с кабаном, медведем, красным волком, дикобразом, шакалом и гиеной. В ближних горах живет несколько семей этих дэвов: мужчины, женщины, дети. Ходят на двух ногах, голова и тело покрыты волосами бурого цвета. Одного взрослого дэва, забравшегося полакомиться на мельницу, поймали живьем, два месяца держали на цепи, кормя сырым мясом и ячменными лепешками. Потом он порвал цепь и убежал. Вреда они, как правило, не приносят. Но встретить их - дурная примета.

Плодотворно поработал для нашей комиссии молодой активист в городе Душанбе В.А.Ходунов. Он вгрызся в тему. Из сумбура и вороха опросов населения стала вырисовываться топография наблюдений реликтовых гоминоидов в горном Таджикистане. В 1960 г. в окрестностях одного кишлака бродило целое стадо гулей, а в морозы и многоснежье три гуля, подойдя к кишлаку, с жадностью пожирали отбросы на глазах у жителей. Но их сгоняет с гор только крайняя бескормица. Особенно много сведений в Кулябской области.

Однако самое главное - свежие сведения и наблюдения в пользу того, что долина Каратаг-дарьи и окрестности Искандер-Куля еще остаются в слабой мере местом размножения диких людей, где их детеныши проводят самый ранний период жизни. Одного из них недавно даже рассматривали в сумке русского охотника Насадского, который с собаками нашел его в гнезде под кустом; потом в семье охотника найденыша долго выкармливали молоком и сырым мясом, пока тот не исчез (полагают, что продан).

В начале июля 1961 г. из кишлака Шахринау тронулась наша импровизированная экспедиция: впереди - навьюченный ишак, погоняемый проводником Тура Бобоевым, за ними пешком мои спутники - А.И.Казаков и зоолог С.А.Саид-Алиев, а замыкающим - я верхом на лошади. Громоздятся над и под тропой корявые кручи. Пробираемся медленно. Местами надолго разбиваем наши две палатки.

В пути ведем расспросы о мумие и его поставках эмиру Бухарскому. А в одном кишлаке от седобородого статного муллы получили в дар три драгоценных кусочка этого зелья (которое позже попало на анализ к московским химикам). Главная же моя задача состояла в том, чтобы познакомиться с природ-

ными условиями Каратагской долины. Побывали мы, например, в ущелье Дузах-дара, на которое указывали Г.К.Синявский, Б.М.Здорик и местные чабаны, как на убежище одами-явои (диких людей). И в самом деле - почти замкнутое, густо заросшее ущелье; превеликое множество алычи, есть яблоки, шиповник, орех, миндаль, боярышник, ежевика, много чухры (ревеня); в текущей по дну ущелья речке есть зеленые жабы, рыбки. В верхней части ущелья водятся медведь, кабан, рысь, волк, куница, лисица, барсук, дикобраз. А боковые саи заби- ты такой густой и буйной растительностью, что никакой тех- ники не хватило бы сквозь нее пробиться. Посетили мы и дру- гие боковые ущелья - Тимур, Янгоклик - и лежащие в них гор- ные озера. Левый берег озера Парьен-Куль, где молва отмеча- ет давнее обитание семьи диких людей, оказался сказочно богатым и растительностью и норами сурков, к тому же изолированным от людей с одной стороны буйствующей рекой, а с другой - высокой грядой не имеющих перевалов гор. За исчерпанием времени и запасов мы не вышли на противоположный склон Гиссарского хребта, хотя к окрестностям озера Искандер-Куль тянут собранные сведения о семьях диких людей.

С точки зрения выяснения природной среды разведка дала вполне положительный прогноз: условия для обитания реликтовых (пережиточных) палеоантропов благоприятны. Еще за два года до нее, а тем более по возвращении я пробовал сначала в Душанбе, позже в Ташкенте поинтересоваться в научных учреждениях тайной мумие. Но при всякой попытке прикосновения она уходила куда-то на дно. В древних иранских сочинениях удалось вызнать, что лекарство это бывало двоякого рода, вернее, одним именем называли два разных снадобья. Одно особыми приемами изготовляли из дико- го человека, другое - суррогат - собирали в скалах и пеще- рах. Но мои наезды и письма вызвали странный поворот собы- тий. Сначала знатоки народной и табибской медицины вопреки очевидности заверяли меня, что ничего и не слышали о мумие. А через пару лет, как кость, было выброшено публике шумное открытие: в горах Узбекистана и Таджикистана обнаружено целебное минеральное вещество, именуемое мумие. Его лечебные качества были эксперементально проверены. Впрочем, скоро я узнал, что химикам и геологам это видоизменение нефти - альгариты, отдаленное подобие горного воска, - озокерита, - хорошо известно. Да меня этот вид мумие и не интересовал ничуть. Разве лишь в том аспекте, что его сенсационно рассекретили какие-то недостижимые для меня круги, тем самым отводившие от следа к более священному лекарству.

Древние рукописи по восточной медицине со временем расскажут историю подлинного мумие полнее, чем узнал я. Но уже удается выделить три этапа, три школы: древнетибетская медицина, средневековая персидская медицина, арабская медицина. Во всем этом важно, пожалуй, одно: раз промышляли лекарством, значит умели промыслить и сырье - живых или мертвых ми-е.

А вот совсем другое детективное происшествие - шахматный ход, сделанный невидимой рукой. В январе 1962 г. мне позвонили: на Памире, близ афганской границы, убито что-то, может быть снежный человек, может быть обезьяна; труп доставлен в Душанбе. В тот же день мы с Я.К.Голованoвым вылетели в столицу Таджикистана. Труп находился на противочумной станции, со всеми положенными предосторожностями мы были допущены. Это был довольно крупного размера макака-резус, самец. Следы от ошейника и состояние ладоней говорят, что он попал сюда из неволи. Кто, с какой целью завез его сюда и тайно выпустил? Никакой инфекции не обнаружилось. Приходит на ум: какие-то люди думали так пресечь интерес к снежному человеку. Смотрите - просто обезьяна! Я, может быть, и стал бы предметом насмешек, если бы счастливо не оказался сам первым экспертом и не сказал корреспондентам: "Нет ничего общего - это не снежный человек".

Но мои личные экскурсии в Среднюю Азию лишь несколько обогатили то обобщение, которое складывалось у всех нас на основе разнообразных показаний и раздумий над картой. "Была поймана самка с детенышем, детеныша убили, а самку мулла велел отпустить". "Мулла запретил убить". "Мулла велел не рассказывать". Таких заметок скопилось много. Да и вся опросная работа в разных районах укрепляла представление, что на нашем пути стоит невидимое препятствие. Реликтовый гоминоид окружен старинными поверьями и суеверными страхами, даже страхом упоминания и рассказа. А все это опирается на инструктаж, идущий от мусульманского духовенства. В Душанбе я дважды нападал на след книг, содержащих сведения о диком человеке, но обладатели их, муллы, отказали моим ходатаям, причем один из них объяснил: "Этого неверные не должны знать".

Когда мы накладываем на этнографическую карту всю массу собранных сведений о реликтовых гоминоидах, видим: это преимущественно области, где среди населения распространены одна из трех вер - мусульманство, ламаизм, шаманизм. Есть и районы локальных "языческих" культов.

Так окреп вывод: в последние тысячелетия и века реликтовые неандертальцы сохранились в общем лишь там, где они оказались

под некоторой защитой религий и верований. Есть сведения, что руководство ламаистской церкви особым актом запретило трогать оставшихся ми-ге. Мусульманство, распространявшееся некогда в борьбе с зороастризмом, логикой вещей оказалось опекуном дэвов: сложились запреты и предписания верующим по отношению к этим подобиям человека, к этим смертным материальным "духам".

Но если бесконечно чуждые науке верования сохранили для нее кое-где на Земле бесценные реликты неандертальцев, то они же стоят ныне, как барьер, на пути исследования. Эту главу я закончу обращением к рассудку верующих мусульман нашей страны. Тайна волосатых бессловесных человекоподобных шайтанов не принадлежит к основам мусульманского вероучения. Она уже разгадана - хотя бы в общих чертах. Пришла пора расскрыть науке те знания, в которых она нуждается, отдать ей древний секрет Востока.

10. РУКОЙ ПОДАТЬ.

Первые вести с Кавказа, достигшие нас, ужасно смутили. Еще сильны были представления, внушенные гималайскими поисками снежного человека. Неизмеримые пространства голых скал и льдов. И вдруг истоптанный туристами, засиженный курортникам, такой одомашненный и приручeнный Кавказ! Ассимилироваться в этой новой ситуации - значило перейти в следующий класс.

Еще во время Памирской экспедиции 1958 года "Комсомольская правда" переслала мне несколько откликов, сперва показалось, чуть ли не компрометирующих мою статью об алмасах в Монголии: и у нас, и у нас водятся такие существа! - как ни в чем не бывало писали из Кабарды крае- вед П.П.Болычев, собиратели аналогичных сведений Р.Д.Варка- сов, Ю.Н.Ережиков, Е.Г.Тхагапсоев. Удивительно, что и название-то зверь носил на Кавказе такое же, как в далекой Монголии, впрочем, как и в Таджикистане. Наша комиссия попросила профессора А.А.Машковцева разгрызть этот кавказский парадокс. Он засел за книги и за письма. Позже совершил и рекогносцировочные выезды. Его разыскания подстилают всю нашу кавказскую одиссею.

Зоолог Константин Алексеевич Сатунин прославился изучением фауны Кавказа. Им были открыты и описаны шесть родов, шестьдесят видов, более сорока подвидов неизвестных ранее животных Кавказа, преимущественно позвоночных. Но один вид он описал только в форме путевого очерка, а не официальной зоологической заявки, так как не имел возможности препарировать его на своем рабочем столе. Очерк называется: "Биабан-гули". Да, опять перекличка названий: ведь это то же самое, что памирский гульбияван. Очерк опубликован в 1899 году. Поздно вечером К.А.Сатунин с проводниками пробирался безлюдным лесом в болотистых предгорьях Талышского хребта. Это - самая южная часть Азербайджана. Галлюцинация исключена, - подчеркивает этот первоклассный наблюдатель природы: лошади испугались и встали; и он сам, и проводники ясно видели то же самое - пересекшую путь и поляну фигуру дикого человека, по-видимо- му женщины. Только на привале удалось зоологу вызнать мест- ные сведения об обитающих в Талышских горах мохнатых бессловесных людях.

В наши дни там же по давнему сигналу К.А.Сатунина ведет рекогносцировочный сбор сведений профессор Н.И.Бурчак-

Абрамович. Сделаны сотни записей наблюдений населения. К осени эти дикие волосатые люди - гулейбаны (самцы) и вильможин (самки) - появляются вблизи селений - на бахчах, в садах; летом они придерживаются речек, изобилующих рыбой, лягушками, крабами. Ряд охотников описывает их следы зимой на снегу. Но исследователь упирается в невидимый занавес: древний обычай запрещает здешним охотникам убивать диких людей, а народность таты, по некоторым сведениям, убивает их иногда для жертвоприношений в своих священных капищах, но тем более держит в секрете места обитания живых особей.

Но вот случай из тех мест, не подернутый ни тайной, ни святостью. Его сообщил сотрудник азербайджанской милиции капитан Белалов. Был в районном отделении милиции старшина Рамазан, человек честный и дисциплинированный. Однажды летом 1947 года старшина возвращался домой с наряда поздно вечером, при полной луне. Не доходя своего селения перешел мостик, и тут из тени деревьев выпрыгнуло громадное лохматое существо, сильно обхватило его и отнесло к подножию дерева. "Там находилось второе подобное существо. Оба они издавли странные нечленораздельные звуки и с любопытством принялись разглядывать и ощупывать старшину, причем особое внимание привлекали его лицо и блестящие пуговицы на милицейском кителе. Старшина был настолько испуган, что даже забыл о наличии оружия, но все же сознания не потерял. Он видел перед собой, как он говорит, двух огромных диких людей, мужчину и женщину, без одежды, покрытых густым волосом темного цвета. Женщина была немного меньше мужчины. У нее были сильно свисающие груди и длиные волосы на голове. У обоих на лицах волос не было, но лица были очень страшные, кожа на них была темная и похожи они были на лица обезьян. Старшина лежал неподвижно, видя эту пару при свете луны, когда же начинал шевелиться, самец угрожающе рычал. К концу ночи стало еще страшнее. Как только самка начинала трогать старшину, самец рычал и отталкивал ее. Когда же самец набрасывался на старшину, самка рычала и отталкивала его от лежащего. Один раз они даже подрались. Когда начался рассвет, оба человекообразных существа ушли в лес, а потрясенный старшина, так и не взявшийся за пистолет, пролежал еще немного и побежал домой. Переболев, через десять дней он доложил всю эту историю очень обстоятельно, и было очевидно, что все это он действительно испытал".

Другой очаг, кишащий сведениями, обнаружился в той части Главного Кавказского хребта, где сходятся границы северного Азербайджана, Грузии и Дагестана. Отсюда достигли нашего

слуха особенно разительные известия, сюда же устремились первые, еще неопытные разведчики новой тайны Кавказа. Заметим, что в этой географической зоне много мусульманского населения.

В комиссию по изучению вопроса о снежном человеке при Академии наук СССР позвонил подполковник медицинской службы врач-невропатолог В.С.Карапетян. Вот уже семнадцать лет, - сказал он, - я не могу понять того, что однажды видел, но может быть, это имеет отношение к теме ваших занятий и как-нибудь пригодится советской науке. Мы пригласили В.С.Карапетяна, его воспоминание стало протоколом. Дело было зимой 1941 года - в суровое военное время. Стрелковый батальон, где служил В.С.Карапетян, оказался вблизи высокогорного дагестанскоо аула. За врачом оттуда прислали местные власти: выловили в снегах безмолвного, покрытого шкурой мужчину. Врача просили только ответить, натуральная ли на нем шкура, не маскировка ли. В теплом помещении находиться не мог - слабел от пота. Держали в холодном сарае. "Человек, которого я увидел, - как сейчас перед моими глазами. Мужского пола, голый, босой. Все его формы были человеческие, но на груди, спине и плечах тело было покрыто пушистыми волосами темно-коричневого цвета. Ниже груди шерсть была более тонкая и нежная. Кисти рук - грубоватые, с редкими волосами, ладони и подошвы ног - без волос. Напротив, на голове волосы очень длинные, до плеч, отчасти закрывавшие также и лоб; на ощупь волосы на голове оказались очень жесткими. Бороды и усов не было, на всем лице - легкая волосатость... Стоял как богатырь, - мощно выставив развитую могучую грудную клетку. На руках очень толстые, крепкие пальцы, необычно большого размера... Цвет лица был необычно темный, нечеловеческий. Брови - очень густые. Под ними глубоко впавшие глаза". Но взгляд - ничего не говорящий, пустой, чисто животный. Никаких человеческих реакций. Мычащие звуки под нос. На груди, шее и особенно на лице - множество вшей, причем безусловно не принадлежащих ни к одному из трех видов, паразитирующих на человеке. В.С.Карапетян после осмотра никогда больше не слышал об этом диком человеке. Судя по всему, он был признан симулянтом, то есть скрывающимся преступником.

В течение ряда лет мы делали тщетные усилия хоть с чем-нибудь связать эту нитку. И вдруг - случайный рассказ одного осетина, который никогда о сообщении Карапетяна не слыхал. Его покойный друг Цакоев не раз делился странным воспоминанием военного времени: в 1941 году был он, дескать, в Дагестане начальником одной из патрульных групп по

задержанию дезертиров. По следу настигли близ леса волосатого человека без одежды с кочаном капусты под мышкой, он почему-то не оказал сопротивления, но и не говорил. Привели в аул, вызвали для осмотра врача из ближнего военного лагеря.

Конечно, никакой надежды найти скелет.

В 1957 году госохотоинспектор Дагестанской АССР В.К.Леонтьев, обследуя территорию Гутанского заповедника, поздно вечером) в августе, сидя у костра, увидел поднимавшегося по снежному склону на расстоянии не более 50-60 метров от него огромного дикого человека, более двух метров роста. В.К.Леоньев смотрел на него минут 5-7, пока тот пересекал снежник, затем попробовал подранить в ноги, но промахулся, и тот с невероятной быстротой побежал вверх по склону, тщетно преследуемый еще несколько минут госохотоинспектором. Все тело животного было покрыто волосами темно-бурого цвета, но менее густыми и длинными, чем у медведя. На голове волосы были длиннее и темнее. В короткое мгновение, когда зверь обернулся на выстрел, можно было разгледеть, что это не удлиненная звериная морда, а плоская, как лицо человека. Он был сильно сгорблен, весьма сутулился, а ноги показались немного кривыми и очень массивными. В.К.Леонтьеву посчастливилось видеть и зарисовать самый свежий след реликтового неандертальца - давностью всего в несколько минут. Концы пальцев были сильно вдавлены в снег - животное шло на подогнутых пальцах, словно втыкая их в снежный покров. Все пальцы были заметно раздвинуты, особенно сильно отодвинут первый палец. Поднимаясь по склону, животное опиралось не на всю ступню, а как бы на носках. Подошва, по-видимому, покрыта толстой и грубой кожей, испещренной наростами и морщинами; следов когтей не замечено. Очень интересно и детальное описание В.К.Леонтьевым крика, изданного этим палеоантропом незадолго до встречи. В.К.Леонтьев в присланном отчете поставил свое личное наблюдение в тесную связь с опросными данными, собранными у населения. Впрочем, и здесь поперек пути исследования стоит обет молчания о вещах такого сорта, укрепляемый мусульманским духовенством.

Но вот показание эмансипированного дагестанца - ветеринарного врача Рамазана Омарова, заведущего зооветпунктом. 20 августа 1959 года спускался он горной тропой. Было около восьми часов вечера, видимость отличная. Глядь, снизу по тропе движется какое-то животное, решил, что медведь, и спрятался за кустарник. "Животное, которое, оказывается, сначало сидело, поднялось и пошло на двух ногах по направлению ко мне. Оно было похоже одновременно и на

человека, и на обезьяну. Я еще с детства слышал рассказы о каптаре, но не верил им. И вот теперь сам увидел. Шерсть длинная, черная, как у козы. Шеи словно нет - прямо на плечах голова. С головы свисают длинные волосы. Каптар приближался ко мне, шел мимо меня. Это был мужчина. Голова длинная, заостренная кверху. Длинными, чуть ли не до колен, руками он размахивал при ходьбе, и руки болтались, как привинченные. Отойдя метров двести от меня, страное существо пересекло тропу и тут же опять присело. Сидело на корточках две-три минуты, касаясь земли руками. Поднявшись, каптар направился к кустарнику в гору очень быстро, делая такие длинные шаги, какими человек не может подниматься в гору. Шел прямо, только слегка наклонив вперед плечи. Хвоста нет".

Первые исследователи проблемы снежного человека на Кавказе обыскали в 1959 и 1960 годах прилегающие районы, особенно по ту сторону Главного Кавказского хребта, то есть Закатальский и Белоканский районы Азербайджанской ССР, Лагодехский район Грузинской ССР. Одну из первых рекогносцировок сделал в Закатальском и Лагодехском заповедниках действительный член Географического общества С.М.Лукомский. От пастухов и других лиц он услышал о недавних встречах с самцами и самками каптаров. Вот тонкие детали: пастух Мало-Магом, мимо которого самка прошла совсем близко, среди прочих уже хорошо знакомых нам отличий, заметил, что пальцы на руках плотнее сжаты между собой, чем на человеческой кисти; надбровья сильно выступают, глаза сидят глубоко; рот широкий, губы тонкие. Но один из опрашиваемых особено удивил С.М.Лукомского: "Зачем расспрашиваешь, когда все о каптаре написано и вид его изображен в книге на арабском языке, которая имеется в нашем ауле?". Он предложил проводить путника к хозяину этой книги, вероятно, мулле, но С.М.Лукомский не мог бы понять арабского текста, ни даже списать заглавие; да и не показали бы ему.

Преподаватель кафедры этнографии и антропологии Киевского университета Юрий Иванович Мережинский был самозабвенным и яростным добытчиком знаний о кавказских реликтовых гоминоидах на первом этапе исследования, пока смерть не потушила его пламя. С группой студентов он вторгся в быт высокогорных аулов, разыскивая новых и новых очевидцев, расспрашивая встречных и поперечных даже на дорогах и базарах. Его нетерпеливые розыски навсегда оставили след в нашей эпопее на Кавказе. Ему же довелось стать и первым среди нас непосредственным наблюдателем живого каптара. Разыскал он опытнейшего ночного охотника на кабанов в Белоканах, который

несколько раз встречал белого каптара. Видимо, речь идет о группе альбиносов, обитающих в этом районе, рассказы о которых обильны (попутно: совершенно белые особи отмечены в разных частях нашей карты, - очевидно, это - мутация, присущая данному виду). Старик согласился привести Ю.И.Мережинского на ночную засидку, где тот увидит каптара, при категорическом условии, что он будет не стрелять, а только фотографировать. Хаджи Магома хотел посрамить тех, кто не верил его рассказам: один человек видел, другой видел - остальные не верят (позже пояснял он лично мне), а карточку тысяча человек увидит, все увидят. В,Ю.Мережинский прибыл в условленном месяце в сопровождении двух спутников, в том числе Ж.И.Кофман. Безудержное желание самому тоже одним махом избавиться от насмешек толкнуло его на ошибочный поступок: он припрятал в кармане револьвер. 18 сентября 1959 года полнолунной ночью Хаджи Магома вывел группу на берег заросшей кустарником речушки и рассадил по двое, выбрав себе и Ю.И.Мережинскому удобную позицию, с которой видна была лужайка у речки. Он был совершенно уверен в точности расчета. И в самом деле, сравнительно скоро в ночной тишине Ю.И.Мережинский, по его словам, услышал плесканье подошедшего на купание каптара, а затем каптар на четвереньках и сам выбрался на берег. Когда он поднялся на ноги, он оказался необычайно худощавым, с тонкими конечностями, с головы до ног покрытыми мокрыми, совершенно белыми волосами. И тут купальщик издал звуки, напоминавшие отрывистый человеческий смех, вроде "хе-хе-хе". Хаджи Магома шепнул "снимай". Грянул нелепый выстрел. Руки Ю.И.Мережинского дрожали, он не владел собой. Он услышал только громкое шлепанье по воде стремительно убегавшего животного. "Зачем стрелял, зачем стрелял!" - кричал старик. Подбежавшая Ж.И.Кофман увидела Ю.И.Мережинского в состоянии крайнего волнения, пот струился по его лицу.

Никогда позже Хаджи Магома не водил любопытных на засидку.

Дальше главная инициатива опросных работ в этих районах перешла к Ж.И.Кофман. Одержимая приоткрывшимся чудом, гонимая Колумбовой страстью, она исходила и излазала в течение трех летних сезонов селения в долине реки Алазань и по склонам Главного Кавказского хребта в Северном Азербайджане. Она научилась склонять к признаниям неговорливых горцев.

Вот к примеру рассказ рабочего гидростанции Лативова, 32-х лет, азербайджанца, записанный в Нухинском райкоме партии после беседы с участием двух работников райкома - врача Кулиевой и зоотехника Ахабова. В марте 1959 года он поехал в

лес за дровами и, оставив лошадь, стал взбираться по горному склону. А навстречу, прямо на него, спускался покрытый волосами человек, без всякой одежды, среднего роста, с мощным торсом и руками. Они почти уперлись друг в друга и долго стояли. Лативов успел рассмотреть крупные пальцы и широкие длинные ногти, густые волосы на ногах, просвечивающую черную кожу на лице, длинную, невьющуюся шерсть на груди и плечах, а когда встречный стал наконец уходить, то разглядел, что на ягодицах волосы значительно реже и просвечивает темная кожа. Спутанные волосы на голове свешивались на плечи и отчасти на лицо. Волосатое существо через короткое время вернулось снова, на этот раз надвигаясь быстро, и Лативов влез по стволу на невысокое дерево (судя по разным наблюдениям, реликтовые палеоантропы, в силу строения кисти не могут вскарабкиваться на гладкий ствол). "Волосатый человек подошел к дереву и стоял там на одном месте, наверное, около двух часов, - у меня онемели руки держаться за ветви. Иногда он резким движением складывал кисти, просовывая пальцы друг в друга, и сложенные таким образом кисти забрасывал себе на голову, причем волосы ерошились еще больше. При этом он оскаливал зубы, но ни разу не издал ни единого звука. Потом он повернулся и ушел, на этот раз в сторону обрыва, к речке... Никогда раньше я не слыхал о таком существе и не знаю что это такое и как это называется. Если бы не шерсть и длинные ногти, можно было бы сказать, что это точно человек".

И понемногу записи разрозненных рассказов о встречах каптаров или меше-адамов стали сковываться в цепи, в серии. За ними прочерчивалась сложная биология вида. Каждая новая черта ее была удивительна, подчас головоломна.

В том же районе проходил свою выучку в этом неслыханно новом деле и профессор Н.И.Бурчак-Абрамович со своим ассистентом Ф.Ахундовым. Кроме сбора рассказов они здесь сделали зарисовки и слепки следов.

В октябре 1960 годя и я нагрянул с короткой инспекцией в это важный очаг исследований. Мне хотелось увидеть и типы ландшафтов, и типы информаторов. Вместе с Ж.И.Кофман мы побывали в нескольких местах. Величественный охотник Хаджи Магома оставил впечатление человека сложного, глубоко пропитанного духом и традициями мусульманского Востока. Но вот мы ночуем в доме открытого и простого тридцатилетнего плотника Мамеда Омаровича Алибекова, имеющего репутацию лучшего охотника района, человека честного и смелого. Он сообщил ранее по отдельности Ж.И.Кофман и Н.И.Бурчак-Абрамовичу о своей встрече с каптаром в 1956 году на речке близ

своего селения Куллар. Я не подал виду, что знаю записи его рассказов. Совпадение деталей и в этом третьем воспроизведении было полнейшим и потому убедительным. Затем мы были с ним в лесу. В том самом месте, где произошла встреча, М.О.Алибеков показал соответствующие камни и деревья, а жестами и мимикой старался воспроизвести все особенности поведения каптара. М.О.Алибеков также и карандашем на бумаге рисовал виденного каптара - хоть технически беспомощно, но старательно. Он объяснял мне, что все кругом неохотно дают сведения о каптарах, так как этому препятствуют религиозные предрассудки, от которых он, один из немногих во всей округе, свободен. Очень любопытные слова сказал он Ж.И.Кофман: "Я всегда думал, что государство знает о каптаре. Ведь люди об этом открыто говорили: кто, когда видел; раньше об этом много было разговоров. Разве я мог подумать, что государство и наука об этом не знают! Я был уверен, что о каптаре все знают, как знают о медведе, кабане, туре и о других зверях. Я думал что давно он уже есть в музеях и зоопарках".

Но вот пример обратного отношения к нашим опросам, и на этот раз не по религиозным мотивам. В Лагодехе мы были гостями в доме знаменитого охотника Габро Элиашвили. Заранее, от нескольких лиц порознь, мы знали, что Элиашвили рассказывал им (с одинаковыми подробностями) свои наблюдения диких людей в условиях ночных охотничьих засидок. Мало того, с его слов передавали, что он лично застрелил двух таких ткис-каци и закопал их, а сын его - одного. Но нам гостеприимный хозяин с удивленным лицом ответил, что он в жизни не слышал даже о ткис-каци - диких волосатых людях. Что связало его уста?

Не забыть и беседы там же на районном слете охотников. Оказалось, что следы барса и самого его видело еще меньше участников, чем следы ткис-каци и его во плоти. Эти охотники промышляли преимущественно в соседних азербайджанских и дагестанских лесах. С территории Восточной Грузии в дальнейшем получены сообщения об отдельных бродячих особях. Из Сванетии - более обширная информация.

В Абхазии этих гоминоидов называют очокочи (по-мингрельски) и абнауаю (по-абхазски). По многочисленным преданиям, абхазцам при заселении края пришлось изгонять и истреблять их. Но записаны и недавние рассказы об отстреле их охотниками, о поимках и приручении, о случайных встречах. Собираяъ эти сведения профессор А.А.Машковцев в 1962 году услышал и принялся исследовать историю Заны. Позже я продолжил эту работу - волнующее прикосновение к совсем

живой старине.

Зана - это пойманная и приученная женщина-абнауаю, которая жила, умерла и похоронена в селении Тхина Очамчирского района на памяти некоторого числа живых людей.

Похоронили ее в 80-90-х годах прошлого века, но среди жителей селения и окресностей более десятка были при этом, а иные, те, кому свыше восьмидесяти, тем более - за сто, знали Зану длительно и многое могли извлечь из своей памяти. Особенно подробно описал Зану Ламшацв Сабекиа (около 105 лет), а также его сестра, Дигва Сабекиа (свыше 80 лет), Нестор Сабекиа (около 120 лет), Куона Кукунаа (около 120 лет), Алыкса Цвижба (около 130 лет), Шамба (около 100 лет). Пожалуй, нет в окрестностях дома, где не сохранились бы семейные воспоминания о Зане. Вот выжимка из всех сведенных вместе записей.

Дата и место поимки Заны темны. Согласно одному варианту, ее поймали в горных лесах Заадан, согласно другому - близ морского побережья нынешнего Очамчирского района или еще южнее - нынешней Аджарии. В пользу Аджарии говорит кличка "Зана", - что схоже с грузинским "занги" - темнокожий, негр. Настигли ее не случайно, а ловцы, знавшие стародавний прием. Когда ее связывали, Зана яростно сопротивлялась, ее колотили дубинками, забили рот войлоком, надели на ноги бревно-колодку. Возможно, ее перепродавали, прежде чем она оказалась в собственности владетельного князя Д.М.Ачба в Зааданских лесах. Потом пленница попала к его вассалу Х.Челокуа. Еще позже ее получил в подарок приезжавший в город дворянин Эдги Генаба, который отвез ее связанную в свою усадьбу в селении Тхина, что на реке Мокви в 78 км от Сухуми. Дата неизвестна. Но с этого рубежа сведения местных информаторов становятся конкретными.

Сначала Генаба поместил Зану в очень крепкий загон из вертикальных бревен. Пищу ей спускали туда не входя, так как она вела себя как дикий зверь. Зана вырыла себе в полу яму и в ней спала. В таком совершенно диком состоянии она оставалась первые три года. Но понемногу приручалась и ее перевели в плетенную ограду под навесом в стороне от дома, где сперва содержали на привязи, позже отпускали уже и на волю. Она не уходила далеко от мест, где приучилась получать пищу. В теплом помещении жить не могла, круглый год оставалась в любую погоду во дворе под навесом, где снова вырыла себе яму или нору для спанья. Любопытные селяне подходили к ограде, тормошили абнауаю палками, которые она иногда с яростью вырывала. Детей и домашних животных гоняла от себя, бросая в них камни и

палки.

Кожа абнауаю была черной или темно-серой, все тело ее с ног до головы и особенно обильно в нижней части было покрыто черно-рыжеватыми волосами, они были местами длиной в ширину ладони, но не очень густы. У ступней волосы почти исчезали. Ладони были вовсе без волос. На лице они были совсем редкие, небольшие. Зато на голове, как папаха, возвышалась беспорядочная свалявшаяся копна совершенно черных, жестких, блестящих волос, гривой спускавшихся на плечи и спину.

Как все абнауаю Зана не имела человеческой речи. За десятки прожитых тут лет не научилась произносить ни одного абхазского слова. Могла лишь бормотать, издавать нечленораздельные звуки, а в разражении непонятные выкрики. Слух у нее был острый, шла на свое имя, выполняла кое-какие команды хозяина, побаивалась его окриков.

Абнауаю была очень рослая, массивная, широкая. Непомерно большие груди. Высокий толстый зад. Мускулистые руки и ноги, но голень от колена до лодыжки была странной формы - без всякого утолщения посередине. Пальцы на руках были толще и длинее человеческих. На ногах обладали способностью широко раздвигаться (в том числе, когда она была раздражена), особенно отодвигался большой палец.

Удивительным было лицо Заны. Оно пугало. Широкое, скуластое, с крупными чертами. Плоский нос со вздернутыми большими ноздрями. Выдвинутая вперед нижняя часть лица наподобии рыла. Широкий разрез рта, крупные зубы. Как-то неестественно выступающий затылок. На низком лбу волосы начинались от самых бровей - лохматых, густых. Глаза имели красноватый оттенок. Но самое ужасное: выражение этого лица было не человеческим, а животным. Иногда, хоть и редко, Зана рывком, неожиданно, начинала смеяться, обнажая свои белые зубы. Никто не заметил, чтобы она улыбалась или плакала.

Прожив весьма долгие годы, сначала у Ачбы, затем у Генабы, Зана удивительным образом до старости и смерти физически не менялась: не было у нее седины, не выпадали зубы, сохранила полную силу. А сила и выносливость ее были огромны. Зана могла бежать быстрее лошади. Она переплывала бурную реку Мокви даже в разлив, а в холодном роднике, который до сих пор носит ее имя, купалась летом и зимой. Свободно поднимала одной рукой и несла на голове в гору с мельницы пятипудовый мешок. Неуклюже, как медведь, но свободно влезала на деревья за фруктами. Мощными челюстями ловко грызла грецкие орехи.

Какие странные инстинкты и повадки таил ее организм! Чтобы полакомиться виноградом, сдергивала на землю целую

лозу, увившуюся на высокое дерево. С буйволами ложилась прохладиться в воду источника. По ночам нередко уходила бродить по окрестным холмам. От собак и при иной необходимости применяла огромные палки. Странно любила что-нибудь делать с камнями: стукала друг о друга, разбивала их. Уж не ею ли был обит остроконечник мустьерского типа, какие делали ископаемые неандертальцы, найденный в 1962 году А.А.Машковцевым на холме, где бродила Зана? Пока надлежит допустить, что это простое совпадение.

У людей Зана смогла научиться очень немногому. Она осталась лишь полуприрученной. И зимой она предпочитала оставаться голой, какой ее выловили в лесу. Надеваемые на нее платья рвала в лохмотья. Однако к набедренной повязке ее отчасти приучили. Кто-то из прежних владельцев сделал ей тавро на щеке и дыры в мочках. В дом иногда входила и даже ее подзывали к столу, но в общем слушалась она только хозяина - Эдги Генабу, а женщины ее боялись, и приближались, только когда она была в хорошем настроении. В раздражении и ярости Зана была страшна, кусалась. Хозяин умел ее успокоить. На детей не нападала, но пугала, и детей в округе стращали Заной. Лошади ее боялись. Ела Зана все, что давали, в том числе, мамалыгу, мясо, всегда только руками, с чудовищным обжорством. От вина приходила в хорошее настроение, затем засыпала обморочным сном. Спала Зана всегда в яме, ничем не прикрывалась, но любила закапываться в теплую золу от потухшего костра. Самое главное, чему Зану удалось научить: она могла высекать огонь из кремня на трут-лишайник и раздувать - это было так похоже на врожденное стуканье камнем о камень. Но дальше этого ее трудовое воспитание в сущности не пошло. Ее лишь выдрессировали выполнять несложнве приказы словом или жестом: вертеть ручные жернова, принести воду из источника в кувшине, снести на водяную мельницу к реке и принести оттуда мешки, снять хозяину сапоги. Вот и все. Старались научить ее сажать овощи и другие растения, но она подражала показу бессмысленно и сама портила все, что сделает. В седле никак не могла удержаться. Как видно, Зана не стала человеком.

Но стала матерью людей, и это - удивительнейшая сторона ее истории. Важная для генетики.

Неоднократно неандерталка беременела от различных мужчин и рожала. Рожала без всякой помощи. Несла полоскать новорожденного в воде, хотя бы и ледяной. Но метисы не выдерживали этого ледяного омовения и погибали. Позже люди начали вовремя отнимать у Заны новорожденных и выкармливать их.

И вот четырежды совершилось чудо: два сына и две дочери Заны выросли людьми - полноценными людьми с речью и разумом, правда, обладавшими физическими и душевными странностями, но все же вполне способными к труду и общественной жизни. Старший сын имел имя Джанда, старшая дочь - Коджанар, вторая дочь - Гамаса (умерла лет сорок назад), младший сын Хвит (умер в 1954 году). Все они в свою очередь имели потомство, расселившееся по разным местам Абхазии. Двоих из внуков Заны - сына и дочь Хвита от ее второго брака с русской - я навестил в 1964 году в г.Ткварчели, где они работают на руднике. Молва утверждает, что отцом Гамасы и Хвита был сам Эдги Генаба. Но их записали при переписи под другой фамилией. Показательно, что Зану похоронили на родовом кладбище семьи Генаба, что этих двух ее младших детей растила жена Эдги Генаба.

Многие жители тех мест хорошо помнят и описывают Гамасу и Хвита. Оба они были люди могучего сложения, с темноватой кожей и некоторыми другими как бы негроидными признаками. Но они почти ничего не унаследовали от Заны из неандертальских черт: доминантным оказался комплекс человеческих признаков, он подавил другую линию наследственности. Это ни в коем случае не были гибриды. Хвита, умершего в возрасте 65-70 лет, односельчане описывали как человека лишь с небольшими отклонениями от нормы. При темной коже и больших губах волосы, в отличие от негроидной расы, были прямые, жесткие. Голова мала по отношению к размерам тела. Хвит сверх всякой меры был наделен физической силой, но нравом несговорчивым, драчливым, буйным. В результате стычек с односельчанами у Хвита была отсечена правая рука. Однако и левой ему хватало, чтобы косить, справляться с колхозной работой, даже лазать по деревьям. Он обладал высоким голосом и хорошо пел. Дважды был женат, оставив троих детей. На старости переселился из сельской местности в Ткварчели, где и умер, а похоронить его привезли обратно в Тхину и погребли близ могилы матери - Заны.

Гамаса, по рассказам, тоже как и брат, была вдвое сильнее людей. Кожа у нее была очень темная, тело волосатое. Лицо было безволосым, однако вокруг рта пробивалась растительность. Гамаса дожила лет до шестидесяти.

С первого моего взгляда на внука и внучку Заны - Шаликуа и Тайю - врезалось впечатление незначительной темноватости кожи, очень смягченной негроидности облика. У Шаликуа необычайно сильные челюстные мышцы, за ним слава: может держать в зубах стул с сидящим человеком и при этом танцевать.

Шаликуа наделен даром подражать голосам всех диких и домашних животных.

В столице Абхазии меня познакомили с человеком, который, пожалуй, один и мог помочь сопоставить народную память о Зане с ее скелетом. Другие отступили перед этой задачей - побоялись недовольства родни, глухой мусульманской традиции тех мест. Вианор Панджевия Пачулиа наполнен жизненной энергией, как дубовый бочонок бродящим вином. Он - директор Абхазского научно-исследовательского института туризма, обожатель и покровитель древностей родного края. И вот в сентябре 1964 года под его эгидой мы с археологом- художником В.С.Орелкиным делаем первую попытку найти могилу Заны. Все заросло, и лишь десятилетний холмик Хвита выделяется меж папоротников на склоне, где с тех пор уж никого не хоронили. Но Зана должна покоиться где-то близ этой могилы. Опрашиваем стариков. Последний отпрыск семьи Генаба 79-летний Кентон настойчиво, даже категорически указывает, где копать - под гранатовым деревом. Заступы рабочих заработали. Нарастало волнение. Сгрудились колхозники, ребята. Небо разверзлось ливнем. Только в Москве извлеченные из воды кости ответили: нет, это еще не могила Заны. Но когда М.М.Герасимов по черепу восстановил профиль молодой покойницы, я был поражен сходством с особенным контуром двух знакомых мне внуков Заны. Да, это почти наверняка была могила одной из давно умерших ее внучек.

Второй заход: в марте 1965 года. Мы снова в Тхине, на этот раз - крепче терзать память тех старцев, кто был на похоронах Заны. Один из них, пока был дома, хвалился, что точно укажет. Доставили его на кладбище на машине. Но все деревья выросли новые: смущенный, топтался он, опираясь на посох, не мог узнать старого кладбища. Поездка дала мало.

Все же в октябре 1965 года мы в третий раз в Тхине в усиленном составе, вместе с профессорами А.А.Машковцевым и М.Г.Абдушелишвили. Из намеченных точек в небольшом радиусе от могилы Хвита старик Кенто Генаба с такой же настойчивостью, как год назад, требует, чтобы копали на этот раз под старой айвой. Снова напряжение, снова непогода, снова неудача. Лицевая часть черепа, увы, была разрушена рабочими. Изучение всех остальных костей доказало, что это ни в коем случае не захоронение Заны. Но опять мы в круге ее семьи: судя по всему, мы потревожили кости Гамасы. Они имеют небольшие, но выразительные неандерталоиднцые отклонения. И айве, выросшей на могиле, когда мы ее специально спилили для датировки, оказалось как раз сорок лет.

А ведь искать останки Заны надо всего в радиусе пяти-семи

метров, на глубине полутора метров. Эта история не кончена. Суждено ли мне завершить ее? Или кому-нибудь другому?

11. КАБАРДИНСКОЕ ОПЫТНОЕ ПОЛЕ.

Вторглась статистика. Все сведения о встречах реликтовых гоминоидов в Северном Азербайджане и в других районах Кавказа под руками Ж.И.Кофман выстраивались в графики: процент встреч по месяцам года, по времени суток, по полу и возрасту. Оказалось, что детенышей очень мало наблюдают на Главном Кавказском хребте, самок - гораздо меньше, чем самцов. Значит, это район блужданий, а очаги размножения где-то в других местах. Предварительные данные по Кабардино-Балкарии сулили, что там эти пропорции будут совсем иными.

Великолепную разведку в Кабардино-Балкарии провел летом 1960 года профессор А.А.Машковцев. Его отчет, насыщенный опросными данными и вносящий во все это сырье начальный биологический порядок, заложил новый дом. Ибо Кабарде суждено было олицетворять иной этап, иной уровень всего исследования. Это пятнышко на карте нашей планеты ныне - место, где полевые исследование проблемы реликтовых неандертальцев, родни откопанного в тех же местах "Подкумского человека", продвинуто дальше, чем где бы то ни было. И этим советская и мировая наука обязана Жанне Иосифовне Кофман. Она перебазировала свою работу в Кабарду с 1962 года.

В натуре Ж.И.Кофман заложен героизм. И она нашла себя. Ныне это первоклассный специалист, притягивающий к себе и вводящий в дело много молодежи. Высок ее огонь и мужественны жертвы. Лестница трудностей и препятствий, которым, кажется, конца не будет, и все-таки железная уверенность в торжестве и даже славе. Каждый год по нескольку месяцев в кабардинских селениях - на своем "Запорожце" и мотоцикле, но без всякой материальной и организационной опоры, всего лишь на правах действительного члена Географического общества. Крепнувший шаг от ориентировки, исполненной сомнений, до обретенного уверенного мастерства и геометрической прогрессии знаний.

Для мировой загадки реликтовых палеоантропов Кабарда - не правило, а исключение. Здесь этот вид животных необычайно прижат к людям, к их домам и насаждениям. Тем самым тип отношений и связей с людьми до крайности своеобразный, пожалуй, схожий с древней стадией, отраженной в фольклоре и мифах. Поверья и религиозные наставления плотно, как брезент, прикрывают от посторонних этих охраняемых и

подкармливаемых шайтанов: кто выдаст хоть одного, обречет себя и поколения потомков на жестокую кару. Но в то же время старая психология сегодня уже настолько расшатана, что терпением и тактом выкачивается изрядная информация.

Кабарда, ставшая антропологической лабораторией, заставила окончательно решать вопрос о доверии к местным людям. Здесь как раз не оказалось ни одного маркирующего наблюдения приезжего ученого или геолога, за которые мы вынуждены цепляться в других местах, прежде чем прислушаться к местным голосам. Работающие в Кабарде отшвырнули посылку наших критиков, будто коренное население обязательно все зачем-то лжет.

Все же для начала вот дань традиции: рассказ старшего зоотехника, русской, члена КПСС Н.Я.Сериковой. Дело было в 1956 году, когда Серикова еще только переехала в Кабарду, в Зольский район, и никаких местных рассказов об алмасты слыхом не слыхала. Снимала квартиру у колхозника. То был вечер, когда у соседей игралась свадьба. Н.Я.Сериковала дремала, затем выходила в сад, снова легла в постель, еще не погасив электричества и оставив дверь во двор открытой. Было часов одиннадцать. "Лежу и вдруг слышу какое-то повизгивание. Я сразу глянула на пол. Ужас! На полу сидело на корточках существо, все волосатое, глаза косые. Существо сидело на корточках, а руки - левая на правом плече, правая - на левом. Смотрело оно на меня таким взглядом, что вот-вот прыгнет ко мне. Я действительно окаменела. Смотрю на него, а оно на меня... Затем у меня вырвалось несколько слов: "Господи, откуда ж ты взялся?" (в бога я никогда не верила). Существо снова взвизгнуло и с такой быстротой прыгнуло в первую комнату, как будто вылетело, дверью стукнуло с такой силой, что мне показалось - дом задрожал. После него в квартире стоял такой запах, что сравнить его ни с каким запахом не могу, какой-то удушливый, кислый. До утра я не могла ни встать, ни пошевелиться. Я думала, что, наверное, есть черти". Лишь утром соседка растолковала, что никакой это не черт, а просто алмасты, что жил алмасты в доме у соседней старухи, а как она умерла, он перешел в дом к Лукману Амшукову и живет у него. Может быть, этот самый, вспугнутый гармонью и шумом, вскочил в комнату, где когда-то уже бывал, но ретировался от звука незнакомой речи. "Каков был алмасты, которого я видела? Рост среднего человека, все тело покрыто волосами, не длинными - 3-4 сантиметра, брови густые, черные, на лице волосы короче и реже, чем на теле... Существо от моих глаз было приблизительно на расстоянии одного метра... О том, что это был алмасты, а не человек, говорят

разрез его глаз, его дикий, звериный взгляд, ни с каким взглядом не сравнимый, его зловонный запах. Сама его фигура не была совсем похожа на человеческую - ноги и руки длиннее, чем у человека... Форма головы была немного продолговатой". Успокоение в душу Н.Я.Сериковой пришло лишь тода, когда пять лет спустя она узнала, что московские исследователи изучают здесь проблему алмасты. "Я много раз беседовала с животноводами на эту тему, и многие, разговорившись, рассказывали, как они видели алмасты или слышали о нем от отцов, дедов и товарищей. Простые люди (чабаны, пастухи), когда уверены в тебе и в твоей искренности, никогда не врут. Люди боятся выдать алмасты, они запуганы муллами и говорят убежденно, что если выдадут одного алмасты, то его сородичи все равно отомстят за своего брата".

И вот шло из месяца в месяц, из сезона в сезон, как ни трудно это в тех краях женщине, медленное завоевание Жанной Иосифовной Кофман доверия и уважения этих простых людей Кабарды. Протокол к протоколу. Их сначала десятки, потом сотни. Выхватим примеры. Не фольклор ли все-таки, не вековечный ли сказочный стандарт?

Х.Х.Жигунов, 46 лет, кабардинец, дозировщик Баксанского кирпичного завода: "...Я решил срезать дорогу и пошел прямо по кукурузному полю. Едва свернув с дороги, примерно в 40 метрах от нее, я наткнулся на останки алмасты, разорванного волками или собаками. На площади диаметром примерно 15 метров вся кукуруза была поломана, повалена, все было истоптано. В середине площадки лежала голова алмасты с остатками шеи. Левая половина шеи была выедена. До этого я не верил в существование алмасты, поэтому я стал разглядывать голову с особым интересом. Взяв палку, я переворачивал ее на все стороны и, сев на корточки, внимательно рассмотрел. Голова была окутана копной очень густых и длинных волос, очень спутанных и склеенных репейником. Форму черепа я из-за этого не разглядел, но по размерам он как человеческий. Лоб немного покатый. Нос маленький, курносый. Переносицы нет, нос как бы вдавленный, как у обезьяны. Скулы выдаются в стороны, как у китайца. Губы не такие как у человека, а тонкие, прямые, как у обезьяны. Зубов я не видел, губы были запечены, их я не открывал. Подбородок не такой, как у человека, а круглый, тяжелый. Уши как у человека. Одно ухо было разорвано, другое - целое. Глаза сильно раскосые, с разрезом вниз. Цвета не знаю - веки были закрыты, я их не открывал. Кожа черная, покрыта темно-каштановыми волосами. Волосы отсутсвуют вокруг глаз и на верхней части щек. На щеках, на ушах - короткие волосы, на шее - более длинные. От головы

шел резкий отвратительный запах. Это был запах не разложения, потому что останки были свежие, не было мух, червей - видно, несколько часов, как его разорвали, кровь только запеклась. Это был запах самого алмасты, настолько отталкивающий, что меня чуть не вырвало. Поэтому я рассматривал голову, зажав нос левой рукой, а правой держал палку. Запах напоминает запах старой грязи, немытого тела, плесени. Невдалеке валялись другие части тела, я видел белеющие кости, покрытые остатками темного мяса, но близко не подошел и не стал смотреть на них".

Вот что рассказал Магил Эльмесов. В 1938-1939 гг. он пас колхозных лошадей в долине Малки, что лежит за седловиной Эльбруса. В ту же долину один пчеловод, русский из-под Нальчика, ежегодно привозил свою пасеку и разбивал палатку. Однажды Магил Эльмесов зашел навестить пасечника и тот рассказал ему, как сатана повадился было воровать мед и продукты и как его прикончили. Пасечник спал не в шалаше, а на особой вышке, а кто-то стал забираться в шалаш и буквально вылизывать всю пищу. Отправился он домой за младшим братом, только что вернувшимся из армии, пасеку же оставил дня на три под присмотром кабардинца из ближайшего селения. Когда вернулись, тот был перепуган: действительно, кто-то по ночам навещал шалаш. На ночь брат с ружьем расположился не на вышке, а в шалаше. За полночь прогремел выстрел дуплетом: сатана сунулся в шалаш и бывалый солдат в него выстрелил. Едва рассвело, они увидели у шалаша кровь. Кровавый след вел в кусты. В каких-нибудь 150 метрах наткнулись на мертвого, скорченного аламасты. Обе пули попали в живот. И вот тут рассказывавший все это пасечник повел Магила Эльмесова показать труп. За семь дней, говорит Магил Эльмесов, он сильно разложился. В кустах лежало существо, очень похожее на человека. Волосатое тело, лицо как у животного несколько вытянуто вперед. Несоразмерно туловищу длинные конечности. Магил Эльмесов запомнил также, что на ладонях волос не было. Что на ногах пальцы очень длинные. Таков был алмасты, которого эти русские по неведению приняли за сатану!

Это - смерти. А вот - рождение.

Хукер Ахаминов, 55 лет, кабардинец, колхозник: "10 августа 1964 года, днем, я косил сено в поле подсолнуха. Местами оставались площадки, не засеянные подсолнухом, на них выросла трава, - вот я и косил. Вдруг я услышал поблизости какой-то звук, не то сопенье, не то фырканье, как собака, когда что-то лезет ей в нос. Я остановился, прислушался. Опять стал косить. Второй раз такой же звук. Я перестал косить. Когда он раздался третий раз, я положил косу и пошел смотреть. Вдруг из травы по направлению

ко мне поднялись две руки, как человеческие, но черные, волосатые, длинные. Особенно длинные пальцы. Я бросился оттуда и влез на арбу, метрах в 8-10 от этого места. Стоя на арбе я увидел человеческую фигуру, которая согнувшись уходила в подсолнухи. Я хорошо рассмотрел только спину. На спине рыжие волосы, как у буйвола, на голове длинные волосы. Когда алмасты ушла, я слез с арбы и вернулся к косе. Тут я услышал писк из того же места. Осторожно подошел, раздвинул траву. На примятом сене, как в гнезде, лежали двое новорожденных. Видно только-только отелилась она. Новорожденные точно как человеческие, только что небольшие - килограмма на два потянут, не больше, а так от человеческих не отличишь. Кожа у них розовая, как у человеческого ребенка, точно такая же головка, ручки, ножки. Не волосатые. Ручками и ножками шевелили. Я побежал оттуда, запряг арбу и вернулся в селение. Рассказал о своей встрече родным, соседям. Через два или три дня я снова вернулся на это место. Там уже никого не было. Вопрос: Почему вы не сообщили об этом никому? Ответ: А кому сообщать-то, зачем?"Вопрос: Разве вы не знали, что это очень интересно, что этим занимаются ученые? Ответ: А кто его знает, что это нужно... Сроду никогда не слышал, что кто-нибудь этим интересовался".

А вот, вероятно, болезнь. Мухамед Пшухов, кабардинец, строитель: "Это было еще до войны, летом. Мы жили тогда в селении Батех, в Зольском районе. Откуда-то в наш огород пришла аламасты и поселилась в нем, в кукурузе. Настелила там разных тряпок, траву. Прожила она у нас неделю. Все время находилась в нашем огороде, кушала зеленую кукурузу. Вся волосатая, на голове длинные волосы. Груди опущены, висят как у женщины, но ниже. Ногти длинные. Глаза раскосые, красные, зубы крупнее, чем у человека. Днем она всегда лежала. Лежит обычно на боку, но все переворачивается, долго в одном положении не лежит. К нам много народу ходило на нее смотреть. Если подойдет близко сразу несколько человек, она беспокоится, садится, кричит, встает, сама себе рвет волосы на голове. Кричит очень громко. Когда успокоится, если человек стоит близко, она тихонько подходит и начинает лизать его, как собака".

Вот встреча лицом к лицу. Абери Татимович Коцев, кабардинец, пастух, не раз слышал от приятеля, что он встречал алмасты в балке Акбечеюко, около Сармакова, что алмасты подходит к кошу, хлеб кушает. В августе 1959 г., когда сам пас там лошадей, попробовал проверить - выложил для приманки хлеб, до двух часов лунной ночи сидел в коше, тщетно ждал. "На следующее утро, часов в семь я поехал верхом вверх по балке

пригнать ушедших за ночь лошадей. Вдруг, при выходе из бурьяна, за поворотом, я внезапно встретился с ним чуть не нос к носу. Он бежал навстречу мелкой рысью." Он остановился, и моя лошадь тоже остановилась, как вкопанная. Стояли мы в 3-4 метрах друг от друга. Ростом небольшой, примерно полтора метра, чуть сутулый. Руки, длиннее чем у человека, доставали до уровня колен. Они были оттопырены от тела, а локти слегка согнуты. Весь покрыт волосами - длиной как у буйвола, густыми, темно-серого цвета. Лоб не такой высокий, как у человека, а низкий и скошенный назад. Глаза раскосые. Скулы выдаются, точно как у монголов. Рот широкий. Подбородок не такой, как у человека: у человека подбородок тонкий, острый, а у него круглый, большой, но не острый, а массивный. Сам - косолапый, колени чуть согнуты вперед, а голени кривые, как у хорошего ездока. Стопы слегка повернуты внутрь. Пальцы на ногах растопырены. Думаю, что это был мужчина, потому что грудей я не видел. На голове волосы не очень длинные, но очень растрепанные, торчали хлопьями в разные стороны. Интересно вот что: у человека лицо по сравнению с черепом уже и меньше. А у него по окружности череп подходящий, но так как он не такой высокий и более плоский, чем у человека, лицо получается крупнее. Несколько минут мы стояли, смотрели друг на друга, он дышал ровно, не запыхался после бега. Потом он повернулся направо и шагом ушел в бурьян. А я поехал дальше".

И в этом талантливом наблюдении снова все должно поразить антрополога, знающего облик ископаемого неандертальца. А ведь это лишь одна из множества беглых зарисовок. На очередном отчетном докладе в Географическом обществе весной 1966 года Ж.И.Кофман с мастерством хирурга-анатома нарисовала мелком неопровержимую истину. Вот схематический череп современного человека. Вот - ископаемого неандертальца. А вот - и мел на наших глазах превращает слова в линии - соединение десятков свидетельств о черепе алмасты. Третий рисунок оказывается тождественным второму.

При этом извлечь общее из протоколов опросов - дело не простое. Это не только не похоже на фольклор, а противоположно: скелет фольклора - повторение. В досье кабардинской лаборатории нет двух записей, хотя бы похожих друг на друга. Нет ни сюжета, ни стиля. Детали бесконечны. Не столько накладывая сообщения друг на друга, сколько прикладывая друг к другу, исследователь реконструирует образ палеоантропа. Впрочем, и он не стандартен. Алмасты и по внешности, и по поведению крайне индивидуальны. В каждом оказывается много своеобычного. Последний сезон работ

Ж.И.Кофман продвинул к новой цели: к возможности собирать пучки информации об одной и той же особи алмасты, узнаваемой по несомненным признакам. Ее видели разные люди в близких местах на протяжении недолгого времени. Это новый сильно приближающий глазок в еще так мало ведомый нам мир этих призрачных животных.

Кабардинская лаборатория должна их декодировать. Мало надежд на наскок или счастливую случайность. Очень много надо предварительно знать.

Бывал алмасты под самыми руками. Но вслепую и уходил из рук. Вот облава. Ержиба Кошокоев, 70 лет, кабардинец: "Первый раз я видел алмасты в сентябре 1944 года. В то время у нас в республике были отряды добровольцев (дружинников) по поддержанию порядка, борьбы с бандитизмом и т.д. Я был членом такого отряда. Отряд был сборный - были в нем и карачаевцы, и осетины, и наших кабардинцев собрали с разных мест. Однажды мы ехали верхом по конопляному полю, около Черной Речки. Я ехал вторым, а первым - человек из Аргудана, он умер теперь. Вдруг его лошадь так резко остановилась, что я чуть не наехал на него. Он говорит мне: "Смотри, алмасты!" Впереди, в нескольких метрах, стояла губганана (алмасты-женщина - Б.П.) и забрасывала себе в рот верхушки конопляных стержней с семенами. Сзади столпился весь отряд, зашумел, и она, увидев нас, очень быстро побежала на двух ногах в кош, который стоял недалеко. Несколько человек сорвали с плеч ружья и хотели стрелять. Но наш командир - русский офицер из Нальчика - закричал: "Не стреляйте, не стреляйте! Давайте лучше возьмем ее живой и доставим в Нальчик". Мы спешились и окружили кош. Нас было много, и мы смогли полностью замкнуть круг вокруг коша. Я оказался как раз напротив двери коша и все видел очень хорошо. Пока мы приближались, губганана два или три раза выскакивала из коша. Она казалась очень взволнованной: выскакивает, суетится, бросается в одну строну, а там люди, вбежит обратно в кош, тут же снова выскакивает, бросается в другую строну, но там тоже люди. При этом она гримасснича- ла, губы быстро-быстро шевелились и бубнили что-то. Между тем наша цепь все больше приближалась к кошу. Мы сомкнулись и шли уже локоть к локтю. В это время губганана выскочила еще раз, заметалась, да вдруг закричала очень страшным кри- ком и кинулась прямо на людей. Бежит она быстрее лошади. По правде сказать, люди растерялись. Она легко прорвала на- шу цепь, с разбега прыгнула в овраг и скрылась в зарослях, окружающих речку. Ростом она была 1 м 80 см, здоровая. Лицо плохо видно из-за волос. Груди до низа живота. Вся покрыта длинными рыжими волосами,

напоминающими волос буйвола. Следы же - я ходил их смотреть в овраге - небольшие. Я очень удивился тогда несоответствию между ее ростом и следами ног (она бежала на носках. - Б.П.)".

Нет, на таких случайностях прогноза поисков не построишь. Можно лишь зарубить себе на носу, что голыми руками алмасты не взять. Совсем иной путь - искать помощи тех местных людей, которые приручали, кормят, тайно содер- жат в сарае или в сенях какого-нибудь единичного алмасты. Связь эта, по собранным сведениям, бывает очень тесной. Но как снять зарок тайны? Лишь один раз случайная удача была совсем близка, однако мы тогда еще ничего этого не понимали и не знали, да трудно сказать, что стали бы делать, если бы и не упустили шанс.

Дело, пожалуй, в том, что Хабасу Карданову, молодому кабардинцу, знакомство с самкой алмасты досталось явно после того, как она уже была приручена каким-нибудь правоверным и почему-то потеряла покровителя. Уж очень легко она поддалась. Впрочем, Хабас, следуя правилам, долгое время отрекался, хотя не умел как следует скрывать привязанность этой алмасты к его дому, и многие жители села Сармаково, в том числе его родные, об этом говорили. Дядя его, Замират Легитов, прямо повстречался с нею в одиноком доме Абаса. Приятели заставили его разговориться. За несколько месяцев до того встретил он в бурьяне страшную волосатую женщину. Он окаменел и покрылся потом от страха. Она же испугалась меньше и продолжала сидеть, когда он пятился. А через несколько дней он повстречал ее снова, потом еще несколько раз, и однажды бросил ей какую-то пищу, не то сыр, не то хлеб. Потом он уже всегда давал ей есть, она стала приходить за кормом к нему в кош. Затем он перегнал гурт в Сармаково, и алмасты последовала за ним - стала жить при его доме. Хабас рассказывал, что приучил ее к кое-каким работам: "Она очень сильная и понятливая... работает быстро, сильно". Например, грузила сено на воз. Ходила она воровать для него помидоры куда-то далеко от Сармакова. "Языка человеческого она не знала, но бормотала что-то нечленораздельное". В тот раз, что дядя повстречался с ней, она вошла с охапкой украденных помидоров и присела, что-то бормоча и кряхтя. Интересно, что мать и отец Абаса не хранили тайну, а высказывали знакомым опасения, как бы алмасты не принесла несчастья их сыну. А он и в самом деле сначала смеялся, а через два-три года уж и не знал, как от нее отделаться: прогнать было невозможно. В 1959 г. в тех местах сведения об алмасты собирал инженер сырзавода М.Темботов по поручению своего брата, зоолога А.Темботова, работающего в Нальчикском университете. Узнал он про Хабаса Карданова, вступил в переговоры. А тот дал понять, что не прочь

отделаться от своей дрессированной назойливой алмасты, заломив, однако, изрядную цену. Настал последний час эпопеи. М.Темботов для получения указаний связался по телефону с одним из членов нашей комиссии. Надо помнить, что это было весной 1959 года: существование снежного человека на Кавказе еще почти не умещалось в мыслях, а комиссия только что потерпела кораблекрушение в Академии наук. Достать нужную сумму было негде. Темботов бросил переговоры с Хабасом Кардановым. А вскоре тот уехал работать в Сибирь: близкие утверждают, что этому решению содействовало желание избавиться от алмасты. Навряд ли стоило бы уповать на повторение этой ситуации.

Кабардинское опытное поле под руководством Ж.И.Кофман - не прыжок, не расчет на случайность, а неуклонное продвижение. В чем главный результат? В том, что каждый год придвигает наш взгляд несколько ближе к зверю. Его натура видится все отчетливей. Каждый сезон открывает что-то о нем, чего мы не знали. Эта поступь дарует чувство неотвратимости успеха. Мы не просто в пещере, мы идем по ней, света прибывает, а значит - выйдем.

Но во мне эти шаги прогресса усиливают чувство огромности того, что еще остается неведомым. Палеоантроп, теплящийся на пространствах от приэльбрусских альпийских лугов и лесов до селений кабардинцев в равнинах, судя по всему, обладает свойствами, о которых мы даже еще и не подозреваем.

В самом деле, записей-то сделано много, но ведь информаторы составляют ничтожный процент населения Кабарды, а большинство информаторов видело лично алмасты один-два раза в жизни,. Следовательно, встречи - редчайшее исключение из правила. Каково же правило? Почему случаются исключения? Вот громада того, что еще во тьме.

Нелегко сказать, перевалили ли мы за половину пути. С отчетливостью, какой никогда прежде не было, понимаем, как трудно будет дойти до цели, - судя по этому, самое трудное все-таки позади.

В ноябре 1967 г. мы с Ж.И.Кофман откликнулись на приглашение выступить с докладами в Пятигорске на краевой конференции по медицинской географии. А оттуда на "запорожце" Ж.И.Кофман я совершил первый наезд в ее земли. Взглянуть на природу, на дали, на лица. Представить себе отныне эти до отказа набитые всякой всячиной две комнаты - базу нашей кабардинской лаборатории в селе Сармаково, раскинувшемся на километры по берегу реки Малки.

С высоты горы Джинал просматривается и долина Малки,

взбирающаяся и протискивающаяся в фиолетовое Приэльбрусье, и океан окаменевших волн, заканчивающийся тридесятыми снежными цепями где-то в дальнем небе. Люди живут только по ниточке реки. Чтобы пересечь поперек все эти горные валы нужны сутки, сутки, сутки карабканья, до горизонта, вероятно, не меньше месяца. Есть там все - от голых скал до лесных дебрей. Птичьи гнезда и разное зверье, дикие плоды и корни растений, живность в почве и в ручьях. Чего там нет, так это людей. Могуч, огромен и уж вовсе не туристичен и не курортен горный Северный Кавказ. Не вижу, как ни вглядываюсь, что могло бы противоречить пусть скудному обитанию редких реликтовых гоминоидов в этих девственных громадах, откуда, впрочем, нужда гонит их на людские пастбища и посевы. И позже, уже внизу, когда наш "запорожец" вжимается в дно одной из многокилометровых боковых "балок", когда мы пешком пробираемся по берегу потока, я вижу в скальных навесах, в гигантских бурьянах немало убежищ, где они могут скрыть свой след и даже затаиться недалеко от селений. Пожилой кабардинец в Сармакове толкует со мной: "Таиться они умеют. Вот даже хоть на той стороне улицы затаился бы, вы его не различите. Они тут в Кабарде действительно водятся, в этом вы можете не сомневаться, но трудно вам будет их изучать, так как они к нам почти не ходят, а мы к ним вовсе не ходим, так уж повелось".

И наверху на Джинале, и в "балке", и на лавочке в Сармакове одна мысль повторялась в моем мозгу. Все, что мы узнали по всему миру, в том числе и тут в Кабарде, это - непреднамеренные встречи (преднамеренное наблюдение было, пожалуй, только у Ю.И.Мережинского). Мы доросли до проблемы: как перейти от коллекционирования непреднамерен- ных встреч к преднамеренным встречам? Нет, не для того, чтобы кого-то "убедить" и тем выдавить из кого-то "пожалуй, да". Но таков дальнейший этап исследования. Только значительная сумма непреднамеренных встреч смогла послужить его фундаментом. Достаточно ли мы узнали, чтобы какой-нибудь совет мудрейших смог извлечь из этой информации вывод, как сделать встречи преднамеренными? Надо настойчиво пробовать. Но если мы знаем еще недостаточно, надо расширить серию записей непреднамеренных встреч хоть в десять раз. Ведь рано или поздно мы окажемся в такой мере осведомленными о биологии реликтовых палеоантропов, в том числе об их отношениях с людьми в разных областях, когда прием, ведущи к преднамеренным встречам, найдется.

Тогда начнется вторая половина истории изучения троглодитов.

12. ДЕКАРТОВА ЗАГАДКА.

Снежный человек. Смешные слова. Так вот что таится за улыбками. Изолированность и одиночество доискавшейся кучки, окруженной молчанкой. Мы машем, как Робинзон, а от нас отворачиваются. Почему же приговор к строгой изоляции, если так ново, важно и неоспоримо, что, казалось бы, сотни тысяч рук должны вытянуться навстречу? Вздымаются, правда, еще, еще и еще пары рук. Но каждая из них тоже обречена на страдания отверженности. Конечно, и это бой за научную молодежь. За ее совесть - основу науки. Но ведь за нее ведут бой и авторитеты, дающие уроки борьбы запрещенными приемами - молчанкой.

Можно привести разные примеры организованного безмолвия. Вот один пример из начального периода нашей работы, другой - недавний.

В мае или июне 1959 года два руководящих деятеля Китайской академии наук находились в Москве. Я беседую с одним из них по телефону. Слышу волнующий ответ: они только что как раз согласовывали между собой тот максимум, который имеют право мне сообщить: "наша Академия имеет чрезвычайно важный материал, о котором пока не может вас информировать, но мы сообщим вашей комиссии полностью все эти данные не позже августа". В те же дни другой из них, вышестоящий, посетил редакцию одного московского журнала и на вопрос сотрудников: нет ли новых данных о снежном человеке, - ответил, что новый материал есть, причем такой, опубликование которого будет переворотом во всей науке о происхождении человека. Нелегко мне было дожидаться августа. Но прошел и август, потекли месяц за месяцем. Я писал своему коллеге, руководителю параллельной нашей комиссии по проблеме снежного человека, а он молчал. Наконец, много спустя его неофициальный ответ через третье лицо: "Пусть профессор Поршнев не думает, что мы хотим что-либо скрыть, но имеющийся материал и вопрос о его опубликовании еще находится на рассмотрении высшего руводства". Намеком дано понять, что материал добыт не совсем внутри государственных границ. С тех пор прошло девять лет. Безмолвие.

В 1964 году в Москве на Международном конгрессе по антропологии шел симпозиум на заманчивую тему "Грань между человеком и животным". На кафедру поднялся доктор биологических наук профессор Л.П.Астанин и начал: "Несколько слов о так называемом снежном человеке...". Председательствовал

советский антрополог, кандидат биологических наук В.П.Якимов. Он вскочил. Кажется, первый раз во всей истории международных научных конгрессов участник конгресса был согнан с кафедры. Тщетно заверял Л.П.Астанин, что будет говорить об анатомии кисти.

Знаю, что любые слова отскочат, ибо парируются стандартной репликой: "А вы сначала поймайте!". Но это все равно, как К.Э.Циолковскому отвечали: "А вы сначала слетайте на Луну, тогда и рассуждайте!".

Мы сейчас занимаемся не поиском сенсационного "доказательства" (специалистам доказательств достаточно), а проникновением в природу изучаемого явления, его теоретическим научным объяснением. Одновременно другие работают в поле, но, продолжая сравнение, их можно уподобить группе ГИРДовцев (ГИРД - группа по изучению реактивных двигателей), сомодельно и поначалу без всякой поддержки мастеривших ракеты - подготавливавших предпосылки будущего прорыва человека в космос; дело недалеко продвинулось бы без мощной помощи государства, общества, науки.

Прежде всего надо не ловить, а фотографировать, полуприручать, устроить заповедник палеоантропов. Но и этого достигнуть сможет лишь упорное исследование. Надо систематически изучать средства проникнуть сквозь две пелены, два защитных пояса: сферу людского противодействия нашему поиску и сферу биологической сомообороны палеоантропа от людского поиска. Обе эти брони мы еще царапнули, а не пробурили. А какая бездна непредвиденных тем возникнет и при подкармливании, и при пленении. Можно предвидеть такую: все данные согласуются, что эти существа гибнут в закрытом помещении. Поэтому надо тщательно учесть наперед стопку сообщений о том, как их содержали в плену.

Хорошо, вот пойман и сохранен экземпляр или, допустим, на него можно смотреть сквозь глазок телеобъектива, и призваны эксперты. Полный провал. У них нет в сознании таких классификационных рубрик, им нечего сказать. Они не эксперты. Тем более они не могли бы ничего найти. По словам Д.И.Менделеева, "чтобы найти, надо ведь не только глядеть, и глядеть внимательно, но надо и знать многое, чтобы знать, куда глядеть".

Те, кто, переняв у нас эстафету, захотят увидеть и поймать, должны будут и много знать, и многое выбросить из головы. Выбросить надо будет и бредни об одичании людей, если они долго живут вне людей, и архиглупые картинки, изображающие быт и облик представителей древнего каменного века со шкурой

на чреслах и божьей искрой во взгляде. Глаз, засоренный этим, не увидит ничего. И уж вовсе катаракта - философская замазка.

Арабский автор XII века Низами Арузи Самарканди (Афганистан) излагает схему строения мира в виде ряда: неживая природа - растения и животные - люди - бог. Животные тоже представляют собой ряд: от низших до высших, от первичного и наименее полноценного до последнего, наиболее полноценного, после которого начинается новый ряд - люди. "Первичное животное - дождевой червь, а последнее - наснас. Это животное, которое обитает в пустынях Туркестана, у него вертикально поставленное туловище, прямой рост и широкие ногти. Где бы он ни увидел людей, он выходит на их путь и наблюдает за ними. А если увидит одинокого человека, похищает его и, говорят, способен зачать с ним. Итак, после человека он самый благородный среди животных, сходный с человеком в нескольких отношениях: прямизной стана, шириной ногтей и волосами на голове... Однако с течением времени и в ходе дней благотворность естества увеличилась, в бытие вступил человек, и приобщил себе все, что было в неживом мире, мире растений и мире животных, и прибавил к этому способность постигать эти вещи разумом". И в Западной Европе в средние века некоторые сочинители, например, Ричард де Фурниваль, противопоставляя человеку растения и животных, дикого человека включают в число последних. правда, другие пытались уместить его на самой нижней ступени среди людей. Противоположность человека и остальной природы стала выглядеть грубее и непреодолимее в глазах мыслителей позднейших веков, когда высшая ступень среди животных, фигура палеоантропа, стерлась в памяти. В новое время научная мысль вступила с декартовской проблемой: можно ли охватить все явления природы принципиально единой причинностью ("физикой") и можно ли включить в этот ряд также человека? На первый вопрос ответ был положительный, естествознание заявило о своих безмерных притязаниях. Декарт предсказывал, что не только мертвые тела, но и животные будут объяснены средствами физикализма, как рефлекторные автоматы. Но на второй вопрос следовал ответ отрицательный. Человек не весь вписывается в общую причинность, его духовная деятельность находится на другом берегу.

Обычно говорят, что у Декарта это было компромиссом науки и религии. Так, но суть проблемы осталась и остается: можно или нельзя ввести человеческое сознание в единый ряд естественной причинности. Это - высшая цель науки, и на эту скалу она не раз обрушивала свои новые и новые прибои.

Первым таким штурмом, первым натиском на абсолютное

противопоставление человека и природы был материализм просветителей XVIII века. Казалось, уже проступает неоспоримость прорыва: человек - растение, человек - машина. Пусть сложнейшая машина, но понять в ней что-либо, тем более чинить ее можно лишь с помощью идей "естественное состояние", "естественное право", "воздействие среды на органы чувств и нравы людей". Прошли десятки лет. Сам уровень научного мышления поднялся на целый порядок выше. И - новая атака на все-таки разверстую декартову проблему: дарвинизм. Его кричащей сутью было то, что даже не упоминалось в "Происхождении видов": человек произошел от обезьяны путем естественного отбора! Именно этот прорыв осаждающих ратников в крепость, через ров, по перекидному мосту, сквозь распахнутые ворота, во внутренний двор - вот в чем была высшая, пьянящая сладость дарвинизма, ради которой стоило корпеть над обеспечением тыла - палеонтологией и филогенией всех видов, вплоть до моллюсков и инфузорий. Еще десятки лет - новый сокрушительный приступ. Потому что, оказалось, декартова пропасть по-прежнему зияет. На этот раз - вторжение в работу высших отделов головного мозга. Русская физиологическая школа, осененная гением Сеченова, увенчанная гением Введенского, Павлова и Ухтомского. Естествознание ворвалось в седалище человеческой мысли, в орган сознания. Эхо побед разнеслось по многим соседним наукам. А через несколько десятков лет мы, может быть, острее, чем Декарт, потому что мучительнее, видим отверстую, как рана, загадку человека в природе.

На протяжении всей истории науки между этими приливами мы видим мутные воды отлива: ил и песок - распространение свойств человеческого духа на животных, на природу. Разрыв, мол, легко перекрыть. Это не требует такого напряжения мысли. Но даже в самом ученом переплете это не наука.

Каждый из названных прибоев потрясал мировоззрение. Каждый колоссально двинул науку. В решении же основной проблемы каждый разбился об утес, хоть и дробя его. Поднимается, неминуем новый вал. Может быть девятый. Уже крушатся стоящие на пути надолбы. В этой подготовительной разрушительной работе могучий таран - ревизия проблемы неандертальца. Читатель убедился: ревизор прибыл, и не инкогнито. Его стараются не видеть - зажмурились.

Открытие реликтовых неандертальцев говорит не о том, как произошел человек, а о том, как он безусловно не произошел: обрушена половина заслонявшей горы. Она осела с грохотом, с пылью под небо.

О том, как человек произошел, невозможно писать коротко в этом очерке. Тут остается добавить всего несколько слов.

Этот очерк - всего лишь история десятилетней научной трагедии - "оптимистической трагедии". Вот еще сцена из нее же. Сжав до предела, я изложил выношенный долгими годами новый взгляд на некоторые коренные вопросы происхождения человека. Статья, озаглавленная как вызов на дуэль - "Возможна ли сейчас научная революция в приматологии?" - появилась в журнале "Вопросы философии" (1966, N 3). С редакцией мы решили печатать ее в отделе дискуссий: двойной картель. Отныне антропологи обязаны вступить в серьезный спор. Мы ошиблись. Ни одной реплики, никакой дискуссии. А ведь у журнала много тысяч читателей, в том числе за рубежом, в странах социализма. Молчанием думали выразить непочтение ко мне, а выразили неуважение к ним.

Впрочем, одна реплика в печати последовала. В книжке-комиксе Н.Эйдельмана "Ищу предка" (М., 1967) в конце торчит явно инспирированная стрела: "любители", мол, зря поучают профессионалов, как надлежит побыстрее организовать "революцию в приматологии" (стр.241). Запрещенный прием бокса: неугодное научное направление третировать как любительство. А ведь я, кстати, призывал ученых иного направления не делать революцию, а высказать не скрывать свои возражения мне, так как ни я, ни публика, ни Н.Эйдельман их не знаем. Как ни обзывай противника, это не заменит возражений.

Скоро десять лет, как "эврика" сказано. Испытательный десятилетний срок потребовал предельного напряжения сил и привел к неоспоримости открытия. Это - бульдозер против завалов, что на пути к новому штурму человеческой загадки. Конечно, я и заметил снежного человека только потому, что новая попытка решить декартову задачу уже была в уме. О ней в целом я пишу книгу. Но важный контрольный факт окружен ученым безмолвием.

Мы требуем наконец битвы. То, что отжато на предыдущих страницах, то, что в изобилии выстроилось за ними в "Инормационных материалах...", в "Современном состоянии вопроса...", - или это дурной сон, или доказательство, что антропология пребывает в глубоком ослеплении. Ну что же, оспаривайте, опровергайте, сокрушайте, кричите. Или рыдайте, что ли!

Антропология безмолвствует.

13. ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО.

Итак, виновным себя не признаю.

Например, никак не повинен в "сенсации". Какая там сенсация - терпеливый труд почти вовсе в тени. И сегодня еще лишь очень немногие понимают, что троглоты - большое событие в философии. В философии, граждане судьи, в философии случилась сенсация, но ведь не это имелось ввиду обвинением.

Материализм - целитель слепоты. Благодаря ему мы увидели то, что было под носом, но чего не надлежало видеть. Не монстра, не никчемную диковину гор и чащ, а первостепенный факт "философской антропологиии".

Не признаю за собой вины в том, что шагнул на землю биологии.

Не раз донеслось до меня: историк Поршнев самим фактом своего присутсвия дискредитирует дело снежного человека. Почему бы ему этим заниматься? С какой стати, если бы вопрос был достоин биологической науки? Гнать их из нашего биологического удела!

Фрагменты жизнеописания.

Еще в семье от отца-химика я получил обучение естествознанием. А початки мышления неискоренимы на всю жизнь. В Московском университете, а отделении, где я был студентом, тогда были соединены две профилирующие специальности: психология и история; но занятия психологией под руководством профессоров Г.И.Челпанова и К.Н.Корнилова, по их совету, потребовали еще и третьего профиля: я стал уделять время параллельным занятиям на биологическом факультете. К окончанию университета созрело верное реше- ние: психология - смык бологических и социальных наук, и, как ни сложны биологичесие, социальные еще много труднее, кто не понял их - немощен. А история - слиток всех социаль- ных наук. Долгим трудом я достиг признанного мастерства историка: центр - история XVII века, широкий концентр - исторические судьбы "срединной формации", феодализма, еще более широкий - сам феномен человеческой истории от ее инициации до сегодня. Все это - закалка, прежде чем вернуться в психологи. И все это время я много читал по психологии и физиологии, чтобы никак не отстать от их поступи. И сохранить навык мыслить биологически.

Час синтеза подошел, когда я смог своими пальцами прикоснуться к началу истории. Участвовал в археологических

экспедициях: по верхнему палеолиту - на Дону, по среднему - на Волге, по нижнему - в Юго-Осетии... И тут я был озадачен: мои глаза замечали не то, что глаза превосходных археологов, у которых я учился. Виртуозы, эрудиты в своем специальном деле, они были до стерильности не склонны к биологическому мышлению. Так, за усеивающими палеолитические стоянки костями животных я старался мысленно разглядеть жизнь этих животных, они - нет. Общее слово "охота", которое тут ничего жизненно не объясняет, для них заменяет познание биоценоза самых различных зверей и птиц, включавшего как свою составную часть и доисторичесого человека. Когда же по урывкам археологи начинают импровизировать в зоологии, это так же досадно, как и обыденные истины зоологов о человеке. И принялся я со всем возможным упорством за овладение современнми знаниями по экологии и биологии млекопитающих и птиц. А одновременно продвигались и мои экспериментальные, на собаках и обезьянах, и теоретические исследования по физиологии высшей нервной деятельности.

Осталось сделать завершающий шаг в "науки о человеке" - в психологию и антропологию. Как историк и как биолог я на всем пути учился видеть то, что не надлежит видеть. Этот парус навел меня на два предмета: на тайны психофизиологии речи и на реликтовых неговорящих троглодитов. Кое-кто занимается снежным человеком, ибо уж больно интересно: что это там такое? Я же занимаюсь им только ради вопроса: что же такое человек? Живые троглодиты (благодаря отождествлению их с неандертальцами) - важный плацдарм для прогреса науки о человеке.

При всем том можно бы и не повествовать о неписаном праве на диплом биолога. Через десять лет поздно спрашивать водительские права. Кто сделал дело в биологии, тот биолог.

А мышление историка помогло против школярства лаборантов и препараторов: они, чего доброго, додумались бы требовать на стол шейные позвонки Людовика XVI в доказательство того, что он действительно был гильотинирован. Но этот факт считается доказанным другим, не менее научным способом.

Не признаю своей виной появления статьи "Материализм и идеализм в вопросах становления человека", появившейся в 1955 г. в журнале "Вопросы филоофии" (N 5). Она навлекла на меня даже не суд - отлучение. Хотя я не называл идеалистом никого из наших специалистов, чуть не все схватились за шапки. Я очень спокойно парировал анафемы: "Еще к вопросу о становлении человека" ("Советская антропология", 1957, N 2), "К спорам о

проблеме возникновения человеческого общества" ("Вопросы истории", 1958, N 2). Анафемствовавшие вдруг потупились, сникли, последнее слово осталось за мной. Но я словно бросил свои доказательства в пустыню.

А дело простое. Никогда, никогда Маркс не определял человека как "животное, изготовляющее орудия", как "создателя орудий". Маркс цитировал сотни буржуазных благоглупостей, либо если в них хоть что-то отсвечивало из жизни, либо если они характерно искажали жизнь, среди них процитировал и этот афоризм Бенджамина Франклина, назвав его характерным для века янки. Действительно, близорукий практицизм, деляческий индивидуализм - суть этой сентенции. Маркс же определял человека прежде всего, с самого начала, не как одиночку с каким-либо инструментом в руке, а как существо общественное. Характеризуя человеческий труд, Маркс указал на первом месте не наличие предмета труда, что не отличает человека от животного, и не наличие орудий труда, - на первое место он опять и опять ставил присутствие цели труда, целесообразной воли.

Человек обрел свойство ставить цели только благодаря развитию у него речи. Чем связан каждый организм с обществом? Речью. Речь есть чисто социальное явление. Деятельность, подчиненная цели, - психологический плод речи, иначе говоря, социальное явление в индивидуальном теле.

В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении работающего, т.е. идеально. Идеальное в этом контексте - не беспричинный дух, а проявление общественной натуры самого работающего. Психология изучает, как сила слова преобразуется в мозгу гомо сапиенса, особенно в его лобных долях, в силу цели - в целесообразную волю. А уж материальные орудия и сырье - это средства реализаци задачи. Начинать же с них суть человека - значит перекувырнуть пирамиду. Сидел, дескать, дикарь сам по себе, долбал камни, скоблил палки, хоть и чуть более сложно, чем может обезьяна.

Вот я и поднял руку на эту нищую философию янки, подбрасываемую по неведению Марксу и Энгельсу, философию одиночки, думающего пробиться в люди своими двумя руками и своим личным мозгом.

Но археолог находит скелеты ископаемых форм, предшествовавших современному человеку, в сопровождении примитивно обработанных камней. Они стереотипны, восклицает он, и делает отсюда психологические выводы. Однако психолог, изучив изделия нижнего и среднего палеолита, приходит к заключению, что они не свидетельствуют о соучастии слова и

понятия. Другой механизм достаточен для объяснения шаблонности этих предметов: врожденное поведение плюс механизм подражания, присущий, подчас в высокой мере, разным позвоночным и особо возрастающий у приматов. Научить ведь можно показом, не обязательно рассказом. То было усвоением увиденного из чужих рук. Там действовало немое перенимание, имитирование. Свойства того же подражания, исследованные на животных, косвенно объясняют и наблюдающееся постепенное изменение шаблона палеолитических "орудий", пусть в чем-то более быстрые, чем телесная эволюция вида. Так, тщательные наблюдения натуралистов доказывали: у птиц узко-местное колебание в манере петь способно путем подражания за немногие поколения разлиться на целую географическую область и шире; глядь, через из- вестный срок весь вид выводит иначе прежнюю трель. Но как правило любые сдвиги сложного поведения через механизмы подражания медленны, требуют огромных отрезков, ибо основ- ное действие этого механизма обратное - закрепление шабло- на. Одним словом, те древние "орудия" не имеют связи с ре- чевой и интеллектульной деятельностью. Наука способна расшифровать их без этой гипотезы. Речь и мысль пришли позже.

Но ведь археолог видит сразу несколько типов орудий, они имели разные функции, - упорствует оппонент. Да, но круг их применения не был разнообразен. Взгляните, вон сколько инструментов в кабинете стоматолога. Или у хирурга. Все "орудия" тех дочеловеческих существ были приспособлены только для разных детальных операций освоения туши крупного животного. Это - биологическая адаптация. Чувство голода или присутсвие туши подстегивало инстинкт заготовки этих средств освоения, так же, как стимулировали его и непосильные зубам трудности, встреченные в процессе освоения.

Следовательно, вопрос, почему реликтовый палеоантроп ныне не имеет орудий, таких, какие находят археологи в среднечетвертичных отложениях, это вопрос не собственной истории палентропов, а истории фауны. Исчезли огромные стада крупных травоядных, сменилась тем и кормовая база неандертальцев, значит утратилась и премственность (поддерживаемая лишь подражанием) изготовления "орудий" из кремней или других раскалывающихся пород камня. А в тех географических областях, где подобные стада сохранялись дольше, затянулась и археологическая эпоха "мустье"; в Средней Азии ее следы достигают несравнимо более позднего времени, чем в Западной Европе, - чуть не недавнего прошлого. О том же говорит археология палеолита Севера.

Если так, рождается вопрос: а можно ли у нынешнего

реликтового троглодита, когда он будет пойман, восстановить заглохший инстинкт и утраченный навык изготовления примитивных "орудий" - от начальных до максимально сложных из доступных ему, т.е. мустьерских? Представим себе грядущий эксперимент: содержимую в неволе особь мы станем стимулировать и голодом, и видом туши, и показом движений, раскалывающих и заостряющих камень. Научится ли? Останется иксом, принужден ли он будет подражать представителю иного вида, человеку, столь же интенсивно, как подражал бы сородичу-троглодиту. Час придет, эксперименты ответят.

Оппонент упорствует в последний раз: огонь, прометеево свершение, как же огонь-то у неандертальцев без слов и понятий? Но показано, что никто не открыл и не изобрел огонь. Наоборот, тысячелетиями не знали, как от него избавиться. Правда, и вреда особого он не причинял, так как погореть было почти нечему. Но тут и там затлевала и дымила подстилка в логовах палеоантропов. В природе подстилка в любых берлогах, норах и гнездах сложена как раз из таких материалов, которые способны затлеть от искры. Но только данный вид, эти ископаемые троглодиты, сыпали вокруг себя искры, вернее, искры, помимо их намерения, сыпались, когда они обивали камень камнем. Это был совершенно случайный побочный плод, и лишь очень понемногу его стали одомашивать. В 1954 г. мы с двумя помощниками провели серию опытов высекания искр двумя кремнями без помощи металла, на разный способный к тлению материал. Результаты опытов опубликованы. Прометея не было. Не было и дальновидного, сообразительного наблюдателя пользы от извержения вулкана, от лесного пожара.

... не было людей. Это были не люди.

Тот анатомический факт, что различие между неандертальцем и Homo sapi`s ...га различия видов использует расизм: значит, говорит он, научно доказано, что в принципе различные люди по своей природе принадлежат к разным видам! Ошибка же в том, что неандертальцы - не люди. Существа, не имеющие членораздельной речи, тем самым ...е понятия "люди". Достаточно ...ими аргументами установлено, что у искомаемых неандертальцев не было членораздельной речи, как нет ее у живых ... неандертальцев.

Мало сказать - не люди. Пропасть яснее, если сказать - антилюди.

Прочитав, что представляет собою палеоантроп, морщатся: омерзи... ...ит. Вот это и великолепно! Это ... идеей развития. Образ, раскрыв... ...дыдущих страницах, ведь это то, ...кивалась с истинным омерзени... ... история, и тем решительнее, чем ...

становились людьми. Если бы мы ..., что люди сейчас считают са... ... и отвратительным, ответ гласил ... было присуще доисторическому ... ...те воссоздать образ этого пред... ...те все, что вам мерзко, и значи... ... пригодится для портрета. Иначе ис... ...ла не путем, а треком. Единствен... ...танта, которой можно охарактеризовать человека: он существо, неуклонно уходящее все дальше от исходного состояния, причем с ускорением.

Троглодиты ни в каком смысле не люди. Сейчас ...ало важно подчеркнуть и для практики: мы видим на кадрах, снятых Р.Паттом в лесистых горах Северной Калифорнии, шагает как бы человек, правда весь в че... волосе, но впрямь человек. Это делает особенно наглядной дилемму: нет ли у нас по отношению к нему моральных или правовых обязанностей? Нет. Это существо не только другого рада или вида, чем мы, но другого семейства, хоть люди и произошли именно от таких существ. Ничто не возбраняет ни насилия, ни, если надо, умерщвления. Надо выбросить из головы помысел о "получеловеке". Французский писатель Веркор, создав такой образ, породил вместе с ним и безвыходные правовые и этические проблемы, которых на самом деле нет. Троглоты - объект естествознания и только естествознания.

Не признаю себя виноватым, что вынес эту проблему на страницы "Комсомольской правды" и еще десятка газет, научно-популярных и литературно-художественных журналов. Не виновен в профанировании науки.

Довольно было бы сослаться на то, что если реку запрудит хоть утес, она обогнет его и ручейками, и по низине. Науку не перекрыть. Но есть тут и обстоятельства более специальные, небывалые.

На этот раз отрытие надо было делать с помощью знаний, опыта и инициативы народа. Спросить его и попросить его помочь. Это - магистраль данного исследования. Прямой путь к непознанному. И естественно, что такого рода вовлечению народа в научное дело благоприятствует социалистический общественный строй. Приоритет нашей страны в поиске, обнаружении, изучении живых троглодитов еще раз зримо подтвердил бы преимущество этого строя. Ни с одной страной не сравнимая сеть местных газет, высокая и умная отзывчивость миллионов на передовое начинание, глубокий крах дедовских предрассудков. Где, как не у нас, собрать неводом огромную добровольную информацию. А может быть, и разыскать умельцев.

Суть в том, что без этого открытия наука о человеке не может дальше развиваться. В частности, наука об орудии орудий человека - речи. И поэтому необходимость прокладывает себе дорогу сквозь все случайности.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Отвратительный и смехотворный
2. Негаданные сопоставления
3. "Записка, не имеющая научного значения"
4. Вне идей
5. Взмах и перелом крыла
6. Будни, познание
7. Сквозь непрозрачность прошедших веков
8. С карандашом по карте
9. Подзащитный правоверных
10. Рукой подать
11. Кабардинское опытное поле
12. Декартова загадка
13. Последнее слово